

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
ЗАПИСКИ**
*Вестник литературоведения
и языкознания*

Наш адрес:
394006 Воронеж, пл. Ленина, 10
Филологический факультет ВГУ
Факс: (473) 220-83-53
E-mail: kafruslit@gmail.com
aafaustov@list.ru
<http://www.lib.vsu.ru/elib>

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ
ВЫПУСК 33 Ч. 1

2019

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ

ЗАПИСКИ

*Вестник литературоведения
и языкознания*

ВЫПУСК 33

Часть 1

2018 год – столетие ВГУ

Отцы и дети русской литературы

Вокруг «Крейцеровой сонаты»

Анаграммы и коды в литературе

2019

ИЗДАНИЕ ОСНОВАНО А. А. ХОВАНСКИМ В 1860 ГОДУ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
ЗАПИСКИ

*Вестник литературоведения
и языкознания*

ВЫПУСК 33

Часть 1

ВОРОНЕЖ
2019

УДК 80
ББК 83.3(2Рос-Рус)я43
Ф54

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1

2018 ГОД – СТОЛЕТИЕ ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

- Редакционная коллегия:
А. А. Фаустов (главный редактор),
В. М. Акаткин, О. А. Бердникова, А. Б. Ботникова,
Г. Ф. Ковалев, Л. М. Кольцова, А. С. Крюков,
О. Г. Ласунский, Т. А. Никонова, С. В. Савинков,
И. А. Стернин, С. Н. Филюшкина
- Филологические записки** : вестник литературоведения и языкознания. 2019. Вып. 33 : в 2 ч. / гл. ред. – А. А. Фаустов ; Воронежский государственный университет. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2019.
ISBN 978-5-9273-2902-1
Ч. 1. – 2019. – 348 с.
ISBN 978-5-9273-2903-8
- «Филологические записки» – продолжающееся научное издание, которое развивает традиции одноименного воронежского журнала (1860–1917). На страницах вестника рассматриваются актуальные проблемы истории и теории литературы, языка, публикуются архивные материалы. Выпускается филологическим факультетом ВГУ. Настоящий выпуск приурочен к 100-летию юбилею Воронежского университета.
- Издание адресовано филологам-специалистам, учителям-словесникам, студентам, всем, кто интересуется литературой и вопросами языка.
- УДК 80
ББК 83.3(2Рос-Рус)я43
- © Авторы статей, 2019
© Воронежский государственный университет, 2019
© Оформление, оригинал-макет. Издательский дом ВГУ, 2019
- ISBN 978-5-9273-2903-8 (ч. 1)
ISBN 978-5-9273-2902-1

- Дьякова В. И.* Учёный. Учитель. Человек : о В. И. Собиенниковой.... 5
- Кольцова Л. М., Голицына Т. Н.* Игорь Павлович Распопов – учёный и педагог 14
- Стернин И. А., Стернина М. А.* Научная концепция и основные результаты, полученные научной школой профессора З. Д. Поповой 18
- Дьякова В. И., Панова М. В.* Из истории диалектологических исследований в Воронежском университете 33
- Сидорова Е. В., Швецова О. А.* Вклад кафедры русского языка филологического факультета ВГУ в разработку вопросов методики преподавания русского языка в школе 44
- Никонова Т. А.* В диалоге со временем 56
- Житенёв А. А., Рыбачева Л. В.* Искусства и гуманитарные науки: традиции и инновации..... 74
- Грачёва Ж. В., Попова М. К.* Кафедра издательского дела ВГУ: итоги и перспективы..... 78
- Чугунов Д. А.* Заметки о кафедре истории и типологии русской и зарубежной литературы..... 98

ЛИТЕРАТУРА В ДВИЖЕНИИ ЭПОХ

- Евзлин М.* Пифос: источник жизни и источник смерти..... 107
- Кретов А. А.* Отцы и дети русской классической литературы (опыт маркемной генеалогии). Статья первая: Свидетельство авторов второй половины XVIII века..... 134
- Козюба Е. О.* Тень Боброва: к источникам «Евгения Онегина» (2, XIII, 7)..... 138
- Толстая Е. Д.* Приемы речевой выразительности в романе Тургенева «Накануне» 140

<i>Фаустов А. А.</i> Об авторском поведении Л. Н. Толстого: вокруг «Крейцеровой сонаты».....	151
<i>Нагина К. А.</i> Под знаком <i>Медведицы</i> : об одном сюжете в творчестве Л. Н. Толстого.....	172
<i>Вайскопф М.</i> Анаграммы и коды в литературе первой трети XX века.....	187
<i>Филошкина С. Н., Шишкин К. Г.</i> Грэм Грин и Ивлин Во в эпистолярном диалоге: согласие и полемика.....	197

2018 ГОД – СТОЛЕТИЕ ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

В. И. Дьякова

УЧЁНЫЙ. УЧИТЕЛЬ. ЧЕЛОВЕК: О В. И. СОБИННИКОВОЙ

Есть люди, к которым тянутся многие и которые притягивают к себе всех. К ним приходят за участием и поддержкой, за советом и помощью. С ними делится радостью и горем, успехом и поражением. Они обладают удивительным даром заряжать сердца людей оптимизмом, надеждой и уверенностью в правильности выбора. Любое задуманное дело им по плечу. Такой была наш учитель и наставник – профессор В. И. Собинникова.

С раннего детства привыкшая к труду, Валентина Ивановна считала труд основным делом всякой жизни.

Имя В. И. Собинниковой – доктора филологических наук, профессора – широко известно за пределами отечественной филологии, в международных научных кругах ее знают как крупного специалиста по историческому и диалектному синтаксису русского языка.

В. И. Собинникова родилась в 1908 в г. Козельске Калужской губернии. Природные способности Валентины Ивановны сочетались с необыкновенным трудолюбием, с ответственным отношением к любому делу, страстной любовью к родной речи, к живому русскому слову. Влюбленность в свое дело, свою профессию она пронесла через всю жизнь. Ее научно-педагогическая деятельность исключительно многообразна.

В 1927 г. В. И. Собинникова окончила Козельское педагогическое училище и стала учительницей начальной школы в с. Алешня. Одновременно много сил и энергии отдавала она занятиям с неграмотными и малограмотными. После окончания в 1936 г. Смоленского пединститута она работала преподавателем в Мещовском педагогическом училище Смоленской области. Позже она поступила в заочную, а с 1940 г. перевелась в очную аспирантуру к проф. Д. И. Абрамовичу. Когда Смоленский институт эвакуировался в Киров, Валентина Ивановна была направлена в аспирантуру Куйбышевского пединститута и в августе 1943 г. под научным руководством проф. В. А. Малаховского успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Словарь Псковской судной грамоты». Проработав некоторое время в Куйбышевском вузе, в ноябре 1943 г. В. И. Собинникова получила направление в Воронежский госуниверситет, историко-филологический факультет которого в то время реэвакуировался в г. Липецк. Валентина Ивановна вспоминала: «Трудное было время: на кафедре только три преподавателя – Василий Федорович Чистяков, Семен Иванович Челноков и я. Учебников не было. Все мое богатство – записи лекций. Почти все лингвистические дисциплины читала я». В 1952 г. В. И. Собинникова возглавила кафедру русского языка, позднее – кафедру русско-славянского и общего языкознания, а с 1973 по 1991 г. – кафедру русско-славянского языкознания. В 1961 г. за многогранную научную и педагогическую деятельность В. И. Собинниковой было присвоено ученое звание профессора.

В. И. Собинникова – языковед широкого профиля: в поле зрения ее интересов вопросы истории языка, диалектологии, славяноведения; фонетики и лексики, морфологии и синтаксиса, стилистики и сравнительной грамматики славянских языков; методики преподавания русского языка в вузе и школе; краеведения.

Ее перу принадлежит более 200 научных работ, десять из которых – монографии. Особо надо отметить книгу «Псковская судная грамота – памятник русского литературного языка» (1990), учебное пособие «Лекции по исторической грамматике русского языка» (1967; 1984), по которым учится не одно поколение студентов. Когда читаешь библи-

ографический список работ В. И. Собинниковой, видишь, как постепенно расширяется круг источников и проблем, связанных с историей восточнославянских языков.

Профессор В. И. Собинникова является основателем воронежского лингвокраеведения. С 1946 г. Валентина Ивановна начинает заниматься сбором и изучением воронежских народных говоров. Всестороннее изучение воронежских диалектов становится одним из главных направлений ее исследовательской деятельности. Работы В. И. Собинниковой по воронежским говорам отличаются глубиной и всесторонностью изучения анализируемого материала. Воронежские говоры рассматриваются ею как часть восточнославянских диалектов, находящихся в непосредственном контакте с другими восточнославянскими языками и диалектами, особенно украинскими. Изучение русско-украинских языковых особенностей нашло отражение в целом ряде публикаций В. И. Собинниковой. Позднее ее научные интересы сосредотачиваются главным образом вокруг проблем диалектологии и исторического синтаксиса, при этом синтаксический строй говоров и памятников письменности рассматривается в связи с процессами развития русского национального языка. В 1969 г. ученым советом МГПИ В. И. Собинниковой было присуждено ученое звание доктора филологических наук по совокупности выполненных работ на тему «Проблемы диалектного и исторического синтаксиса (на материале воронежских говоров и памятников письменности)».

Особо надо отметить начало лексикографической работы Валентины Ивановны Собинниковой, выразившейся в собирании воронежского диалектного материала и его систематизации в Картотеке Воронежского областного словаря. Картотека содержит не только языковые, но и этнографические сведения по Воронежскому краю, включая материалы Липецкой области. Картотека собиралась долгие годы трудами преподавателей, аспирантов и студентов-филологов под руководством В. И. Собинниковой. В отчете факультета за 1957 г. отмечалось: «Кафедрой русского языка систематически организуются диалектологические экспедиции с привлечением студентов в качестве активных участников (руководитель доц. В. И. Собинни-

кова). Отчетные материалы экспедиции представляются в Институт языкознания Академии наук СССР, где эта работа получила высокую оценку и неоднократно отмечалась благодарностями¹.

К краеведческой работе В. И. Собинникова привлекла всю лингвистическую общественность Центрально-Черноземного района. Она создала воронежскую диалектологическую школу, собрала вокруг себя увлеченных диалектологов региона: А. И. Чижик-Полейко, И. К. Зайцеву, А. С. Афанасьеву, В. И. Хитрову, В. И. Дьякову, В. Н. Кретову, Л. К. Лыжову, А. Д. Черенкову, Р. В. Херольянц, Е. В. Давыдову. В ежегодных краеведческих конференциях под руководством В. И. Собинниковой работали секция по изучению особенностей местных говоров и сельской речи. Основные результаты публиковались в ежегодных изданиях Воронежского общества краеведов. Краеведческая работа велась по нескольким направлениям:

– сбор языкового материала, накопление и систематизация в виде Картотеки воронежских говоров, которая легла в основу уже издающегося по частям Словаря воронежских говоров;

– изучение воронежского просторечия, качественный анализ просторечий, пополняющих литературную речь, выработка методических приемов искоренения диалектно-просторечных и жаргонных ошибок в речи молодого поколения;

– работа по пропаганде культуры речи среди населения области на страницах областной прессы. Ряд лет В. И. Собинникова вела в областной газете «Коммуна» рубрику «Правильно ли мы говорим?»;

– изучение языка писателей, связанных с Воронежским краем и Черноземьем (И. С. Никитин, А. В. Кольцов, А. И. Эртель, Е. М. Милицына, Г. Н. Троепольский, А. Н. Королькова и др.).

Несомненны заслуги В. И. Собинниковой в организации изучения славянских языков в Воронежском университете. С середины 1940-х гг. в учебном плане факультета появи-

лись славянские языки и спецкурс «Сравнительная грамматика славянских языков», а с 1957 г. стали проводиться ежегодные «Славянские чтения», на которых студенты представляли песни, стихи, сказки на польском, болгарском, украинском и других языках, изучавшихся ими в течение года.

Возглавив в университете кафедру русско-славянского языкознания, В. И. Собинникова расширила круг преподаваемых предметов в сторону славянских языков при сопоставительном изучении русского языка с другими славянскими. Кафедра в значительной степени ориентирована на изучение соотношения с восточнославянскими языками, особенно с украинским.

Профессор В. И. Собинникова проводила интенсивную работу по подготовке научных кадров по славянским языкам, наладила постоянные научные связи с соответствующими кафедрами Брненского университета (Чехословакия), Университета Скопье (Македония), Ягеллонского университета (Польша), со славянскими кафедрами в Петербурге, Москве, Киеве, Львове, Харькове, Минске и т.д.

Ее работы по славянским языкам публиковались в Чехословакии, Германии. Библиографический словарь «Славяноведение в СССР: изучение южных и западных славян», изданный в Нью-Йорке в 1993 г.², называет В. И. Собинникова в числе ведущих славистов страны.

Большая работа проделана В. И. Собинниковой в качестве редактора различных трудов по языкознанию. Особо следует отметить редактирование ежегодного научного сборника «Материалы по русско-славянскому языкознанию» на протяжении 20 лет. В нем публикуются статьи по широкому спектру лингвистических проблем не только учеными Центрально-Черноземного региона, но и исследователями Москвы, Санкт-Петербурга, Калининграда, Твери, Болгарии, Польши, Украины, Беларуси, Чехии и др.

Одной из важнейших сторон научно-педагогической деятельности В. И. Собинниковой являлось исключительное внимание к фундаментальной подготовке молодых научных кадров в области русского и славянского языкозна-

² Славяноведение в СССР : изучение южных и западных славян. Нью-Йорк, 1993.

¹ Разумникова И. Я. Историко-филологический факультет // Воронежский государственный университет к сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции. Воронеж, 1957. С. 138.

ния. Под ее руководством защищено около 70 кандидатских диссертаций, более 10 человек стали докторами наук, профессорами. Многие годы (1950–1960 гг.) Валентина Ивановна руководила научным студенческим обществом университета.

В. И. Собинникова была членом Ученого совета ВГУ, председателем и бессменным членом Диссертационного совета факультета (с 1953 г.), постоянно выступала оппонентом на защите диссертаций, рецензировала научные и диссертационные исследования.

Профессор В. И. Собинникова была редактором многочисленных сборников и монографий воронежских филологов. Она руководила экспертной комиссией по лингвистике при Координационном совете вузов Центрально-Черноземного региона, лингвистической секцией на ежегодной краеведческой конференции.

Более 50 лет научную, краеведческую, редакторскую работу В. И. Собинникова сочетала с плодотворной педагогической работой. Все послевоенные поколения студентов-филологов (да и многих журналистов) слушали у Валентины Ивановны основной курс – историческую грамматику русского языка, изучали под ее руководством сравнительную грамматику славянских языков. Практически все преподаватели, работающие сейчас на филологическом факультете ВГУ, прошли в свои студенческие и аспирантские годы школу В. И. Собинниковой. Ее ученики, среди которых много известных филологов, доцентов и профессоров, работают во всех концах страны, которая раньше называлась Советским Союзом, – в университетах, пединститутах, научно-исследовательских институтах, школах, гимназиях, колледжах и лицеях, занимаются журналистикой, издательской и редакторской деятельностью.

Многие воспитанники В. И. Собинниковой с благодарностью вспоминают о том сердечном участии и той бескорыстной поддержке, какую они неизменно находили у нее. Ученики, друзья и коллеги приходили к В. И. Собинниковой не только чтобы получить консультацию по лингвистике, но и за советом, моральной, а порой и материальной поддержкой.

Из воспоминаний доц. Р. К. Кавецкой: «Валентина Ивановна Собинникова стала нашим любимым учителем, другом, товарищем и навсегда вошла в нашу жизнь. Послевоенная учеба в университете была нелегкой: не было стульев, и мы сидели в холодных аудиториях на ящиках из-под снарядов, писали в старых конторских книгах вместо тетрадей, в чернильницах замерзали чернила. Но нас согревала естественная доброта Валентины Ивановны Собинниковой.

Валентина Ивановна грудью вставала на защиту справедливости. Ее авторитет на факультете был незабываем. Коллеги сверяли свои поступки с ее мнением, боялись уронить себя в ее глазах. Я не раз слышала мнение о том, что пока Валентина Ивановна с нами, на факультете не будет места ни интригам, ни непорядочному поведению. Ее выступления на Совете обычно подводили черту под шумными дискуссиями и поисками истины. Предлагаемые Валентиной Ивановной решения безвыходных на первый взгляд ситуаций оказывались мудрыми и единственно приемлемыми.

А какие разносторонние интересы были у нашего Учителя! Она любила музыку, часто играла на своем старинном пианино. Валентина Ивановна знала немало романсов и старинных песен, любила поэзию, сочиняла стихи. Очень дорожила юношеской дружбой с А. Т. Твардовским, но никогда не кичилась своим знакомством с великим поэтом.

Дом Валентины Ивановны для многих стал духовным убежищем. К ней шли не только за научной помощью и советом. Свет добра и участия притягивал к себе ее учеников»³.

Доктор филологических наук, заслуженный деятель науки З. Д. Попова вспоминала: «В. И. Собинникова поставила воронежскую лингвистику на ноги и вывела ее на дорогу научных исследований. Без Валентины Ивановны никто из нашего поколения, обучаясь в послевоенном разрушенном Воронеже, этой дороги не нашел бы. Валентина Ивановна ценила в людях прежде всего два качества: трудолюбие и заботу о других. И сама она была великая труженица. Мы храним о ней светлую и благодарную память и стараемся

³ Материалы по русско-славянскому языкознанию : междунар. сб. науч. трудов. Воронеж, 2008. Вып. 29, ч. 1. С. 7–9.

сохранить ее традиции в отношении к людям и к своей работе»⁴.

«Она тогда не была еще профессором, но мы все воспринимали это как пустую формальность: так громаден, так объемён был диапазон ее познаний в лингвистике. Пышные пепельные волосы, тихий голос, светящиеся каким-то удивительным внутренним светом глаза и мягкая улыбка, кажется, ничего властного. Но какая глубокая тишина царила на ее лекциях! Тишина мысли!» – вспоминала народный учитель СССР М. И. Картавцева⁵.

«Хотел стать писателем. Но благодаря удивительному человеку, профессору Валентине Ивановне Собинниковой, открыл для себя лингвистику», – говорил заслуженный деятель науки России В. В. Щеулин⁶.

«Вспоминаю, как она первый раз привела меня в государственный архив и стала учить читать скорописный деловой текст XVII в. Сейчас я свободно читаю скоропись XVII в., а тогда думала, что никогда не научусь. Но как терпеливо, с каким большим тактом учила меня Валентина Ивановна!» (проф. МПИУ В. И. Хитрова)⁷.

В. И. Собинникова научно-педагогическую работу удачно сочетала с активной жизненной позицией. В 1967–1968 гг. она избирается депутатом Воронежского областного Совета депутатов трудящихся, в 60-е гг. Валентина Ивановна – член правления областного Общества советско-чехословацкой дружбы, неоднократно она была членом окружных и городских избирательных комиссий. В трудные послевоенные годы В. И. Собинникова принимала активное участие в восстановлении разрушенного войной нашего города: участвовала в заготовке дров для нужд ВГУ, выезжала со студентами в колхозы на сельскохозяйственные работы.

За многогранный, многолетний творческий труд В. И. Собинникова награждена медалями «За доблестный

труд во время Великой Отечественной войны», «За трудовую доблесть», «Ветеран труда», а также многочисленными почетными грамотами Президиума ВС РСФСР, Министерства высшего и среднего образования РСФСР и другими.

За любовь и внимание обычно платят любовью. Когда в результате инфаркта Валентина Ивановна попала в отделение кардиологии, у ее постели родных заменили ученики. В больнице почти месяц круглосуточно дежурили аспиранты, преподаватели, сотрудники.

Скончалась В. И. Собинникова 14 декабря 1999 г., похоронена на Юго-Западном кладбище г. Воронежа.

Кафедра славянской филологии помнит и чтит своего Учителя. Ее ученики продолжают выполнять научные исследования в русле тех направлений, которые были заложены В. И. Собинниковой: история языка, диалектология, славистика.

Лаборатория воронежского лингвокраеведения, с 2000 г. носящая имя профессора В. И. Собинниковой, издала несколько выпусков научных сборников «Край Воронежский» и «Воронежское лингвокраеведение». На основе Картоотеки, которую начала собирать В. И. Собинникова, изданы «Словарь воронежских говоров» (вышло 2 выпуска в 2004 и 2007 гг.) и «Словарь украинских говоров Воронежской области» в 2 т. (2008, составитель М. Т. Авдеева), «Словарь географической лексики Воронежского края» (с историческими комментариями) (2009, составители В. И. Дьякова, В. И. Хитрова).

Кафедра регулярно проводит международные научные конференции, в которых принимают участие ученые из разных уголков России, Украины, Беларуси, Польши и других стран; среди участников было много учеников Валентины Ивановны.

Различные направления теоретической деятельности В. И. Собинниковой шли параллельно, обогащаясь новыми темами, проблемами. Вдумчивый и углубленный анализ лингвистических явлений, интересные наблюдения над жизнью языка создали В. И. Собинниковой прочную репутацию крупного ученого международного уровня, способствующего глубокому изучению русского и других славянских языков.

⁴ Материалы по русско-славянскому языкознанию... С. 12–13.

⁵ Рожденный революцией. Документы и воспоминания. Воронеж, 1988. С. 321.

⁶ *Вобликова С.* Профессор Василий Щеулин : «Пока жив народ, жив и язык» // Липецкая газета. 2013. 23 мая. С. 5.

⁷ *Хитрова В. А.* Учитель и душевный друг // Мы вышли в путь в шестидесятые : сб. воспоминаний. Воронеж, 2012. С. 9.

Прав был поэт: большое видится на расстоянии. Чем старше мы становимся, чем дальше уходят годы общения с Учителем, тем более мы ценим ее личность, тем дороже становится для нас незабываемая Валентина Ивановна...

В. И. Собинникова – легенда факультета, гордость ВГУ. И как завет всем нам звучат ее слова: «Цените каждый новый день, Полученный от жизни. Преодолейте свою лень, Служите Вы Отчизне».

Л. М. Кольцова, Т. Н. Голицына
ИГОРЬ ПАВЛОВИЧ РАСПОПОВ –
УЧЁНЫЙ И ПЕДАГОГ

Обращение к научному и педагогическому наследию Игоря Павловича Распопова важно и полезно для извлечения уроков, к которым следует постоянно возвращаться для правильного понимания истинных целей образования и воспитания.

Обучение русскому языку и как родному, и как второму родному, и как иностранному требует внимания ученых, педагогов, общественных деятелей к русскому языку не только как к учебному предмету, но и как к орудию мысли и инструменту развития и преобразования человеческой жизни. Именно такой подход к важнейшим сферам филологии обнаруживает блистательная методология и методика исследования и преподавания русского языка, представленная в трудах Игоря Павловича Распопова.

И. П. Распопов родился 28 января 1925 года. Для того чтобы попасть на фронт, прибавил себе год, так что настоящий год рождения Игоря Павловича – 1926 (по сведениям супруги И. П. Распопова, О. Н. Карасёвой). Этот поступок, на наш взгляд, является «ключом» к пониманию натуры Игоря Павловича, его характера, его жизненного пути.

Всех, кто общался с Игорем Павловичем, поражал его незаурядный языковой дар, соединенный со столь же неординарным даром общения. Уникален объем его речевой деятельности. Письменная речь: научные монографии, статьи, отзывы, рецензии, деловые бумаги, стихи, пародии

и т.п. Устная речь: лекции в студенческой аудитории, семинары, экзамены, публичные доклады и выступления на научные темы (работа в научных объединениях, ученых советах и комиссиях, оппонирование), общение с коллегами, связанное с административной деятельностью (заведование кафедрой), личные беседы, бытовое общение. Речевая деятельность наполняла всю его жизнь. Следует обратить внимание на то, что Игорю Павловичу было свойственно конструктивно-преобразовательное отношение к языку. В нем всегда жило творческое отношение к слову.

В речи каждого человека можно выделить, по крайней мере, три фонетических пласта: любой говорящий представляет определенное поколение носителей языка, принадлежит к определенной социальной группе и в то же время несет в себе какие-то индивидуальные особенности.

Речи Игоря Павловича не было свойственно соблюдение всех орфоэпических правил, присущих речи представителей старшего поколения. Но она была безукоризненной с точки зрения современной орфоэпии. К сожалению, отсутствуют магнитофонные записи его лекций для студентов. А это одна из самых ярких форм воплощения языкового дара ученого. Распоповские лекции – это соединение писателя и актера-исполнителя в одном лице и в одном акте, некое подобие шахматной партии, в которой надо предусмотреть и свой интерес, и все возможные недоумения студентов. Лекции И. П. Распопов читал, как говорится, на высоком научном уровне, без скидки на неподготовленность и неискренность студентов. В какой-то мере примером могут служить главы, написанные им в «Основах русской грамматики» (разумеется, с поправкой на устную форму изложения).

Слово у Игоря Павловича было нагружено множеством культурных коннотаций. Его языковое сознание испытывало постоянное давление разных культурных контекстов, поэтому в речи возникали столкновения знаков разных языковых форм и социальных функциональных сфер, парадоксальные смещения, их наложения и взаимопроекции. Рассмотрим в связи с этим его любимые «словечки», выражения, прозвища, цитаты: *He чуши!* (чушить – говорить глупости), *причунориться* (нарядиться, приукраситься),

колдыбачиться (вредничать), *пришпандорить* (присоединить, приделать, повесить), *брандахлыст* (оценка человека), *хреновина, хренация, хренобль* (оценка вещи, процесса, явления), *мартинсоны* (маринованные патиссоны), *распоповки* (аспирантки и члены кафедр), *Марья-искусственница, фильмец, Матильда* (обращение к женщине, чаще к О. Н. Карасевой), *Старик Еропкин* (обращение к мужчине, чаще к А. М. Ломову), *дочечка Бронечка, Бронеслава Конопелька* (обращение к дочери), *боевая подруга* (Е. П. Артеменко), *Московская женская лингвистическая школа*.

Для И. П. Распопова была характерна игра с диалектными и просторечными формами и словами, введение в речь архаизмов. Это присущие ему способы создания речевой экспрессии, а может быть, проявление юношеского полемического задора, озорство мудрого насмешника. Например: *А на этом я приткнуся* (так могла заканчиваться лекция); *вясна идет; люблю Мишав, анадысь, прахтика, ась?..; Вона! Острамилси! Сел посеред майдана* (попал в неловкое положение); *У мене по спині ползають мурашки; Пойду ляжу под машину, под самое подо дно, Ты разрежь меня, машина, мне теперь все равно; весьма, посему*. Данная лексика и выражения обычно как бы прилагались к авторскому «Я», это своеобразное выражение самооценки, отстраненная позиция по отношению к себе, представление информации в свежем, неожиданном ключе. Игорю Павловичу всегда была свойственна самоирония. Он не терпел назидательности, излишнего пафоса, самолюбования, малейшей нескромности.

Все, кто работал с Игорем Павловичем, помнят, как он был требователен к написанному ими, он приучал своих учеников отвечать за каждое слово, которое они употребили в статье, диссертации. Эта высокая требовательность и ответственность, естественно, были свойственны и ему самому. Все им написанное, на наш взгляд, является безукоризненным. Он рекомендовал своим аспирантам мыслить самостоятельно, критически относиться к научным теориям и авторитетам. Сам он обладал бесспорной интеллектуальной свободой, а вместе с тем – твердостью и принципиальностью в научных вопросах. Все это с достаточной очевидностью «прочитывается» в заметках на по-

лях монографий, статей и диссертаций, которые он читал. Эти заметки создают как бы обрамляющий текст. Обычно положительная оценка выражалась латинскими знаками *sic!* (так, верно), *NB!* (обратить внимание).

Интерес представляют его замечания, выражающие несогласие с написанным. Рассмотрим их специально. Заметки на полях «Русской грамматики–80» по поводу условного наклонения: *Непредсказуемость описания, отсутствие какой бы то ни было методологической основы*. Комментарий определения простого предложения в «Грамматике–70»: *Наивно–реалистический подход. Наивность на уровне неприличия*. О способах выражения категории синтаксического наклонения: *Прямо фантастика! Блеск!* О категории синтаксического времени: *Ух ты! Ты смотри! Веселенькое дело!*

В речи Игоря Павловича практически отсутствовали перформативы, что свидетельствует о том, что он не был авторитарной личностью. Он был строг, но его строгость была в подтексте, который скрывали ирония, шутка – они по своей природе неперформативны. Его каламбуры предельно сжаты, они строятся на минимуме языковых средств: максимальное семантическое наполнение речи при минимальном текстовом пространстве.

В современном мире, когда состояние русского языка и науки о нем вызывают тревогу и обеспокоенность, обращение к лингвистическим традициям и основополагающим принципам преподавания родного языка становится непременным условием сохранения научного и образовательного пространства. Эти принципы отчетливо прослеживаются во всех видах деятельности Игоря Павловича Распопова. К ним относятся:

- логика познания;
- целесообразность;
- внутренняя непротиворечивость;
- практичность;
- эстетическое совершенство.

Именно эти принципы лежат в основе овладения искусством связной речи, которое является основной целью филологического образования по мысли Игоря Павловича Распопова.

И личность И. П. Распопова, и его труды, и его педагогическое мастерство представляют собой высокий образец для всех учеников и последователей школы выдающегося русского ученого.

И. А. Стернин, М. А. Стернина
НАУЧНАЯ КОНЦЕПЦИЯ
И ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ,
ПОЛУЧЕННЫЕ НАУЧНОЙ ШКОЛОЙ
ПРОФЕССОРА З. Д. ПОПОВОЙ

28 апреля 1999 г. Ученым советом ВГУ была утверждена в качестве ведущей в области общего и русского языкознания научная Школа З. Д. Поповой.

Научная концепция школы и основные результаты исследований были сформулированы и обобщены в статье З. Д. Поповой и И. А. Стернина, вышедшей к 30-летию научной школы кафедры общего языкознания и стилистики (2003)¹.

Кратко изложим информацию, содержащуюся в этой статье, и дополним ее результатами, полученными научной школой в последующий период – с 2003 по 2018 г.

Теоретико-лингвистическая школа кафедры общего языкознания и стилистики сформировалась в связи с практической необходимостью разработки научно обоснованных методических принципов обучения русскому языку иностранных студентов. Когда с 1973 г. на филологический факультет ВГУ стали приезжать ежегодно 100–200 немецких, вьетнамских, потом венгерских, арабских, африканских учащихся, появилась необходимость организовать специальную кафедру, которая была бы сосредоточена на преподавании русского языка как иностранного. Она получила название кафедра общего языкознания и стилистики.

¹ *Попова З. Д., Стернин И. А.* Основные результаты исследований теоретико-лингвистической школы кафедры общего языкознания и стилистики (1973–2003) // Воронежский государственный университет. Ведущие научно-педагогические коллективы. Труды и история. Воронеж, 2003. С. 477–496.

В это время даже в МГУ еще не было достаточного количества методических и учебных пособий для иностранных студентов, да и научно-методические принципы для создания соответствующих учебников еще находились в стадии обсуждения. Представители Министерства образования и ректората ВГУ поставили перед кафедрой задачу выработать такое описание русского языка, которое позволяло бы с максимально возможной точностью и доступностью объяснять иностранному учащемуся особенности употребления каждой составляющей русской языковой системы.

Такое описание становится наиболее эффективным при последовательном сопоставлении русских языковых явлений с явлениями родного языка учащихся. Выполнять подобное сопоставление следовало по всем аспектам языковой деятельности человека – системе языка, речевой деятельности, созданию и пониманию текстов.

Скоро выяснилось, что сопоставительные исследования двух языков взаимобратимы. Иначе говоря, например, русско-немецкие разработки полезны как для преподавания русского языка немцам, так и для преподавания немецкого языка русским учащимся. К коллективу кафедры общего языкознания и стилистики присоединились коллеги не только с кафедр русского языка как иностранного других вузов, но и преподаватели иностранных языков разных вузов Воронежа, а потом и других городов нашего региона.

Кафедра установила международные контакты с коллегами из Германии, Финляндии, США, Сербии, совместно с которыми выполнялось несколько научных проектов в рамках проблематики кафедры. В 2002 г. на базе кафедры был создан межрегиональный Центр коммуникативных исследований, объединивший ряд научных коллективов страны для совместных исследований в сфере коммуникативных проблем. На основе двусторонних договоров в работе Центра, кроме кафедры общего языкознания и стилистики, участвовали:

– сектор психолингвистики и теории коммуникации Института языкознания РАН;

– кафедра педагогики и психологии Института русского языка им. А. С. Пушкина;

- кафедра межкультурной коммуникации Российского ГПУ им. Герцена (СПб.);
- центр теории и практики речевой коммуникации Высшей школы филологии и культуры Ярославского педагогического университета;
- кафедра русского языка университета Ювяскюля (Финляндия);
- кафедра славистики Белградского университета (Сербия);
- этнографический институт Сербской академии наук и искусств (Белград);
- институт экспериментальной фонетики и патологии речи (Сербия, Белград);
- кафедра английского языка Воронежского университета;
- кафедра французской филологии Воронежского университета;
- кафедра современных языков и теории коммуникации Воронежского технического университета;
- кафедра теории и практики коммуникации Воронежского областного института повышения квалификации и переподготовки работников образования.

В нашей работе охотно участвуют со своим языковым материалом иностранные студенты и аспиранты – китайцы, арабы, африканцы.

В ходе решения практических задач преподавания осмыслились и решались различные теоретические проблемы, актуальные для современной науки о языке.

Охарактеризуем некоторые наиболее значимые теоретические результаты исследований Школы.

Большая часть языковой деятельности человека ненаблюдаема, так как протекает в мозгу. Там хранится система языка (знание языка), там же протекает порождение и восприятие речи. Наблюдению доступны только тексты (звучащие или написанные). Для обучения языку самым главным является «закладка» в мозг учащегося системы языка, а для этого требуется понимание процессов восприятия и порождения речи. Поэтому для разработки научно обоснованных рекомендаций для создания учебных и методических пособий необходимо понимать соотношение языка

и мышления. Современные решения в этой области предлагает новое научное направление в языкознании – когнитивная лингвистика.

Основные результаты теоретических исследований школы в области когнитивной лингвистики обобщены в книге: *Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике.* Воронеж : Истоки, 2001.

В данной книге четко разграничивается концептосфера (концептуальная картина мира) и семантическое пространство языка (языковое сознание).

Концептуальная картина мира значительно шире семантического пространства языка – это вся ментальная сфера человечества, все, что люди видят, воспринимают, знают и чувствуют. В семантическое пространство языка входит лишь та часть концептосферы, которая выражена с помощью языковых знаков – как лексических, так и структурных.

В семантическом пространстве языка обнаруживается национальная специфика, наблюдаются процессы постоянного развития: все новые и новые фрагменты концептуальной картины мира получают свое выражение в языке, входят в те или иные категориальные ряды, подчиняются концептуальным конкретизаторам разного ранга.

Основным понятием когнитивной лингвистики является концепт.

В исследованиях школы концепт определяется как *дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету.*

Ядро концепта – это кодирующий образ универсального предметного кода (некоторое чувственное представление) и базовый слой (совокупность когнитивных слоев (уровней) и когнитивных сегментов во всей совокупности образующих их когнитивных признаков).

Периферию концепта составляет *интерпретационное поле*. Оно отражает интерпретацию сознанием народа основного содержания концепта, различные «выводы» из концепта, его оценочную и эмоциональную характеристику.

Исследуя семантику номинативных единиц, называемых концепт, т.е. его *номинативное поле*, мы реконструируем содержание концепта, называемого этими единицами.

Ядро концепта лучше всего отражает семантика ключевого слова (лексемы), именующего концепт (например, *свобода, тоска, общение, душа, вера* и т.п.). Пополняет содержание концепта анализ семантики синонимов, симиляров, оппозитов ключевой лексемы.

Анализ сочетаемости лексем, объективирующих концепт в языке, также дает возможность выявить некоторые составляющие концепта. Из сочетаемости можно определить способы категоризации концептуализируемого явления. Так, сочетаемость слова *тоска* показывает, что русское сознание концептуализирует тоску как принадлежность взгляда (смотреть с тоской, тоскливо переглянулся, в тоске озирался и др.), как то, что может звучать (звон тоскливо гудел, в голосе звучала тоска), то, что могут испытывать и животные (тоскливый лай, тоскливо мяукала, собака тоскует по хозяину), средоточием тоски является душа или сердце (сердечная тоска, тоска поселилась в душе). Сочетаемость слова *тоска* с прилагательными (зеленая, смертельная, невыносимая, мучительная, предсмертная, дикая, чудовищная и др.) показывает, что тоска для русского человека – нечто отрицательное, тяжело переносимое; сочетания типа непонятная тоска, какая-то тоска, некоторая тоска и др. характеризуют тоску как нечто не до конца понятное; однако тоска может быть и сладкой. Наблюдаемые способы категоризации (когнитивные метафоры) должны быть сформулированы как определенные содержательные признаки, входящие в структуру концепта.

Выявленные семы лексических единиц интерпретируются как концептуальные признаки в составе концепта, семемы отождествляются с концептуальными слоями, способы категоризации (когнитивные метафоры) и когнитивные классификаторы интерпретируются как когнитивные

признаки. Затем по данным лингвистического исследования выстраивается модель концепта.

Базовый образ концепта выявляется экспериментальными психолингвистическими методами, в частности свободным и направленным ассоциативным экспериментом, рецептивными экспериментами (Нарисуйте образ... Опишите образ... и т.д.).

Исследования приводят к выводу, что при изучении концептов целесообразно четко придерживаться синхронного среза при его описании, диахронно можно использовать лишь для объяснения тех или иных изменений в концепте, тех или иных его черт.

Сформулирован закон номинативной дробности (дифференциации, расчлененности денотативного поля, денотативной сферы): чем выше номинативная дробность, расчлененность той или иной денотативной сферы, тем большую важность имеют репрезентируемые совокупностью этих средств концепты в сознании носителей языка в данный период, на данном этапе развития общества и мышления (ср. большое число наименований снега, ветра у народов севера).

С реальной частотой словоупотребления в речи действие данного закона непосредственно не связано, так как частотность единиц и наличие в языке номинативных средств – разные вещи, частотность лексем зависит от типа дискурса, места общения и участников общения.

На периферии содержания концепта находятся разнообразные концептуальные признаки, стереотипы, отраженные в поговорках, афоризмах, крылатых выражениях, притчах, а иногда и значительных по объему публицистических, художественных и научных текстах. Из этого арсенала в основном и выявляется интерпретационное поле концепта, в котором можно обнаружить весьма разнообразные концептуальные признаки, скрытые от прямого наблюдения.

Очень информативны для выявления интерпретационного поля поговорки. В них мы находим застывшие осмысления того или иного концепта, сложившиеся на протяжении длительного времени и менявшиеся в зависимости от места, времени и условий проявлений концептуальных сущ-

ностей в жизни народа, отдельных групп людей, отдельного человека.

Ср., например, русские пословицы, объективирующие противоположные оценки одного и того же концепта *деньги*: деньги не приносят ума (Ума на деньги не купишь), деньги делают человека умным (Богатство ум рождает), деньги дают возможность материально благополучного существования (Деньги наживешь – без нужды проживешь), деньги причиняют беспокойство их обладателю (Лишние деньги – лишние заботы). Ср. также концепт *муж*: плохо женщине без мужа (Жена без мужа – всего хуже), нет ничего хуже плохого мужа (Стужа да мужа, а лучше худого мужа); концепт *труд*: только труд ведет к благополучию (Без труда не вынешь рыбку из пруда), честный труд не приводит к богатству (От трудов праведных не наживешь палат каменных), не следует спешить начинать работу (Работа не волк – в лес не убежит), кто трудится, тому и плохо (От работы кони дохнут), кто не работает, тот не имеет материального благополучия (Кто не работает, тот не ест) и т.д.

Однако для отдельных концептов может не существовать пословиц, поговорок и афоризмов или их количество может быть по тем или иным причинам весьма незначительным. В этом случае интерпретационное поле исследуется экспериментальными приемами, например, методом лингвистического интервьюирования с вопросами типа *Что вы понимаете под... Подберите синонимы к... Назовите противоположное понятие для... ... – это хорошо или плохо? Дайте свое определение...* и т.д. Применяется также свободный и направленный ассоциативный эксперимент.

Например, концепт *толерантность*, по данным подобного экспериментального исследования, на современном этапе развития российского сознания включает такие когнитивные установки, как: в быту надо быть терпимым; надо идти навстречу людям; компромиссы, уступки – это отсутствие характера, принципов, мягкотелость; на уступчивых людей нельзя положиться; на переговорах надо быть жестким; плюрализм вреден, затрудняет жизнь; терпимость – это беспринципность; толерантность навязана нам Западом и т.д.

Таким образом, экспериментальными приемами может быть выявлено актуальное содержание концепта и описано его интерпретационное поле.

Подчеркнем, что признаки концепта, извлеченные из его интерпретационного поля, хорошо показывают плывучесть, диффузность когнитивных слоев, образующих периферию концепта.

Важно также определить, на каком уровне существует в концептосфере тот или иной концепт. Любой концепт может существовать на бытийном и рефлексивном уровне.

Рефлексивный уровень – это уровень теоретического знания, бытийный уровень – уровень фактического, практического применения.

Концепт может присутствовать в национальной концептосфере, но народ может им не пользоваться в своем практическом поведении (например, концепты *демократия*, *толерантность* усвоены россиянами в настоящее время на рефлексивном уровне, но не перешли на бытийный уровень, реально не функционируют в повседневном бытии народа, не определяют поведение).

Концепт при описании должен быть представлен как некоторый набор признаков, и эти признаки должны быть верифицированы с точки зрения их реальной представленности в сознании носителей языка (верификационный эксперимент: когда респондентам предлагается список выявленных и сформулированных исследователем на первом этапе когнитивных признаков и дается задание подтвердить или отвергнуть данный признак как составляющий элемент соответствующего концепта).

Концептуальная природа большинства типов концептов в основном осмыслена и в значительной степени понята. Многократно пользуясь часами – ручными, настольными, настенными и другими, разных форм, размеров и назначения, человек в своем сознании обобщает их важнейший внешний признак – движущуюся по циферблату стрелку, показывающую время. В сознании формируется образ часов либо в виде картинки (собственные, привычные часы), либо в виде схемы (круг циферблата и радиус движущейся по нему стрелки).

Этот образ в терминологии нейролингвистов представляет собой единицу так называемого универсального пред-

метного кода, он становится тем ядром, вокруг которого собираются, накапливаются и организуются в систему все новые и новые семантические признаки, слои концепта, которые постепенно наращивают ментальное «тело» концепта.

Не так ясен процесс формирования абстрактных концептов.

Научные концепты чаще всего формулируются учеными, которые стоят перед необходимостью дать определение, предложить толкование изучаемому ими феномену. Нередко именно ученые придумывают имя для такого феномена, а затем и дают ему то или иное толкование.

Изучая такие абстрактные концепты, как *порядочность, верность, совесть, честь, предательство, благородство, ответственность, патриотизм* и т.п., А. П. Бабушкин оценил их как калейдоскопические. Они не имеют постоянно фиксированных ассоциатов, они текучи и меняют свой ментальный образ, постоянно перетекая из мыслительной картинке во фрейм, из фрейма в схему, из схемы в сценарий и т.д.

О калейдоскопической природе абстрактных понятий свидетельствует собранная А. П. Бабушкиным коллекция интерпретаций, которые давали абстрактным концептам мыслители разных времен и народов).

Вот, например, как осмысливают концепт ВРЕМЯ разные источники.

ВРЕМЯ – словно повар: каждый миг готовит оно каждому свой удел (др.-инд. афоризм).

ВРЕМЯ – великодушный учитель, но, к сожалению, оно убивает своих учеников (Г. Берлиоз).

ВРЕМЯ есть величайший из новаторов (Ф. Бэкон).

ВРЕМЯ неподвижно, как берег: нам кажется, что оно бежит, а напротив, проходим мы (П. Буаст).

ВРЕМЯ – корабль, никогда не бросающий якоря (В. Б. Шкловский).

Калейдоскопичность абстрактных понятий объясняет и трудности их словарных толкований, и неопределенность, а порой и противоречивость их научных определений.

Установлено, что абстрактные концепты формируются на основе тех признаков, которые накоплены в сознании наро-

да, хотя в нем они часто остаются рассыпанными по разным средствам выражения. Их обобщение, сведение воедино, как правило, выполняется учеными, писателями, составителями словарей, справочников, авторами учебной литературы. На этом этапе обработки и определения признаков абстрактного концепта возникают определенные трудности, полученные дефиниции бывают не вполне удачными, не всех удовлетворяют. Возникают дискуссии, предлагаются уточнения, делаются доработки, в ходе которых абстрактный концепт постепенно получает более четкие очертания.

Из сочетания концептов в процессе мышления человек создает разнообразные пропозиции, отражающие целые ситуации и развивающиеся события реального мира. Сочетание пропозиций – также особый мыслительный процесс, который ведет к образованию в языковой системе разнообразных структур – простых и сложных предложений, а в конечном счете – текстов.

Каковы же те структурные опоры, на которые делится текст, какие из них закреплены в системе языка, а какие лишь формируются в тексте и еще не получили четкого семантического содержания? В поисках ответа на эти вопросы были установлены *синтаксические концепты* русского простого предложения. Показано, что типовые пропозиции (бытие объекта, небытие объекта, перемещение агенса, воздействие агенса на объект и некоторые другие) имеют языковые знаки в виде структурных схем простых предложений.

Было предпринято исследование средств выражения пропозиций в связных текстах. Материалом исследования явились многокомпонентные сложные предложения, заключенные авторами художественных текстов между точками. Исследование привело к следующим выводам.

Многие проблемы, которые традиционно обсуждались в теории сложного предложения, фактически относятся к теории синтаксиса текста. Структурными построениями, из которых составляется текст, являются:

- простые предложения;
- осложненные предложения (простое предложение с одним осложняющим оборотом – деепричастным, инфинитивным и др.);

– элементарное (термин М. И. Черемисиной) сложное предложение (т.е. состоящее из двух простых частей).

Многокомпонентное сложное предложение монтируется из таких элементов, как из кирпичиков, каждый раз по-разному. Выяснилось, что многокомпонентные сложные построения, заключенные между точками, являются не столько предложениями, сколько микротекстами. Искать структурные схемы таких построений бесперспективно.

В языковом сознании представлены некоторые пропозиции, выражаемые в элементарных сложных и осложненных предложениях. Это отношения логической обусловленности, темпоральной соотнесенности, целевой направленности действий и некоторые другие.

Но в многокомпонентных построениях выражается лишь речевая семантика; в них с достаточной четкостью обнаруживается индивидуально-авторская концептосфера.

Осмысление новых логико-семантических отношений в концептосфере говорящих продуцирует поиски языковых средств их выражения и последующее введение в языковое сознание людей. Но становление таких средств (служебных слов, способов объединения структурных схем и т.п.) всегда отстает от появления новых логико-семантических отношений между частями сложного построения. Поэтому новые отношения в течение некоторого, порой долгого времени выражаются старыми неспециализированными языковыми средствами.

Соотношение между концептуальной картиной мира и языковым сознанием подвижно, динамично. Речевая деятельность, созидающая тексты, постоянно изменяет это соотношение. Новые концепты и их пропозиции требуют и новых языковых средств выражения. По мере создания таких средств обогащается и языковое сознание народа. Пока живет народ, говорящий на своем языке, процесс появления новых языковых средств и обогащения языкового сознания никогда не прекращается.

Концептуальная картина мира значительно шире, чем семантическое пространство языка (языковое сознание). Она постоянно развивается и стимулирует поиски средств «овнешнения», толкает к расширению и обогащению языкового сознания.

Через семантику языковых знаков изучается языковое сознание, его состав, процессы его развития и обогащения. Когнитивное осмысление этих процессов позволяет получить представление об особенностях концептосферы говорящих людей, в частности – о ее национальной специфике.

Для моделирования концептов как феноменов сознания необходимо определить круг лексем, образующих номинативное поле концепта, установить парцеллы (сегменты) этого поля. Подробно процесс построения номинативного поля концепта излагается в монографии: *Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике*. Воронеж, 2001. Изд. 2-е. М., 2007.

В ходе разработки принципов построения номинативных полей, именующих те или иные концепты, были уточнены критерии распределения лексем, образующих эти поля, по зонам.

В ядро поля входят лексем, семемы которых практически являются архисемами имени поля, а также его синонимы, антонимы, симиляры, оппозицы.

К ближайшей периферии поля относятся лексем, семемы которых содержат яркую дифференциальную сему поля. Дальнюю периферию формируют лексем, семемы которых содержат слабую дифференциальную сему поля.

Исследования выявили национальную специфику номинативных полей концептов и самих концептов.

Национальную специфику имеют и структурные схемы простого предложения. По-немецки и по-английски нельзя сказать *У меня есть книга*, а можно только сказать *Я имею книгу* (Ich habe ein Buch, I have a book). По-немецки нельзя сказать *Его нет дома*, а можно только сказать *Он есть дома нет* (Er ist zu Hause nicht). Нельзя сказать по-русски *Я имею эту книгу от бабушки подарен получить*, а по-немецки строится именно такая схема (Ich habe dieses Buch von der Großmutter geschenkt bekommen).

Понимание доминирующей роли концептосферы в формировании семантического пространства языка делает вполне понятной национальную общность и вместе с тем национальную специфику языковой деятельности человека. Именно в сфере семантического пространства заключаются особенности любого языка. Главная трудность

изучения иностранного языка состоит не столько в запоминании новых наименований той или иной вещи (типа КОЧЕТ – это петух), сколько в переходе с одной национальной картины мира на другую. В каждом городе есть дома, улицы, площади, парки и переулки, но план расположения этих элементов в одном городе никогда не совпадает с планом их расположения в другом городе. Чтобы свободно ходить в этом другом городе, надо перестроить расположение его элементов в своем сознании. Построение модели («плана») системы русского языка, наиболее адекватной системе естественной, хранимой человеческим мозгом, остается задачей дальнейшей научной деятельности школы.

Обобщая, можно обозначить ряд теоретических вопросов, в решение которых труды школы З. Д. Поповой – как лично работы Зинаиды Даниловны, так и ее учеников – внесли наиболее заметный вклад.

- Разработана концепция полевой организации системы языка в целом и ее различных подсистем, разработаны методы и приемы описания языка по полевой методике, принципы выделения и описания ядра и различных зон периферии, разработана полевая модель семантики слова.

- Разработана динамическая модель системы языка, в рамках которой даны новые трактовки слога как элемента фонетического блока модели, новая интерпретация словоформы как элемента лексическо-фразеологической системы языка в ее семантическом, словообразовательном и категориальном аспектах, новое толкование взаимоотношений позиционной и структурной схемы простого предложения.

- Разработана универсальная типология семем (пять типов коннотативных и денотативных семем), позволяющих описать лексическую семантику любого языка.

- Разработана концепция контрастивной лингвистики, обосновано ее отличие от сопоставительной, разработаны принципы и методы контрастивного описания языка, сформулированы принципы контрастивной лексикографии, выпускаются первые контрастивные словари.

- Разработано понятие национально-культурной специфики языка, определены типы и виды проявления национальной специфики языка, разработаны методы и приемы

описания национальной специфики языковых явлений разных языковых уровней.

- Разработано понятие когнитивного анализа лексико-фразеологической системы языка, определены типы концептов, выражаемые языковыми средствами, выявлены языковые средства, вербализующие национальные и индивидуальные концепты, разработана система методов когнитивного анализа языка.

- Показано, что через язык может быть изучена концептосфера народа, предложен семантико-когнитивный метод анализа языка как средства доступа к национальной концептосфере.

- Разработана теория синтаксических концептов, описаны синтаксические концепты русского предложения.

- Лингвокогнитивными исследованиями подтверждена концепция невербальности мышления, разработана концепция взаимосвязи когнитивного и языкового сознания, национального менталитета, национальной концептосферы и национальной семантики языка, обоснованы понятия когнитивной и языковой картины мира.

- Сформулирована концепция коммуникативной лексикологии, разработаны принципы, методы и приемы описания значения слова в тексте.

- Разграничены семемная и семная семасиология, разработан терминологический аппарат и принципы описания значения в рамках семной семасиологии.

- Разработаны типология семантических компонентов для описания семантики слова и фразеосочетания, методы и приемы экспериментального изучения и описания значений лексических и фразеологических единиц.

- Разработаны понятие коммуникативного поведения, концепция изучения и методика описания коммуникативного поведения носителя языка как совокупности норм и традиций национального общения; определена структура коммуникативного поведения народа, создана модель описания национального коммуникативного поведения в контрастивном аспекте. Предложены модели описания возрастного, гендерного, профессионального коммуникативного поведения. Разработаны понятие нормативного коммуникативного поведения носите-

ля языка, основные принципы и методы его описания и формирования.

- Теоретически разработана проблема лакуарности в системе языка, разработана типология внутриязыковых и межъязыковых лакун, методы их выявления, описаны лакуны в русском, английском и ряде других языков.

- Разработана концепция функционально-грамматического описания языка в интересах обучения языку как неродному.

- Разработана концепция лингвистической прогностики как науки, занимающейся научным предсказанием поведения языковых единиц и системы языка в целом; разработаны основные принципы описания языка в аспекте лингвистической прогностики.

- Обосновано понимание науки о речевом воздействии как науки об эффективном общении, описаны основные законы, принципы, правила и приемы речевого воздействия; разработана концепция современной риторики как раздела науки о речевом воздействии, разработаны принципы и приемы обучения эффективному речевому воздействию.

- Разработано понятие психолингвистического значения как значения, описываемого по результатам проведения психолингвистических экспериментов и отражающего реальное языковое сознание носителей языка. Разработаны методы экспериментального выявления глубинной семантики лексических единиц и методика обобщения описания семантики слова разными методами.

- Разработано понятие эффективности номинации, понятие коммерческой номинации, определены принципы оценки номинации как эффективной/неэффективной, разработаны методы и приемы создания эффективной коммерческой номинации.

- Предложен сопоставительно-параметрический метод исследования национальной специфики языков, заключающийся в разработке и использовании формализованных параметров описания языков, концептосфер и их национальной специфики путем процедур *индексализации* параметров анализа и *шкалирования* выявленных различий в рамках определенных параметров. Показано, что помимо

использования данного метода для выявления национальной специфики лексических группировок, семантем, концептосфер, сопоставления текстов оригинала и перевода, данный метод может применяться для внутриязыковых исследований и для создания семантической типологии языков.

- Выявлены и обобщены основные тенденции развития и направления изменений в русском языке конца XX века, выявлена взаимосвязь происходящих изменений с социальными процессами в современном российском обществе.

Перечисленные теоретические положения нашли отражение в многочисленных публикациях членов научной школы кафедры, общее число которых только у докторов наук – членов школы превышает 7000.

Содержательно полученные результаты отражены в коллективной монографии : Научная школа профессора З. Д. Поповой / науч. ред. И. А. Стернин, М. А. Стернина. Воронеж : Истоки, 2018. 243 с.

В. И. Дьякова, М. В. Панова

ИЗ ИСТОРИИ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ВОРОНЕЖСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Обзор диалектологических исследований на филологическом факультете ВГУ невозможен без анализа предыстории этих изысканий. Воронежский край имеет богатую традицию собирания и изучения народного быта, фольклора, народного языка.

Воронежские говоры относятся к южновеликорусскому наречию и являются уникальными в своей основе. Уникальность их состоит в том, что они прошли сложную многовековую историю формирования и развития и вобрали в себя опыт, мировосприятие, духовные ценности этноса, населяющего Воронежский край.

Изучение воронежских говоров началось в середине XIX в. и по принципам подхода к исследованию народной

речи делится на два периода: 1) дореволюционный; 2) после-революционный.

Для первого периода было свойственно комплексное изучение речи местных жителей с интересом к быту, традициям, социально-экономическому укладу. Такой подход мы встречаем в работах второй половины XIX в.

Одним из первых опубликовал свои наблюдения местный учитель П. Малыхин. В его работах отражены особенности речи, быта, условий жизни и местных традиций Нижнедевицкого уезда¹. В это же время выходят труды Н. И. Второва. В работе «О заселении Воронежской губернии» он отмечает большое разнообразие в образе жизни, быта, одежде жителей Воронежской губернии, а также различия в речи². В том же издании «Воронежской беседы» публикуется небольшой сборник «Русские пословицы, собранные А. В. Кольцовым», в которых сохраняются особенности воронежского произношения.

Параллельное изучение этнографических данных и языковых особенностей Воронежской губернии отражено в статьях Ф. И. Поликарпова «Бытовые черты из жизни крестьян села Истобного Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии» (1906) и К. Филатова «Очерк народных говоров Воронежской губернии» (1898).

Сводный материал по воронежским диалектам и этнографии до 1913 г. содержится в работе Д. К. Зеленина «Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненёбных согласных в связи с течениями великорусской колонизации». Д. К. Зеленин, «привлекая исторический и этнографический материал, связывал это звуковое явление с историей колонизации и этнографическим обликом населения»³.

Из дореволюционной литературы о говорах Воронежского края необходимо назвать интересные и обширные материалы В. И. Тростянского «Народные песни, собран-

ные в северо-западном углу Землянского и отчасти Задонского уезда Воронежской губернии»⁴.

Разносторонние сведения из жизни местного населения делают названные работы чрезвычайно интересными. Через века доходят до нас сведения о жизни, нравах, обычаях предков сегодняшних диалектоносителей Воронежского края. Очень интересные и важные сведения черпают современники из различных изданий «Воронежская беседа», «Памятная книжка Воронежской губернии», «Воронежский литературный сборник», «Русский филологический вестник» и др.

Параллельно с этнографическими исследованиями появляются чисто лингвистические работы. Языковые особенности Воронежского края очень точно отмечает В. И. Даль в статье «О наречиях русского языка», предположенной к первому тому «Толкового словаря живого великорусского языка» (1863)⁵.

В первом курсе русской диалектологии, прочитанном А. И. Соболевским (1892), представлены основные языковые особенности, присущие воронежским говорам. Автор отмечает большую пестроту местной речи, которую объясняет тем, что губерния занята переселенцами из разных областей великорусского наречия⁶.

Лингвистическую направленность имеют работы А. Путинцева «Материалы для изучения воронежских говоров», «О говоре в местности Хворостань Воронежской губернии». А. Путинцевым обследована большая территория и собран интересный лингвистический материал⁷.

Наряду с этнографами, лингвистами, краеведами глубокий интерес к народной речи проявляли и тщательно ее записывали учителя, священники, чиновники, помещики и др.

⁴ Тростянский В. И. Народные песни, собранные в северо-западном углу Землянского и отчасти Задонского уезда Воронежской губернии // Сб. ОРЯС АН. Т. 95. Петроград, 1920.

⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1955. Т. 1. С. LXXI.

⁶ Соболевский А. И. Очерки русской диалектологии. СПб., 1892.

⁷ Путинцев А. Материалы для изучения воронежских говоров Воронежской губернии // Памятная книжка Воронежской губернии на 1905 г. Воронеж, 1905.

¹ Малыхин П. Город Нижнедевицк и его уезд // Воронежский литературный сборник. Воронеж, 1861. Вып. 1.

² Второв Н. И. О заселении Воронежской губернии // Воронежская беседа на 1861 г. СПб., 1861.

³ Цит. по: Гринкова Н. П. Воронежские диалекты // Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1947. Т. 55. С. 13.

В последнее время стараниями доц. Т. Ф. Пуховой и сотрудников Музея народной культуры и этнографии ВГУ (А. А. Чернобаевой, Е. А. Грибоедовой, Г. В. Марфина) были изданы уникальные, ранее не издававшиеся записи народной речи воронежцев, которые хранились в Архиве Русского географического общества. В «Фольклорно-этнографических материалах Русского географического общества XIX в. по Воронежской губернии» представлены не только данные об особенностях местных говоров, но и многообразные свидетельства быта, жизни, природы, нравов, обычаев, традиций, особенностей материальной культуры Воронежского края⁸. Переоценить это издание невозможно, учитывая повсеместную утрату живых воронежских говоров.

С первых лет Советской власти Отделение русского языка и литературы проявляет интерес к собиранию фольклора, диалектов, этнографических сведений, т.е. продолжает традиции, заложенные в XIX в.

В 1924 г. Государственная Академия истории материальной культуры организует Юго-Восточную экспедицию, в задачи которой входили археологические, этнографические и лингвистические исследования Воронежской и Ростовской областей. В этой экспедиции участвовала Н. П. Гринкова – талантливый ученый-диалектолог. Участие в многочисленных экспедициях по территории Воронежского края позволило ей собрать богатейший материал и подкрепить его печатными и рукописными источниками более ранних периодов. Всё это легло в основу ее докторской диссертации «Воронежские диалекты» (1947)⁹. В задачу диссертации входило выяснение генезиса воронежских диалектов как части южнорусского наречия. Для решения этой задачи был использован разносторонний материал не только по лингвистике, но и по истории, этнографии изучаемого

края. Учитывая этнографическую и языковую неординарность и разные этапы заселения воронежской территории (одnodворцами в XVII в., помещичьими крестьянами – в XVIII в.), Н. П. Гринкова подробнее изучила северную, северо-западную и западную части области, которые были заселены одnodворцами к концу XVII в. Весь совокупный материал позволил Н. П. Гринковой рассматривать воронежские диалекты как часть южнорусского наречия и выявить южно-поволжско-балканские параллели как в языке, так и в этнографии края. Для своего времени это был исчерпывающий, фундаментальный труд по истории заселения края, этнографии и характеристике воронежских диалектов.

Дальнейшее изучение воронежских диалектов связано с именем другого известного советского историка языка и диалектолога – В. И. Собинниковой. С конца 1940-х гг. под руководством проф. В. И. Собинниковой на филологическом факультете началась планомерная работа по собиранию воронежских говоров. Помимо сбора диалектного материала В. И. Собинникова проявила себя как выдающийся исследователь исторического и диалектного синтаксиса. Вся жизнь ее была связана с наукой и подготовкой научных кадров. Большая часть опубликованных ею работ посвящена изучению структуры, закономерностей развития и функционирования простого и сложного предложения в южнорусских говорах в сопоставлении с другими говорами, памятниками письменности и литературным языком («Строение сложного предложения в народных говорах» (1958), «Простое предложение в русских народных говорах» (1961)).

В. И. Собинникова была талантливым организатором диалектных исследований. По ее инициативе ученые, аспиранты, студенты филологического факультета на протяжении нескольких десятилетий занимаются сбором и обработкой диалектной лексики Воронежской области. Вся жизнь В. И. Собинниковой была посвящена науке и подготовке научных кадров. Под ее руководством 70 аспирантов защитили кандидатские диссертации, 10 из них стали докторами наук, профессорами. На протяжении 30 лет она являлась бессменным редактором межвузовского научного

⁸ Фольклорно-этнографические материалы из архива Русского географического общества XIX века по Воронежской губернии. Часть I // Афанасьевский сборник : материалы и исследования. Воронеж, 2012 ; Фольклорно-этнографические материалы из архива Русского географического общества XIX века по Воронежской губернии. Часть II // Там же. Воронеж, 2017.

⁹ Гринкова Н. П. Воронежские диалекты // Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1947. Т. 55.

издания «Материалы по русско-славянскому языкознанию»¹⁰ В. И. Собинникова возглавила работу по составлению диалектного словаря Воронежской области.

Валентина Ивановна своим трудом, старанием и пытливейшей мыслью заражала учеников. Ее примеру последовали не только члены кафедры филологического факультета, но и преподаватели вузов других регионов. Таким образом сформировалась воронежская диалектологическая школа, представители которой положили начало диалектологическим исследованиям в других регионах, причем не только Черноземья: Л. К. Лыжова, Е. Н. Шестакова, В. Н. Кретова, А. Д. Черенкова (ВГПИ), И. С. Торощев – в Орле, Н. Д. Жихарева, Г. Л. Щулина – в Липецке, С. Г. Пискунова – в Тамбове, Н. Силкина – в Курске, О. М. Трахтенберг – в Стерлитамаке, В. И. Хитрова – в Москве, С. М. Белякова – в Тюмени, Т. В. Краснова, И. М. Курносова – в Ельце.

Члены кафедры славянской филологии, аспиранты (М. Т. Авдеева, Е. В. Давыдова, О. В. Дмитрина, В. И. Дьякова, Т. В. Карасёва, Е. П. Куйдина, Е. С. Обухова, М. В. Панова) продолжают сбор и обработку Картотеки областного словаря, в котором зафиксирована лексика, фразеология, местная топонимика. Ценность словаря состоит в том, что в нем впервые с такой полнотой и географической прикреплённостью представлена южнорусская лексика. Кроме того, тысячи слов фиксируются впервые и войдут в научный оборот. «Словарь Воронежских говоров» является толковым словарем дифференциального типа. Уже вышло два выпуска словаря (от А до Г, вып. 1, Воронеж, 2004; от Д до Ж, вып. 2, Воронеж, 2007). В настоящее время подготовлены к изданию словарные статьи от З до Й (вып. 3). Словарь является ценнейшим пособием для исторической лексикологии, этнографии, диалектологии Воронежского края. Следует отметить, что в настоящее время на кафедре славянской филологии под руководством проф. Г. Ф. Ковалёва усилиями преподавателей и студентов, а также сотрудников научно-исследовательской лаборатории воронежского лингвокраеведения продолжается сбор материалов для словаря.

¹⁰ Полный перечень публикаций этого издания содержится в : Материалы по русско-славянскому языкознанию : межвуз. сб. науч. трудов. Воронеж, 1996. Вып. 21.

Помимо синхронного изучения воронежских говоров на филологическом факультете под руководством В. И. Собинниковой с 40-х гг. XX в. проводится сопоставительное изучение современных говоров и языка памятников письменности XVII–XVIII вв. Под руководством В. И. Собинниковой были написаны кандидатские диссертации по изучению диалектных особенностей, отраженных в деловых документах Воронежского края XVII–XVIII вв.: (Н. К. Соколова «Обиходно-бытовая лексика в языке Воронежских грамот XVII века» (1956), В. И. Хитрова «Местная лексика в языке воронежских рукописных памятников XVII – первой четверти XVIII века» (1972), Т. Н. Краснова «Графика и орфография Воронежских рукописных актов конца XVII – начала XVIII веков» (1989)). В. И. Дьякова, В. И. Хитрова составили «Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями)» (2009 г.). Это уникальное издание помимо диалектной лексики XX в. содержит ценный материал, извлеченный из памятников воронежской деловой письменности XVII–XVIII вв.

За многие годы в результате совместной деятельности ученых Воронежа сложился большой коллектив диалектологов, который смело можно назвать школой В. И. Собинниковой. Разнообразные подходы к материалу содержатся в работах И. С. Торощева, Ю. Т. Листровой, В. Н. Кретовой, А. И. Чижик-Полейко, Н. К. Соколовой, Р. В. Херольянц, А. С. Афанасьевой, В. И. Хитровой, Л. К. Лыжовой, Е. Н. Шестаковой, В. Ф. Филатовой, В. Н. Титовской, Т. Е. Ворониной, И. К. Зайцевой, М. Т. Авдеевой, Е. Ф. Акаткиной, Е. В. Давыдовой, В. И. Дьяковой, О. В. Дмитриной, А. Д. Черенковой, Н. И. Кривовой, М. Я. Запрягаевой, М. В. Пановой, Т. В. Карасёвой, Е. П. Куйдиной, Т. А. Литвиновой, Л. И. Гончаровой, О. В. Смирновой, Л. В. Недоступовой и др. Многие из этих ученых участвовали в сборе материала для «Общеславянского лингвистического атласа» и для «Диалектологического атласа русского языка».

Вопросы региональной ономастики плодотворно разрабатываются проф. Г. Ф. Ковалёвым и его учениками и последователями: С. А. Поповым, В. А. Сёмушкиным, Т. В. Толбиной, Л. Н. Верховых, Е. И. Сьяновой и др.

Проблемами русско-украинского контактирования воронежские исследователи начали интересоваться еще в XIX в. Первыми работами, поставившими себе задачу изучения воронежских говоров сравнительно с украинскими диалектами, были работы М. А. Дикарёва «Очерк воронежского мещанского говора сравнительно с украинско-русским наречием. Опыт статистического исследования звуковых явлений» (1892), К. Филатова «Очерк народных говоров Воронежской губернии» (1897). В XX в. эта проблема нашла отражение в трудах В. И. Собинниковой, М. Т. Авдеевой, Е. Ф. Акаткиной, М. С. Овсянникова, М. Я. Запрягаевой, А. Д. Черенковой, Л. П. Комиссаровой, Т. Е. Ворониной, Е. И. Сьяновой и др.

В настоящее время на кафедре славянской филологии продолжается изучение лексики украинских говоров: названий пищи, одежды, элементов свадебного обряда (В. В. Голубенко, Е. А. Богданова). Важным этапом в исследовании украинских диалектов региона стало составление М. Т. Авдеевой «Словаря украинских говоров Воронежской области» (т. 1, 2008; т. 2, 2012).

Воронежские говоры являются говорами «позднего заселения», и это делает их изучение очень важным с лингвистической точки зрения по разным причинам: их состав очень сложен и неоднороден, характеризуется большой вариативностью, в одном населенном пункте могут функционировать разные по типу говоры, могут отмечаться своеобразные накопления и адаптации нового материала и др. В силу этих обстоятельств очень важен лингвогеографический аспект изучения Воронежских говоров.

Лингвогеографический аспект изучения воронежской географической лексики был предпринят В. И. Дьяковой и на другом лексическом материале продолжен ее аспирантами М. В. Пановой «Наименования одежды в русских говорах Воронежской области (этнолингвистический и ареальный аспекты)» (2002), Т. В. Карасёвой «Названия пищи в воронежских говорах (этнолингвистический аспект)» (2004), Е. П. Куйдиной «Ихтиологическая лексика воронежских говоров» (2011).

В настоящее время В. И. Дьякова возглавляет работу по собиранию и изучению диалектного материала. Лекси-

кологические исследования В. И. Дьяковой, проводимые в течение более 50 лет, включают изучение различных тематических групп: географической лексики, наименований одежды, названий жилых и сельскохозяйственных построек и др. Кроме того, большое внимание В. И. Дьякова уделяет анализу особенностей языкового чутья диалектоносителей, экспрессивно-эмоциональных особенностей, отраженных в документах Воронежского края XVII в., а также функционированию диалектно-просторечной лексики в художественных произведениях А. Т. Твардовского, Н. В. Гоголя, А. С. Грибоедова, А. В. Кольцова. Ею описаны диалектные особенности, отраженные в фольклорных текстах, а также проведены исследования лексики воронежского городского просторечия, топонимии Острогжского и Богучарского районов.

Диалектологические труды В. И. Дьяковой, широта ее научных интересов дали мощный импульс для дальнейшего изучения воронежских говоров другими преподавателями, аспирантами и студентами. С начала XXI в. и по настоящее время под руководством проф. В. И. Дьяковой, проф. Г. Ф. Ковалёва, доц. М. В. Пановой изучаются различные тематические группы воронежской лексики в системном, этнолингвистическом, ономаσιологическом, когнитивном и др. аспектах. Исследуются названия пищи (Т. В. Карасёва), одежды (М. В. Панова), ихтиологическая лексика (Е. П. Куйдина), наименования посуды и кухонной утвари (Л. И. Гончарова), номинации человека (Т. А. Литвинова), лексика свадебного обряда (Е. А. Богданова), наименования русской печи (В. Воронина), орудий труда (М. Польшцова), лекарственных растений (В. Черникова), лексики прядения и ткачества (Д. Ульянова), лексики декорирования (А. Трепалина (Сомова)), жилых построек (Д. Лысых), сельскохозяйственных построек (М. Синибабнова), домашних животных (Ю. Кулакова), диалектные элементы в языке воронежских сказок (А. Мирошникова, М. В. Панова).

Кроме ВГУ, воронежские диалекты изучают еще два научно-педагогических центра – Воронежский государственный и педагогический университет и Борисоглебский филиал ВГУ.

В Воронежском педагогическом университете изучение местной речи в 1960–1970-е гг. возглавила В. Н. Кретьева. И в настоящее время усилиями преподавателей гуманитарного факультета ведется активная работа по собиранию и изучению воронежских говоров. Особо надо отметить поистине подвижническую работу А. Д. Черенковой. Под ее руководством регулярно проходит конференция «Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий», создается электронная версия «Тематического словаря говоров Воронежской области»¹¹, проходит подготовительная работа по созданию диалектологической карты Воронежской области. Результатом многолетнего труда стала проведенная А. Д. Черенковой классификация говоров Воронежской области по комплексу фонетических, морфологических и лексических черт. Предложенная ею типология подтверждается совокупностью лингвистических и экстралингвистических факторов¹². В течение многих лет А. Д. Черенкова руководит лингвистической секцией конференции, проводимой Воронежским областным краеведческим обществом, издает сборники научных трудов («Проблемы изучения живого русского слова», «Диалектологический альманах», «Край Воронежский»), учебные пособия по диалектологии («Диалектология: учебно-методическое пособие по организации и проведению практики» (2006), «Русская диалектология: лекции и практические занятия» (2014)).

В Борисоглебском пединституте (сейчас – Борисоглебский филиал ВГУ) в 1960-е гг. работал, изучая борисоглебские говоры, известный диалектолог, автор современного учебника по русской диалектологии Л. Л. Касаткин. В настоящее время активную работу проводит доц. В. Ф. Филатова, труды которой интересны этнолингвистическим аспектом. В 2010 г. вышла ее монография «Магический дискурс», посвященная вопросам, связанным с народными представлениями о магии (описываются современные

магические обряды и магическая лексика Воронежского края). В Борисоглебском филиале ВГУ создана лаборатория региональной лингвистики, сотрудники которой планомерно изучают восточную часть Воронежской области (Л. Н. Верховых, Е. И. Сьянова и др.).

Нужно отметить, что в воронежском регионе изучение проблем лингвокраеведения выросло из ежегодных краеведческих конференций. В 2002 г. в Борисоглебске издана «Программа курса «Лингвистическое краеведение»» (сост. В. Ф. Филатова), подготовлено к публикации учебно-методическое пособие к курсу литературного и лингвистического краеведения «Борисоглебское Хопёрье». В 2017 г. вышло пособие Л. Н. Верховых «Лингвокраеведение в школе». Регулярно публикуется сборник «Родной язык: проблемы теории и практики преподавания».

Кафедра славянской филологии и научно-исследовательская лаборатория народной культуры и этнографии ВГУ им. проф. С. Г. Лазутина имеют тесные контакты с кафедрой музыкальной фольклористики Академии искусств по проблемам собирательства и изучения диалектно-фольклорно-этнографического материала. Студенты ВГУ и ВГАИ участвуют в совместных экспедициях, конференциях.

Изучение воронежских говоров на филологическом факультете продолжается в статьях преподавателей, в курсовых и выпускных работах бакалавров и магистрантов, в диссертационных исследованиях, методических разработках. Результаты этих исследований публикуются в сборниках, выпускаемых под редакцией проф. Г. Ф. Ковалёва («Материалы по русско-славянскому языкознанию», «Воронежское лингвокраеведение»), доц. Т. Ф. Пуховой («Афанасьевский сборник»).

Диалектологические изыскания позволили не только обогатить курс «Русская диалектология» (В. И. Дьякова, М. В. Панова), но и разработать спецкурсы, связанные с изучением воронежских говоров «Лингвоэтнография родного края» (В. А. Сёмушкин), «Преподавание русского языка в диалектном окружении» (М. В. Панова), «Особенности языка Черноземья» (М. В. Панова). Выпущены учебно-методические пособия «Русская диалектология» (сост. В. И. Дья-

¹¹ Черенкова А. Д. Русская диалектология : лекции и практические занятия : учеб. пособие. Воронеж, 2014. С. 147.

¹² Черенкова А. Д. Воронежские диалектные тексты как источник для изучения русского национального языка, истории и культуры народа. Воронеж, 2009.

кова, М. В. Панова, 2012), «Преподавание литературного языка в диалектном окружении» (сост. М. В. Панова, 2016).

Несмотря на то, что достаточно много материалов опубликовано по воронежским говорам, следует сказать, что воронежские диалекты изучены недостаточно, особенно с точки зрения монографического описания. Сотни диалектов ждут своих исследователей. Нам, диалектологам, важно учесть: чем полнее будет изучена речь отдельных регионов, тем точнее будет наше представление об устройстве и функционировании диалектного русского языка, тем полнее знания о духовной и материальной культуре русского народа.

Е. В. Сидорова, О. А. Швецова

ВКЛАД КАФЕДРЫ РУССКОГО ЯЗЫКА ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ВГУ В РАЗРАБОТКУ ВОПРОСОВ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЕ

Разработка актуальных вопросов методологии и методики преподавания русского языка всегда была одним из важнейших направлений научной и педагогической деятельности преподавателей кафедры русского языка, цель которой на протяжении многих лет – воспитание квалифицированных специалистов в области русского языка, грамотных и востребованных современной школой учителей-словесников.

В многочисленных статьях и коллективных сборниках, подготовленных преподавателями кафедры, отражены, пожалуй, все возможные направления исследований в области теоретических и прикладных аспектов методики преподавания русского языка как науки.

Безусловно, любое научное исследование в области лингвистики в большей или меньшей степени связано с практикой преподавания в школе: оно расширяет горизонты наших знаний о родном языке, устраняет заблуждения и ошибки, наличие которых в школьной грамматике, к сожалению, сохраняет актуальность проблемы преемствен-

ности преподавания языка в школе и вузе. Эта проблема, сформулированная еще в начале XX века А. М. Пешковским в статье «Школьная и научная грамматика» (1914), обрела современное звучание в статье И. П. Распопова «О преемственности преподавания русского языка в школе и вузе» (1977)¹. По мнению ученого, знания по предмету, которые получают выпускники школ, должны быть исходной базой для углубленного изучения русского языка в вузе. Но при этом будущим учителям нужно отчетливо осознавать, как эти глубокие знания будут использоваться в школьном учебном процессе, как наука будет сочетаться с актуальными вопросами преподавания языка в школе.

У нынешних студентов, проходящих практику в средних общеобразовательных учреждениях, есть возможность поразмыслить над этим сложнейшим вопросом, поскольку программой практики предусмотрено проведение уроков по методическому приложению к выпускной квалификационной работе, а значит, необходимо продумать, как сложное научное исследование преподнести детям, вызвать неподдельный интерес учеников, настроить их на обсуждение серьезных лингвистических проблем.

Мастерство учителя становится более прочным, когда он обращается к трудам методистов и педагогов прошлого, поскольку классическая методика преподавания русского языка строится на основе их бесценного опыта. Свои страницы в курс методики преподавания русского языка в школе вписали абсолютно все преподаватели кафедры русского языка. Это методическое наследие отличается стремлением педагогов связать научную лингвистику с практикой преподавания родного языка в школе.

Вопросы методики преподавания отдельных разделов науки о языке широко освещены в разнообразных публикациях кафедры. Высокий научный уровень им задают коллективные сборники статей «Школьная и научная грамматика» (1977, 1979), «Лингвистический анализ в школе и вузе» (1983).

В статье «Фонетический разбор на уроках русского языка в школе» К. П. Ленченко отмечает, что письменной фор-

¹ Распопов И. П. О преемственности в преподавании русского языка в школе и вузе // Школьная и научная грамматика. Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1977. С. 3–8.

ме разбора уделяется в школе значительно больше внимания, чем устной². Приводя привычный порядок школьного фонетического анализа, автор подметил его недостатки: логическую непоследовательность (сначала нужно назвать количество слогов, потом сами гласные звуки, по количеству которых и определяется количество слогов); в устной форме разбора характеризуются сначала гласные звуки, затем согласные (легче было бы описывать звуки по порядку следования в слове); направление разбора от букв к звукам вызывает ошибки в их смешении. Эти наблюдения позволили учителям-практикам скорректировать схему выполнения фонетического разбора, что, несомненно, помогает ученикам лучше усвоить особенности фонетической системы родного языка.

В более позднем учебно-методическом пособии «Анализ звукового строя языка в школе и вузе» Л. М. Кольцовой, Ж. В. Грачёвой, Т. В. Ильиной представлен исчерпывающий анализ звуковой стороны языка, классификация и квалификация звуков речи – «необходимая и важная составляющая базовых знаний учащихся школы и студентов-филологов»³. Материал пособия: теоретические сведения, лингвистические комментарии и упражнения – позволяет овладеть навыками фонетического и орфоэпического разборов как в объеме школьного, так и университетского курсов современного русского языка.

Подробный план лексического разбора, приведенный в соответствии с вузовской программой, представлен в статье Ю. Т. Листровой «Лексический разбор в школе и вузе»⁴. Школьная программа предусматривает усвоение учащимися широкого круга сведений из лексикологии. В вузовском курсе нужно акцентировать внимание на том, какую

информацию студенты могут использовать в практике преподавания в школе, для этого следует изучить содержание школьных учебников по данному разделу программы. Ю. Т. Листрова не раз подчеркивает, что освоение лексикологии невозможно без обращения к словарям и справочным пособиям: ученики должны выработать привычку пополнять свой лексический запас, проявляя интерес к богатствам родного языка.

Полезным при изучении раздела «Лексикология» в школьной практике может стать учебно-методическое пособие Л. М. Кольцовой, Е. В. Сидоровой «Лексический анализ в школе и вузе», которое помогает осваивать анализ лексических единиц в их многообразных и разносторонних связях, определять особенности словоупотребления в контексте, выявлять функции слов в текстах разной стилистической принадлежности⁵. Теоретические сведения, изложенные в пособии, позволяют сформировать представление о лексическом составе языка как системе, слове как иерархически устроенной единице, различных видах многозначности, принципах выделения тематических и лексико-семантических групп слов и их стилистической дифференциации. Большое количество упражнений, подобранных авторами, поможет сформировать прочные знания в области лексикологии.

Один из самых сложных разделов в учебной программе – «Морфемика и словообразование» – не остался без внимания педагогов. Трудностям морфемного, словообразовательного и этимологического разборов посвящена статья Е. П. Артёменко⁶, в которой приведены подробные схемы всех видов анализов с примерами. Автор справедливо утверждает, что морфологический разбор является ступенью словообразовательного разбора и правильное определение морфемного состава слова возможно при учете связей и соотношений с родственными и одноструктурными словами и с производящей для него основой. Морфемный

² *Ленченко К. П.* Фонетический разбор на уроках русского языка в школе // Лингвистический анализ в школе и вузе. Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1983. С. 28–34.

³ *Кольцова Л. М., Грачёва Ж. В., Ильина Т. В.* Анализ звукового строя языка в школе и вузе. Воронеж : Издательско-полиграфический центр ВГУ, 2008. 31 с.

⁴ *Листрова Ю. Т.* Лексический разбор в школе и вузе // Лингвистический анализ в школе и вузе. Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1983. С. 6–13.

⁵ *Кольцова Л. М., Сидорова Е. В.* Лексический анализ в школе и вузе : учеб.-метод. пособие. Воронеж, 2005. 43 с.

⁶ *Артёменко Е. П.* О некоторых трудностях морфемного и словообразовательного анализа // Школьная и научная грамматика. Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1977. С. 8–14.

и словообразовательный анализ должен опираться на объективные факты языка и исходить из его современного состояния, но не стоит забывать об исторических изменениях в морфемном составе слов, чтобы избежать ошибок в неверном его определении. Е. П. Артёмов приводит ряд интересных упражнений, весьма полезных в школьном изучении раздела. Размышления о его преподавании ученый продолжает в статье «Изучение раздела «Словообразование» в школе»⁷. Автор пишет о том, что современный учитель должен соблюдать одно из важнейших требований школьной программы по русскому языку – повышение научного уровня преподавания: «Учитель уже не может ограничиваться формальным разбором слов по составу; он должен сформировать у учащихся научное понятие значимости выделяемых частей слова (морфем)»⁸. Вполне обоснованным является утверждение о том, что изучение раздела следует начинать с разграничения понятий «словообразование» и «словоизменение», затем вводить понятие «морфема» (при этом обратить внимание на «нулевую морфему»), производная, непроизводная и производящая основы, после этого переходить к изучению способов образования слов. Значимые части слова необходимо рассматривать с учетом роли морфемы в слове, ее значения, места в составе слова. Становится очевидным, что раздел «Словообразование» в школьной программе имеет очень высокую степень практической направленности и выходит на уровень научной грамматики, сближаясь с ней, однако при этом важно помнить о соблюдении принципа доступности, который позволит детям легко усваивать непростой теоретический материал, требующий хорошо развитого абстрактного мышления.

В разнообразных современных учебно-методических пособиях Т. Н. Голицыной, Т. В. Ильиной подробно и глубоко освещены вопросы словообразования, которые позволяют учащимся овладеть навыками морфемного и словообразовательного анализа слов, умением систематизировать

⁷ Артёмов Е. П. Изучение раздела «Словообразование» в средней школе // Школьная и научная грамматика. Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1979. С. 3–10.

⁸ Там же. С. 4.

анализируемый материал, использовать справочные пособия для решения «словообразовательных» задач. Краткие и емкие материалы теоретического характера помогут разобраться в сложнейших вопросах раздела⁹.

Большое количество учебно-методических пособий, изданных кафедрой русского языка, посвящено разделу «Морфология». Классическим учебником, на котором воспитано не одно поколение лингвистов, является книга И. П. Распопова, А. М. Ломова «Основы русской грамматики». В ней на высоком научном уровне проработаны сложнейшие разделы лингвистики – морфология и синтаксис¹⁰.

Концентрацией знаний по разделу, как известно, являются грамотно выполненные морфологические разборы. Их образцы по всем частям речи, снабженные необходимыми и достаточными лингвистическими комментариями, пригодятся и школьникам, и студентам, и учителям. «Грамматика имени. Морфологический разбор в школе и вузе», «Методика изучения частей речи. Грамматический анализ глагола, причастия, деепричастия в школе и вузе», «Морфологический разбор служебных частей речи, модальных слов, междометий в школе и вузе» – таков неполный перечень учебно-методических пособий Ж. В. Грачёвой, Т. В. Ильиной, которые позволяют систематизировать знания по морфологии и акцентировать внимание на трудных случаях грамматики¹¹.

Кафедра русского языка имеет очень сильную синтаксическую школу, которая была существенно укреплена про-

⁹ Голицына Т. Н., Ильина Т. В. Система заданий для самостоятельной работы по словообразованию : учеб.-метод. пособие для вузов. Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2013. 37 с.

¹⁰ Распопов И. П., Ломов А. М. Основы русской грамматики : морфология и синтаксис. Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1984. 351 с.

¹¹ Грачёва Ж. В., Ильина Т. В. Грамматика имени. Морфологический разбор в школе и вузе : учеб.-метод. пособие для вузов. Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2008. 47 с. ; Грачёва Ж. В., Ильина Т. В. Методика изучения частей речи. Грамматический анализ глагола, причастия, деепричастия в школе и вузе : учеб.-метод. пособие. Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2010. 39 с. ; Грачёва Ж. В., Ушакова Т. В. Морфологический разбор служебных частей речи, модальных слов, междометий в школе и вузе : учеб.-метод. пособие. Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2006. 31 с.

фессором А. М. Ломовым и его учениками. Книги ученого «Типология русского предложения» и «Русский синтаксис в алфавитном порядке»¹², ставшие теоретической основой для многих диссертаций, отражают новаторские подходы в изучении простого и сложного предложений. Семантико-функциональная классификация предложений помогает не только по-новому взглянуть на единицы синтаксиса, но и квалифицировать те синтаксические конструкции, которые затрудняются объяснить традиционная школьная грамматика.

Школьный структурно-семантический подход и вузовский семантико-функциональный легли в основу учебно-методических пособий Т. В. Ильиной, Е. В. Сидоровой «Синтаксис простого предложения в школе и вузе», «Синтаксис сложного предложения в школе и вузе»¹³. Издания содержат максимально полное освещение проблем, возникающих при анализе простого и сложного предложений. Повторение структурно-семантического подхода к предложению, освоенного учащимися в школе, дополнено исчерпывающими данными по семантико-функциональному подходу. Принципиальным является четкое разграничение предложения и высказывания, что нашло отражение в порядке синтаксического разбора в школе и вузе. В пособиях подробно описан план разбора синтаксических конструкций с конструктивной и коммуникативной точек зрения.

Большую ценность в практике преподавания синтаксиса в школе имеют учебно-методические пособия и статьи В. Б. Базилевской: «Грамматический разбор предложений по членам на подготовительных отделениях вузов»¹⁴, «Рус-

ский язык. Теория, практика, синтаксический разбор»¹⁵, «Синтаксический разбор словосочетания и предложения, пунктуационный разбор» в соавторстве с Ж. В. Грачёвой¹⁶. Эти публикации способствуют совершенствованию знаний в области грамматического разбора словосочетаний, простых и сложных предложений, устранению и предупреждению типичных ошибок, которые допускают учащиеся при выполнении синтаксического разбора.

Глубоко осмыслить непростую тему, связанную с составным именным сказуемым, помогает статья Т. Н. Голицыной «Лингвистический эксперимент в практике преподавания синтаксиса»¹⁷. Сложность рассматриваемой темы обусловлена тем, что состав связочных глаголов в разных учебных пособиях неоднороден, поэтому ученики должны усвоить принципы квалификации этих компонентов сказуемого. Автор предлагает очень простые рекомендации, основанные на лингвистическом эксперименте, по определению связочных глаголов; эти приемы избавят от ошибок в определении синтаксической функции компонентов составного сказуемого.

Трансформации синтаксических конструкций наречного типа в соотносительные посвящена статья Н. И. Белоусова «Синтаксические конструкции наречного типа в соотношении с конструкциями других типов» (*Пребывать в городе стало небезопасно. – Пребывание в городе стало небезопасно*)¹⁸. Автор подробно описывает грамматические ограничения, препятствующие подобной трансформации, и возможные варианты преобразования. Подобранные для

¹² Ломов А. М. Типология русского предложения / А. М. Ломов. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1994. 278 с. ; Ломов А. М. Русский синтаксис в алфавитном порядке : понятийный словарь-справочник / А. М. Ломов. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. 400 с.

¹³ Ильина Т. В., Сидорова Е. В. Синтаксис простого предложения в школе и вузе : учеб.-метод. пособие. Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2012. 32 с. ; Ильина Т. В., Сидорова Е. В. Синтаксис сложного предложения в школе и вузе : учеб.-метод. пособие для вузов. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2014. 41 с.

¹⁴ Базилевская В. Б. Грамматический разбор предложений по членам на подготовительных отделениях вузов // Синтаксис русского предложения. Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1985. С. 114–121.

¹⁵ Базилевская В. Б. Русский язык. Теория, практика, синтаксический разбор : пособие для старшеклассников и абитуриентов. Воронеж : Родная речь, 2003. 222 с.

¹⁶ Базилевская В. Б., Грачёва Ж. В. Синтаксический разбор словосочетания и предложения, пунктуационный разбор : учеб.-метод. пособие по русскому языку. Воронеж, 2003. 23 с.

¹⁷ Голицына Т. Н. Лингвистический эксперимент в практике преподавания синтаксиса // Синтаксис русского предложения. Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1985. С. 109–114.

¹⁸ Белоусов Н. И. Синтаксические конструкции наречного типа в соотношении с конструкциями других типов // Школьная и научная грамматика. Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1979. С. 128–133.

изучения темы примеры помогают правильно квалифицировать синтаксическую функцию инфинитива в простых двусоставных и односоставных предложениях.

Проблема выявления рациональных методов обучения правописанию в школе, которые способствовали бы прочному усвоению учащимися орфографических правил, а также развитию мышления и речи, поднимается в статье И. П. Распопова «Содержательные и операционные правила русского правописания»¹⁹. Содержательные правила связаны с семантическим наполнением языковых объектов, операционные разграничивают языковые объекты по тем признакам, которые проявляются в условиях лингвистического эксперимента. На нем базируются такие правила, как правописание безударных гласных, звонких и глухих согласных, суффиксов глаголов *-ова-/-ева-*, *-ыва-/-ива* и т.д. Содержательные правила объясняют отступления от морфологического принципа русской орфографии. Это правила написания корней с чередованиями *кас-кас*, *лож-лаг*, *рос-раст-раст*, *гор-гар*, суффиксов имен существительных *-чик-/-щик*, приставок на *-з-/-с-* и т.п. Но существуют и правила смешанного типа: *не* с именами существительными, правописание личных окончаний глаголов и др. Автор статьи констатирует очевидный факт, что русское правописание обладает правилами разных типов, и это диктует использование разных приемов обучения при освоении норм письма.

Совершенствованию навыков правописания, безусловно, будут способствовать саморепетиторы по орфографии и пунктуации («Точка, точка, запятая...», «Напишите это так...»)²⁰, в которых подробно и доступно разобраны все

правила школьной программы, сопровождаемые большим количеством упражнений, ответы к которым позволят сразу проверить написанное. В предисловии одной из книг авторы обращаются к читателям: «...откажитесь прежде всего от взгляда на пунктуационные правила как на собрание досадных условностей, отравляющих жизнь нормальному человеку. Постарайтесь почувствовать за бесстрастными точками и запятыми живое дыхание родного языка».

Продолжает тему совершенствования грамотности школьников и студентов учебно-методическое пособие Т. Н. Голицыной, Т. В. Ильиной, Е. В. Сидоровой, О. А. Швецовоной «Практический курс русского языка»²¹, в котором в удобной табличной форме представлены орфографические и пунктуационные правила русского языка, являющиеся основой для выполнения разнообразных упражнений и тестовых заданий.

Современная школа активно внедряет в практику проектную деятельность учеников, которые должны уметь проводить самостоятельное научное исследование по выбранному предмету. Образцом такого лингвистического исследования и отправной точкой его может стать интереснейшая книга Л. М. Кольцовой «Пунктуационный эксперимент в художественном тексте», рассказывающая о тайнах знаков препинания, «которые служат сигналами глубинных связей смысловых единиц, блоков, создают архитектуру текста, организуют его ритм, лад, пропорцию, т.е. его неповторимую гармонию»²².

Вопросы теории и практики методики русского языка глубоко и основательно проработаны в объемных учебно-методических пособиях Ж. В. Грачёвой и Е. В. Сидоровой (2010, 2012), которые написаны специально для студентов филологического факультета и призваны научить величайшему и сложнейшему мастерству и искусству пре-

¹⁹ Распопов И. П. Содержательные и операционные правила русского правописания // Школьная и научная грамматика. Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1977. С. 104–111.

²⁰ Точка, точка, запятая... : саморепетитор по русской пунктуации / Е. П. Атрёменко, В. Б. Базилевская, Н. И. Белоусов, Т. Н. Голицына, С. А. Гостеева, Ж. В. Грачёва, Р. К. Кавецкая, Л. М. Кольцова, К. П. Ленченко, А. М. Ломов, Ю. Т. Правда, З. А. Силкина ; под ред. А. М. Ломова. Воронеж, 1993. 176 с. ; Напишите это так... : саморепетитор по русской орфографии / Е. П. Артёменко [и др.] ; под ред. А. М. Ломова. Воронеж : ВГПУ, 1999. 196 с.

²¹ Голицына Т. Н., Ильина Т. В., Сидорова Е. В., Швецова О. А. Практический курс русского языка : учеб.-метод. пособие. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2016. 52 с.

²² Кольцова Л. М. Пунктуационный эксперимент в художественном тексте : монография. Воронеж : Изд-во ВГУ, 2006. С. 177.

подавания²³. Русский язык как учебный предмет, принципы и методы обучения русскому языку, организация учебного процесса, уроки русского языка (типы уроков и их образцы), средства обучения русскому языку, методика преподавания фонетики и графики, лексикологии, морфемики и словообразования, морфологии, синтаксиса, пунктуации, обучения правописанию, методика работы по развитию речи и обучению различным видам речевой деятельности, методика внеклассной работы по предмету – таков полный перечень тем, освоение которых позволяет студентам получить начальное и вместе с тем фундаментальное представление о работе учителя в школе. В этих книгах содержатся практические рекомендации по проведению уроков: представлены образцы конспектов уроков объяснения нового материала, работы над ошибками, подготовки к сочинению и изложению, уроков по методическому приложению к выпускной квалификационной работе; дана подробная классификация ошибок в письменных работах учеников; приведены примеры всех видов разборов (фонетического, морфемного, словообразовательного, морфологического, синтаксического, лексического, орфографического, пунктуационного, орфоэпического), предложено большое количество упражнений, в том числе и нетрадиционных, по всем разделам школьного курса русского языка. Эти учебно-методические пособия, без всякого сомнения, пригодятся и молодому специалисту, и опытному учителю, поскольку в них в концентрированном виде дано всё, что необходимо для работы словесника.

Полезны для работы в школе и такие учебно-методические пособия, как «Типы уроков русского языка»²⁴, «Нетрадиционные упражнения на уроке русского языка»²⁵ Е. В. Сидоровой, «Урок как форма методического приложения к

дипломной работе по русскому языку»²⁶, «Проверка письменных работ: методические рекомендации»²⁷ Ж. В. Грачевой, Е. В. Сидоровой.

Методика как прикладная дисциплина обязана откликаться на требования времени. Модернизация школьного образования на основе внедрения стандартов нового поколения требует от будущих педагогов расширения знаний в области ФГОС и особенностей построения уроков русского языка в соответствии с современными тенденциями. Учебно-методические пособия Е. В. Сидоровой «Урок русского языка в системе внедрения ФГОС. Технологические карты уроков»²⁸ и О. А. Швецово «Методика преподавания русского языка в школе и вузе»²⁹ знакомят будущих учителей с требованиями к современному уроку русского языка, различиями между традиционной знаниевой, современными системно-деятельностной и компетентностной парадигмами, классификацией универсальных учебных действий, типологией и структурой уроков русского языка и технологическими картами. Эту информацию в таком обобщенном виде пока невозможно найти ни в одном учебнике по методике преподавания русского языка, и студентам очень полезно познакомиться с ней.

Представленный в данной публикации обзор научных статей и учебных пособий, так или иначе связанных с методикой преподавания русского языка в школе, позволяет оценить весомый вклад кафедры русского языка филологического факультета ВГУ в разработку вопросов методики. Методика преподавания русского языка никогда не оставалась за пределами научных интересов сотрудников кафедры, стремившихся связать строгую лингвистику с практикой преподавания в школе.

²⁶ Грачева Ж. В., Сидорова Е. В. Урок как форма методического приложения к дипломной работе : учеб.-метод. пособие. Воронеж, 2009. 32 с.

²⁷ Грачева Ж. В., Сидорова Е. В. Проверка письменных работ учащихся : методические рекомендации : учеб.-метод. пособие. Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2012. 36 с.

²⁸ Сидорова Е. В. Урок русского языка в системе внедрения ФГОС. Технологические карты уроков : учеб.-метод. пособие для вузов. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2016. 39 с.

²⁹ Швецова О. А. Методика преподавания русского языка в школе и вузе : учеб.-метод. пособие. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2017. 33 с.

²³ Грачева Ж. В., Сидорова Е. В. Методика преподавания русского языка : учеб.-метод. пособие. Воронеж : Изд-во ВГПУ, 2010. 420 с. ; Грачева Ж. В., Сидорова Е. В. Методика преподавания русского языка в школе : учеб.-метод. пособие. Воронеж : Изд-во ВГПУ, 2012. 380 с.

²⁴ Сидорова Е. В. Типы уроков русского языка : учеб.-метод. пособие. Воронеж, 2007. 32 с.

²⁵ Сидорова Е. В. Нетрадиционные упражнения на уроке русского языка : учеб.-метод. пособие. Воронеж, 2010. 24 с.

Т. А. Никонова
В ДИАЛОГЕ СО ВРЕМЕНЕМ

В сентябре 1960 года в составе филологического факультета появилась новая структура – кафедра советской литературы (с 1991 года – кафедра русской литературы XX века, позже – кафедра русской литературы XX–XXI веков), первым заведующим которой стал Анатолий Михайлович Абрамов (1917–2005), доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

Название кафедры определяло область ее научных и педагогических интересов – *советская литература*, что на практике ставило в центр внимания всю литературу XX века. Известно, что 1960–е годы в историю нашей страны вошли как время надежд и перемен. И название кафедры в 1960 году было продиктовано «ближними» задачами литературной истории – необходимостью ее осмысления в «оттепельной» современности. Общественные перемены второй половины XX века вызвали к жизни корректировку кафедрального названия. Кафедрой русской литературы XX века она стала в 1990–е годы в связи с необходимостью включения литературы русского зарубежья, творчества «возвращенных» и «забытых» писателей в единое культурное пространство XX столетия. Начавшийся XXI век, новые имена, необходимость изучения формирующегося литературного процесса расширили временные рамки изучаемого материала, включив и начало XXI века. Сегодняшний день кафедры проходит под новым названием, вызванным к жизни не литературными обстоятельствами, а внутривузовскими организационными сокращениями. С 2013 года, после реорганизации двух кафедр, она именуется кафедрой русской литературы XX–XXI веков, теории литературы и фольклора, что продиктовано необходимостью сохранения научных приоритетов вошедших в нее коллективов.

Начиная с 1960–х годов, кафедра стремительно росла. К первому поколению «кафедралов» принадлежали Нина Васильевна Соколова, Полина Андреевна Бороздина, Тамара Сергеевна Осицкая. Со временем в составе появлялись новые сотрудники – Владислав Петрович Скобелев, Влади-

мир Иванович Гусев, Леонид Алексеевич Шаповалов. Затем, с началом подготовки журналистов на филологическом факультете, на кафедре стали работать Георгий Владимирович Антюхин, Маргарита Ивановна Стюфляева, Лев Ефремович Кройчик, Вадим Георгиевич Кулиничев, Александр Тихонович Смирнов, позже ставшие ведущими сотрудниками факультета журналистики ВГУ. Позже на факультете появилась кафедра журналистики, куда ушли наши коллеги, а еще позже, в 1975 году на вновь образованную кафедру теории литературы и фольклора был передан лекционный курс «Теория литературы с основами эстетики», вместе с которым покинул кафедру В. П. Скобелев, его читавший. Кафедра советской литературы сосредоточилась на изучении русской литературы XX века, литератур народов СССР, методики преподавания литературы в школе.

Хочу отметить кадровую кафедральную традицию, заложенную еще А. М. Абрамовым. Как правило, кафедра пополняется за счет наших выпускников, преподавательский и научный багаж которых складывался в рамках общих образовательных традиций и научных интересов. Так, в 1970–е годы преподавателями кафедры стали бывшие аспиранты проф. Абрамова Т. А. Никонова, В. М. Акаткин. В 1981 году проф. А. М. Абрамов сложил с себя полномочия заведующего, следующие годы заведующие менялись – Т. А. Никонова (1982–1993, 2000 – по наст. вр.) и Е. Г. Мущенко (1993–2000), но кадровая традиция сохранилась. Кафедра, как правило, росла за счет бывших аспирантов, позже они становились доцентами, профессорами. В 1980–е годы к нам пришли выпускники разных лет – Е. Г. Мущенко, О. А. Бердникова, А. А. Кретинин, О. В. Лазаренко, Н. Н. Золототрубова, О. А. Разводова. На рубеже XX–XXI веков кафедральный коллектив дополнили молодые талантливые исследователи, инициативные преподаватели Т. А. Тернова, А. В. Фролова, А. А. Житенев, В. Л. Гусаков, А. Ю. Грязнова, определяющие его современное состояние. Однако на кафедре трудятся не только наши выпускники. Органично влились в кафедральный коллектив доц. О. Ю. Алейников, проф. Н. А. Молчанова. Каждый из них внес свою краску в расширяющийся спектр кафедральных исследований. Появление на кафедре доц. О. Ю. Алейникова, арабиста по базовому образованию,

человека с большим опытом управленческой и предпринимательской деятельности, широкими научными интересами, расширило сферу наших профессиональных интересов и возможностей. Проф. Н. А. Молчанова, выпускница филологического факультета, много лет проработавшая в Ивановском университете под руководством проф. П. В. Куприяновского, обогатила жизнь кафедры глубоким изучением наследия К. Бальмонта, русского символизма в целом. Ведущий современный «бальмонтовед», она является автором нескольких монографий, написанных совместно с П. В. Куприяновским, автором первой полной биографии поэта, опубликованной в серии ЖЗЛ «Солнечный Гений» русской литературы» (2014).

Личность нашего первого заведующего не могла не отразиться на всем облике кафедры и, разумеется, на ее теоретических и научных пристрастиях. Анатолий Михайлович Абрамов был человеком публичным, широким, размашистым. Он прошел в университете путь от преподавателя до профессора, заведующего кафедрой. Появившись на филологическом факультете в 1949 году, он сразу стал его легендой. Живой, энергичный, пафосный, не умеющий говорить скучно и обыденно, он так естественно вписался в молодежную аудиторию тех лет, что стал ее кумиром, ее голосом. Как вспоминают студенты 1950-х годов и коллеги Анатолия Михайловича, на его лекции ходили не только «лирики», но и «физики», к нему обращались как к полпреду советской поэзии не только студенты, но и люди, не имеющие отношения к университету. Его вдохновляла атмосфера спора, столкновения разных взглядов, живой разговор и с отдельным человеком, и с большой аудиторией¹.

---

¹ Эта сторона жизни проф. А. М. Абрамова отражена в материалах, посвященных его памяти. К его 90-летию был издан сборник воспоминаний: «Лирика и эпос одной судьбы: памяти заслуженного деятеля науки РФ, профессора, доктора филологических наук А. М. Абрамова (1917–2005)» (2007). К 100-летию А. М. Абрамова (2017) была проведена международная научная конференция «Литературная классика XX века», по материалам которой подготовлен к печати сборник научных статей.

Круг научных интересов А. М. Абрамова определялся магистральным развитием советской поэзии. Анатолий Михайлович был ученым, организатором науки, пропагандистом и популяризатором художественного слова. И ему по праву было присвоено звание заслуженного деятеля науки РФ (1987). Одна из дорогих идей проф. Абрамова состояла в том, что советская литература, безусловно, была новаторской, яркой страницей в истории культуры (были годы, когда он эту мысль был готов абсолютизировать), но не нарушала русской традиции, ее глубинных процессов. Так, его занимали ритмические истоки стиха В. Маяковского, его переключки с русской классикой. И в связи с этим в его работах возникал целый ряд нестандартных параллелей. В этом же ряду следует рассматривать его устойчивое внимание к поэзии и фигуре А. Т. Твардовского, поздние работы о С. Есенине. Вот почему сборник научных работ, выпущенных кафедрой к 80-летию проф. А. М. Абрамова, имел неслучайное название – «Традиции и поиски: Русская литература XX века» (1997).

Кафедра – это всегда коллектив. Его первое поколение вместе с заведующим закладывало стиль и ритм работы кафедры, определяло научные интересы, общение со студентами.

Доцент *Нина Васильевна Соколова* (1918–1990) из числа первых кафедральных сотрудников. Она появилась в Воронежском университете в 1953 году, после окончания аспирантуры Института мировой литературы им. А. М. Горького и защиты кандидатской диссертации «Творческий путь А. С. Неверова» (науч. рук. В. О. Перцов). В 1960 году она получила звание доцента кафедры. Нина Васильевна читала лекционные курсы «История русской литературы начала XX века», «Методика преподавания литературы в школе», руководила педагогической практикой студентов факультета. Как и все университетские преподаватели тех лет, Н. В. Соколова принимала самое активное участие в культурной жизни города. Ее часто приглашали на Воронежское радио и телевидение для бесед о современной литературе, о литературе и культуре начала XX века. Научные интересы Н. В. Соколовой в целом определялись учебными дисциплинами. Она – автор ряда статей по истории совет-

ской литературы 1920-х годов, методики преподавания литературы.

Научная биография доцента *Полины Андреевны Бороздиной* (1921–2017) теснейшим образом связана с кафедрой, на которой она много лет читала уникальный лекционный курс «История литератур народов СССР». Курс был настолько объемным, включал такой разнородный материал, что само его введение было связано с рядом дискуссий и по поводу временных границ, и по поводу его содержания. П. А. Бороздина обращалась к культурным истокам тех литератур, которые вводились в учебный план. Отстаивая свои подходы, она становилась участницей многочисленных общесоюзных, межвузовских дискуссий. Одна из них была вынесена на страницы журнала «Вопросы литературы» (1977, № 10), где выступила и доц. П. А. Бороздина, в обоснование своей позиции приведя многолетний опыт чтения лекционного курса в Воронежском университете и его содержательный план.

Чтение столь объемного курса потребовало разработки особой методики его преподавания. Полина Андреевна разработала свою систему коллоквиумов, через которую прошло не одно поколение воронежских филологов, с благодарностью вспоминая этот уникальный опыт общения с преподавателем. Будучи женой и ученицей проф. И. Н. Бороздина, выдающегося русского историка, воспитанника старой, еще начала XX века, университетской школы, П. А. Бороздина опиралась на его советы, благодаря которым стала хранительницей его традиции в Воронежском университете.

В числе первого поколения сотрудников кафедры была и *Тамара Сергеевна Осицкая* (1931–2007), первая аспирантка А. М. Абрамова, внимательный и тонкий исследователь русской поэзии начала XX века, разделившая увлеченность своего научного руководителя творчеством В. Маяковского. Круг ее научных интересов определялся в значительной степени темой ее диссертационного исследования – «Художественный метод в сатире В. Маяковского дооктябрьского периода». Вот почему в поле ее внимания оказались русские футуристы, поэзия серебряного века, а позже, в 1960-е годы, – А. Платонов.

В 1960-е годы кафедра пополнилась рядом сотрудников, среди которых самым ярким, внесшим свой важный вклад в формирование кафедральных традиций, был *Владислав Петрович Скобелев* (1930–2004). Он появился в Воронежском университете в 1961 году. Великолепно образованный, молодой, энергичный доцент сразу стал заметным явлением не только кафедры, но и университета. Это Скобелев вернул в 1960-е годы интерес к теоретическому наследию формалистов, к их принципам анализа художественного текста. Это Скобелев «подружил» кафедру с системой работы Б. О. Кормана, актуализировал интерес к работам Ю. М. Лотмана, М. М. Бахтина. Разумеется, имя М. М. Бахтина пришло к нам на общей «оттепельной» волне, но именно В. П. Скобелев учил превращать теоретические положения в практику собственной академической работы, учил видеть перспективы того или иного теоретического положения.

Его интерес к проблемам развития прозы 1920-х годов прекрасно дополнял увлеченность поэтическим словом, представленную на кафедре А. М. Абрамовым и его аспирантами. А если иметь в виду, что время «оттепели» было отмечено стремлением найти собственный взгляд не только на отдельное литературное явление, но и на всю литературу XX века в целом, то именно В. П. Скобелев был тем ученым, который помогал формировать «оттепельное» мировоззрение.

Преподавательские и научные интересы В. П. Скобелева сходились. Уже в первые годы работы в Воронежском университете он предложил своим студентам спецкурс «Мастерство рассказа», который со временем вырос в монографию «Поэтика рассказа» (Воронеж, 1982). Обобщившая успешный опыт работы доц. В. П. Скобелева со студентами, она до сих пор является важным учебным пособием для всякого начинающего исследователя. Под влиянием Владислава Петровича, при его деятельном и творческом участии сложилась та система работы с прозаическим текстом, которая является базовой уже для нескольких поколений преподавателей нашей кафедры.

За время работы в Воронежском университете В. П. Скобелев подготовил монографию «Масса и личность в русской советской прозе 1920-х годов. К проблеме народного харак-

тера» (1975), явившуюся не только результатом многолетней работы автора, но и разработкой актуальной проблемы советского литературоведения, многоаспектным исследованием художественного воплощения народного характера в русской послереволюционной прозе. Она стала основанием докторской диссертации, защищенной В. П. Скобелевым, когда он работал уже в Самарском государственном университете (1979–2004) и вел столь же интенсивную научную работу, как и в Воронежском университете.

Екатерина Григорьевна Муценко (1945–2000) пришла на кафедру в 1980–е годы, после работы на факультете журналистики и кафедре теории литературы и фольклора. Здесь она опубликовала монографии «Поэтика прозы А. Н. Толстого» (1983), «Путь к новому роману на рубеже XIX–XX веков» (1986), «В художественном мире А. Платонова и Е. Замятина» (1994), защитила докторскую диссертацию «Формирование нового романного мышления в русской реалистической прозе конца XIX – начала XX века» (1989). Став профессором, а с 1993 года – заведующим кафедрой, Е. Г. Муценко очень много работала. По ее инициативе и при самом активном участии было создано учебное пособие «Русская литература XX века» (1999), рекомендованное Министерством образования Российской Федерации в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальности «Филология». В эти же годы были задуманы и проведены международные научные конференции, посвященные И. Бунину, О. Мандельштаму, А. Платонову, выпущены сборники научных статей, серия пособий, адресованных школьному учителю. Е. Г. Муценко вела большую работу с аспирантами. С 1995 по 2000 год под ее руководством были защищены 7 кандидатских диссертаций. Ее уход был тяжелой потерей².

На взлете своих интеллектуальных возможностей ушел из жизни *Андрей Анатольевич Кретинин* (1963–1998), вместе с его уходом оборвались многие вполне обоснованные кафедральные надежды. В 1996 году, уже работая на кафе-

дре, он блестяще защитил кандидатскую диссертацию «Роман “Доктор Живаго” в контексте творчества Б. Пастернака», написанную под руководством проф. Е. Г. Муценко. А. А. Кретинин быстро завоевал любовь студентов и коллег профессионализмом, интеллигентностью, ранней зрелостью. Он занимался разработкой теоретических проблем русской литературы XX века, особенностями построения поэтического текста, формами авторского присутствия в нем. Его статьи и выступления на научных конференциях в разных городах и разного уровня привлекли внимание исследователей творчества Б. Пастернака, В. Набокова, А. Платонова, были серьезной заявкой докторской диссертации. Всем этим надеждам и замыслам было не суждено сбыться³.

Возникшая в «оттепельные» годы, кафедра советской литературы питалась их идеями, занималась разрешением тех проблем, которые ставило время. Масштабные задачи воспринимались в те годы с энтузиазмом, и в первые годы своего существования кафедра, как и весь факультет, жила по-шестидесятинически празднично, экстенсивно. Ее преподаватели охотно участвовали во всех в дискуссиях, сами предлагали темы для обсуждения, стремительно сокращая расстояние между интересами преподавателей и студентов, когда споры о социалистическом реализме переплетались с обсуждениями последних стихов А. Вознесенского или Е. Евтушенко, а разговор о современности выходил на планетарные масштабы. Темы дискуссий, заседаний кружков диктовались не только временем, но и характером, темпераментом нашего первого заведующего, как это произошло, например, в диспуте «Человек – наука – искусство», продолжавшемся два вечера. В студенческих аудиториях спорили о вещах вполне академических, обращаясь к данным современной науки, понимаемой, впрочем, достаточно широко. В итоге любая дискуссия выходила на разговор об особенностях искусства XX века. Так, одна из дискуссий, проходивших на факультете, отталкивалась от талантливой книги В. Турбина «Товарищ время и товарищ

³ См. книгу А. А. Кретинина «Сто строк о главном» (Воронеж, 2008), подготовленную коллегами к его 45-летию.

² Памяти проф. Е. Г. Муценко посвящены сборник научных работ кафедры (2001), справочное пособие по современной литературе, адресованное филологам (2003), выпущен библиографический указатель ее трудов (2005).

искусство» (1961), по-современному остро, в «оттепельном» контексте ставившей мысль о праве искусства познавать мир, наряду с наукой быть свидетелем истории.

Эпоха первой «оттепели» особое внимание проявила к литературе и искусству 1920-х годов. Казалось, что именно эти годы таили в себе причины тех процессов в истории страны и истории литературы, которые в 1930-е годы дали такие сокрушительные результаты. К тому же поток «возвращенных» имен 1960-х годов был связан именно с первыми годами формирования советской литературы. Творчество каждого «возвращенного» писателя требовало осмысления как часть целого и как творческой индивидуальности. Вот почему наиболее приоритетной для кафедральных исследователей тех лет стали проблема стиля (понимаемого достаточно широко – от стиля эпохи до идиостиля), традиции и новаторство⁴, осмысление художественности советской литературы. Кафедра должна была реагировать на многие сложные и ранее замалчиваемые проблемы литературы XX века.

В середине 1960-х годов кафедра начинает издавать сборник научных трудов под общим названием «Революция. Жизнь. Писатель». Первый сборник, работа над которым завершилась в 1969 году (между принятием решения о его публикации Ученым советом факультета (10 марта 1966) и подписанием к печати (9 июня 1969) прошло три года), уточнял это общее название: «Вопросы истории и теории советской литературы». При всей публицистической, журналистской броскости названия в нем точно были обозначены временные и научные приоритеты. Как известно, первая «оттепель» не отвергала главных идеологических постулатов советской литературы, но предлагала оценить их заново.

Кафедральный коллектив заявлял о себе единством теоретических подходов, уже сложившимся вниманием к художественному тексту, к отдельному литературному явлению. По сути дела первый сборник свидетельствовал, что научный коллектив в целом уже определил основную те-

⁴ Отсюда неслучайное название сборника научных работ, выпущенных кафедрой к 80-летию проф. А. М. Абрамова – «Традиции и поиски: Русская литература XX века» (Воронеж, 1997).

оретико-литературную проблему, которая чуть позже будет обозначена как «Жанрово-стилевое многообразие советской литературы». Теоретический уклон в проблеме не случаен: 1) теория литературы входила в число дисциплин, читаемых кафедрой; 2) единая теоретическая проблема объединяла коллектив единомышленников, каждый мог и сохранить свою индивидуальность, и принять участие в решении общей задачи.

В подготовке и издании сборников всей серии принимал самое активное участие, становясь по сути дела соредактором А. М. Абрамова, молодой преподаватель, с которым Анатолий Михайлович связывал большие надежды и в научной, и в учебной работе, – В. М. Акаткин. Если Т. С. Осицкая стала маяковедом, увлеченная непреходящим интересом своего научного руководителя к поэту революции, то В. М. Акаткина, аспиранта другого поколения, А. М. Абрамов подтолкнул к изучению поэзии А. Т. Твардовского. Личность, творчество поэта, его исключительная роль в русской советской литературе определили научный и творческий путь тогдашнего аспиранта кафедры советской литературы, а затем самого долголетнего (25 лет!) декана филологического факультета проф. В. М. Акаткина. Сегодня это признанный исследователь творчества А. Т. Твардовского, значение и важность его работ подтверждена и дочерью поэта, ученым-историком, публикатором архива своего отца В. А. Твардовской.

Сборник «Революция. Жизнь. Писатель» был продолжающимся научным изданием. В нем печатались работы не только сотрудников и аспирантов кафедры. Он предоставлял свои площади для тех работ, которые представляли несомненный научный интерес или были разработкой тем и идей, близких кафедральному коллективу. Так, в кафедральных сборниках публиковался Н. И. Кизименко (Воронеж), С. Л. Страшнов (Иваново), В. А. Сарычев (Липецк), В. А. Свительский (Воронеж), А. А. Поликанов (Москва), В. П. Раков (Москва), Ч. Андрушко (Польша), Г. Баумгардт (ГДР).

Состав участников кафедрального издания отражает еще одну его особенность – внимание к научному поиску студентов. Уже в первом сборнике были опубликованы студенческие работы тех, кто позже стали

журналистами (Вяч. Лободов), докторами наук (Е. М. Таборисская, Н. В. Цымбалистенко) и др.

В качестве еще одного примера научного единства коллектива кафедры, помимо издания серии сборников «Революция. Жизнь. Писатель», следует отметить коллективную монографию «“Василий Тёркин” А. Твардовского – народная эпопея» (1981). Этот жанр имеет мало общего с традиционным сборником научных статей, где каждый автор представляет свою собственную позицию, не заботясь о единой концепции. Для создания коллективной монографии важно точно обозначить цель, четко сформулировать задачи. И не менее важно собрать такой коллектив единомышленников, в котором работа каждого будет служить реализации общей задачи.

Коллективная монография, подготовленная под редакцией А. М. Абрамова и В. М. Акаткина, в полной мере отвечала всем этим требованиям. В. М. Акаткину выпала львиная доля работы с авторами, формирование общей концепции, редактирование монографии. Он же подготовил обстоятельную библиографию работ о поэме (1942–1980), завершающую исследование.

Научная и педагогическая деятельность для нашего коллектива всегда были единым процессом. Да и в современном вузовском образовании трудно представить успешного преподавателя, не занимающегося разработкой научной темы. На нашей кафедре это было обычной практикой. В 1999 году итогом многолетней научной и педагогической работы стал кафедральный учебник «Русская литература XX века» (Воронеж : ВГУ, 1999. 800 с.) под редакцией Е. Г. Муценко и Т. А. Никоновой, рекомендованный Министерством образования Российской Федерации в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальности «Филология». Его авторами стали практически все члены кафедрального коллектива. Отдельные статьи были написаны аспирантами и студентами в соавторстве с их научными руководителями.

Авторы не стремились адаптировать материал к студенческой аудитории, но и не усложняли изложение излишней наукообразностью. «Без гнева и пристрастия» они говорили о закономерных явлениях в литературе завершившегося

столетия, отмечали его новизну, если она была, не отказывались от оценки негативных процессов с позиций художественности.

Объективность в освещении фактов истории литературы, поисковый, творческий характер учебного пособия, его открытость в литературу нового столетия были отмечены рецензентами, отозвавшимися на выход книги. Особенно нам дорог отзыв известного немецкого слависта Вольфганга Казака, автора популярного «Лексикона русской литературы XX века», высоко оценившего наше пособие на фоне других изданий подобного рода⁵.

В 2016 году опубликована первая часть второго, переработанного и дополненного издания учебного пособия, общая концепция которого уже получила одобрение вузовской общественности (три отзыва в журналах, входящих в перечень изданий ВАК, диплом VI Приволжского конкурса «Университетская книга» в номинации «Лучшее учебное пособие по филологии», Почетная грамота Всероссийского конкурса «Университетская книга» во Владивостоке). В 2018 году вышел второй том, посвященный рассмотрению литературы второй половины XX века.

Сопутствующим в работе над учебным пособием стал проект «XX век как литературная эпоха». В рамках его реализации выпущено 2 сборника научных статей, проведена международная конференция, посвященная 100-летию ВГУ и 100-летию проф. А. М. Абрамова. По материалам конференции подготовлен третий сборник этой серии. Курирует этот проект проф. Т. А. Никонова.

Из научных проектов кафедры надо отметить несколько продолжающихся. Это исследование творчества А. Платонова, успешно начатое еще в 1960-е годы по инициативе В. П. Скобелева. Энергия, заинтересованность Владислава Петровича позволила опубликовать вошедший в историю мирового платоноведения первый сборник научных работ, посвященных писателю, – «Творчество А. Платонова: статьи и сообщения» (изд-во Воронеж. ун-та, 1970, репринтное воспроизведение Ardis: Ann Arbor. MI. (USA), 1986).

⁵ См.: Die Welt der Slaven. 2002. XLVII. S. 385–398. Русский вариант рецензии опубликован в вып. 17 Филологических записок (Воронеж, 2001. С. 268–271) под названием «Новые подходы».

В результате многолетнего изучения творчества А. Платонова кафедрой было проведено 7 Платоновских чтений, выпущено 7 сборников научных статей, 4 «Платоновских Вестника». Сегодня над изучением творчества А. Платонова успешно работают наши молодые преподаватели. Доц. О. Ю. Алейников активно сотрудничает с Платоновской исследовательской группой ИМЛИ им. А. М. Горького, является членом научного коллектива комментаторов произведений писателя 1920-х годов для научного собрания сочинений писателя. В 2013 году О. Ю. Алейников издал монографию «Андрей Платонов и его роман “Чевенгур”», в которой приведены новые, им обнаруженные материалы, предложена оригинальная концепция платоновского романа. А. Ю. Грязнова защитила кандидатскую диссертацию (2013), а потом опубликовала монографию «Искать дороги друг к другу»: сиротство и родство в прозе Андрея Платонова» (2014).

С 2011 года кафедра реализует проект «“Воронежский текст” русской культуры», который следует рассматривать и как часть актуальной научной проблематики современного литературоведения, пересматривающего устоявшееся отношение к литературе провинции, и как восстановление реальной сложности литературного процесса XX столетия. Его кураторами являются доценты Т. А. Тернова и А. В. Фролова.

В рамках этого проекта мы стремимся расширить представление о культурной и научной истории Черноземья, включая ее в более широкий социальный и культурологический контексты. В планах такого расширения – изучение истории кафедры, динамики ее научных приоритетов. Материал нам предоставил, например, архив А. М. Абрамова, хранящийся в его семье. Уже обработаны, прокомментированы и изданы письма А. В. Жигулина к А. М. Абрамову (2011). Эту работу вместе со студентами проделала А. В. Фролова. Сейчас она работает над письмами А. Абрамова к А. Жигулину, доступ к которым предоставил Литературный музей с разрешения О. Г. Ласунского.

В 2018/19 учебном году была проведена 4-я конференция в рамках разработки этой проблематики.

Отдельно следует сказать о том проекте, который мы начинали в 1995 году с участием Е. Г. Мущенко, – изучение

творчества И. А. Бунина. У его истоков стоял А. М. Абрамов: в план работы кафедры в 1970 году он ввел спецкурс «Творчество И. А. Бунина», прочитанный Т. А. Никоновой. В те годы это был научный прорыв, заложивший начало воронежской школы буниноведения. А уже в самом начале нового века, в 2000-м году, помимо традиционных научных конференций, родилась кафедральная форма научного поиска – «Творческая мастерская по изучению наследия И. А. Бунина».

В рамках этого проекта каждый год в конце октября проходит Бунинская творческая мастерская, посвящаемая рассмотрению одного текста писателя под избранным углом зрения. Научные результаты работы Бунинских мастерских суммируются в сборниках статей. С 1995 года, когда кафедра издала первый сборник научных работ «Царственная свобода», их опубликовано уже 8; защищаются кандидатские и докторские диссертации. В последние годы кафедра сосредоточилась на изучении проблем бунинской метафизики. В 2018 году издан сборник «Метафизика И. Бунина–4». Куррирует бунинский проект проф. О. А. Бердникова.

Не забыта нами и современная литература, изучение которой возглавляют наши молодые преподаватели. Большой интерес, как это было всегда, к ней проявляют и студенты. В последние годы проведены две научные конференции по проблематике «Новое как эстетический феномен», изданы сборники статей по материалам конференций. Перед участниками этого проекта стоит задача создания учебного пособия по современной русской литературе, которое должно стать третьей частью уже опубликованного пособия и завершить разговор о литературе XX века и подготовить студентов к восприятию ее нового этапа в XXI столетии. Разработкой этого проекта заняты проф. О. А. Бердникова, доц. А. А. Житенев, доц. Т. А. Тернова.

Завершенной «страницей» кафедральных исследований, которая была заложена доц. П. А. Бороздиной, читавшей курс литературы народов СССР, можно было бы считать изучение национальных литератур. Однако доц. В. Л. Гусakov, принявший от П. А. Бороздиной ее научную эстафету, дополнил ее учебное пособие «Очерки литератур народов СССР» (1991) современным материалом, что сделало воз-

возможным издание монографии «Национальные литературы постсоветского пространства: история и современность» (Воронеж, 2016) и открыло новые перспективы изучения национальных литератур.

В 2014 году сложился проект, продиктованный проблемами преподавания литературы в вузе и школе. Его реализация началась проведением I Межрегионального форума «Литературное образование в современном мире». С той поры проведено два региональных форума (2014, 2015). Опубликованные по их результатам материалы привлекли внимание вузовской общественности, и 1 декабря 2016 года под патронажем «Ассоциации преподавателей русского языка и литературы высшей школы» в Воронежском государственном университете был проведен Всероссийский научно-методический форум «Непрерывное гуманитарное образование в России и проблемы сохранения национальной культурной идентичности». В нем приняли участие руководители 29 региональных отделений вузовских гуманитариев, их работы опубликованы в итоговом сборнике, подготовленном к печати проф. О. В. Загоровской и Т. А. Никоновой (2017).

Этот проект курируют доц. А. В. Фролова, Т. А. Тернова и преп. А. Ю. Грязнова.

Отдельного разговора заслуживает большая многолетняя исследовательская работа по собиранию и изучению фольклора. Ее основы были заложены в далекие 1960-е проф. С. Г. Лазутиным, автором (совместно с Н. И. Кравцовым) учебника по устному народному творчеству (1977), по которому обучались филологи всей страны. Собираение и изучение фольклора всегда было главным делом кафедры теории литературы и фольклора. Ученые-фольклористы проф. Я. И. Гудошников, доц. А. И. Кретов, И. Л. Лазарев, Т. Ф. Пухова под руководством проф. С. Г. Лазутина заложили научный фундамент воронежской фольклористики, базирующейся на результатах многолетней работы собирателей и хранителей народного творчества. Сегодня эта работа продолжается сотрудниками кафедры, Центром изучения региональной культуры и этнографии, организационное оформление которого принадлежит В. М. Акаткину, заведовавшему кафедрой теории литературы и фольклора до

2013 года. В настоящее время Центр включает Научно-исследовательскую лабораторию им. проф. С. Г. Лазутина (1993), Музей народной культуры и этнографии (2007), Региональный Бунинский центр (2013), ведет большую и разнообразную исследовательскую, просветительскую, собирательскую работу.

Под руководством доц. Т. Ф. Пуховой идет успешная разработка научного проекта «Народная культура и проблемы ее изучения», в рамках которой уже проведено 10 региональных научных конференций, установлены прочные научные связи с ведущими фольклорными центрами страны. Значительны научные достижения коллектива. Они включают расшифровку фольклорных записей большого кафедрального архива, материалов, посвященных воронежским сказителям, разработку актуальных проблем современной фольклористики и пр. В числе перспективных контактов Центра следует назвать плодотворное сотрудничество с РГО, результатом которого стали публикации «Фольклорно-этнографических материалов из архива Русского географического общества XIX века по Воронежской области» («Афанасьевский сборник». Вып. XI, ч. I. (2012); ч. II (2017)). Из числа 72 рукописей, содержащих материалы, относящиеся к Воронежской области и хранящиеся в РГО, уже опубликованы 33. Записанные и собранные в XIX веке воронежскими помещиками, священниками, учителями, чиновниками, эти материалы сегодня доступны для изучения не только фольклористов, но и историков, диалектологов, этнографов, исследователей региональной культуры.

Музей народной этнографии и культуры ведет большую просветительскую работу, имеет свою целевую аудиторию. Ее составляют не только учащиеся школ, студенты гуманитарных факультетов, но и самые разные категории населения. Посещение Музея внесено в план подготовки военных вузов Воронежа, Центр поддерживает постоянный контакт с медицинской академией (ВГМА), с институтом федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН). Большой интерес к коллекции народных костюмов, хранящихся в музейной экспозиции, проявляют мастера народной вышивки, изучающие символику, технику изготовления, виды народного ткачества. Эти сведения обогащают Му-

зей, используются на занятиях, проводимых в Музее по самостоятельному изготовлению костюмов, приобретению навыков народной вышивки, бисероплетению гайтанов, монист, изготовлению народных свистулек и постижению тайн тестопластики.

Студенты, школьники, все интересующиеся народным творчеством принимают в них участие, учатся изготавливать кукол, изучают назначение каждой из них в народной культуре.

Важный вид деятельности Музея – работа с учителями не только городских школ, но и области, которые проходят курсы повышения квалификации словесников. В летние каникулы мы принимаем гостей со всей России. У нас побывали преподаватели школ и вузов из Тамбова, Москвы, Санкт-Петербурга, Красноярска, Владимира, Новокузнецка, Ельца, Екатеринбурга, Улан-Удэ и многих других городов. Немалый интерес вызывает наш Музей у иностранных гостей.

Музей народной культуры действительно народный. Все экскурсии проводятся бесплатно, так же как и кружковая работа. Его фонды пополняются не только во время фольклорных практик, но и пожертвованиями жителей города и области, студентов-заочников.

В первые десятилетия своей работы кафедра поддерживала самые тесные творческие связи с кафедрой советской литературы Московского университета. А. М. Абрамов был одним из авторов учебного пособия «История советской литературы» (в 2 т. М. : МГУ, 1963), участвовал в других научных изданиях. Сотрудники нашей кафедры проходили в МГУ стажировку, обучение на ФПК, аспиранты защищали кандидатские диссертации в те годы, когда на филологическом факультете ВГУ не было диссертационного совета.

Давние устойчивые контакты связывают кафедру с академическими учреждениями страны – с Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) (Санкт-Петербург) и Институтом мировой литературы им. А. М. Горького (Москва). Помимо участия в научных конференциях, в сборниках научных работ, кафедра осуществляла контакты и в педагогической деятельности. Так, ст. научн. сотр. ИРЛИ

В. В. Тимофеева, чл.-корр. РАН Н. В. Корниенко (ИМЛИ) в разные годы читали нашим студентам спецкурсы по актуальным проблемам современной литературы, проводили семинары с аспирантами и преподавателями кафедры по проблемам методологии (В. В. Тимофеева), по проблемам современной текстологии (Н. В. Корниенко).

Научные связи выстраивались в процессе реального контактирования научных коллективов. В качестве примера приведу сотрудничество с отделом советской (позже – новейшей русской) литературы ИРЛИ. Сборник «Творчество Андрея Платонова» (1970) был замечен ленинградскими исследователями и отрецензирован в журнале «Русская литература» Н. А. Грозновой, тогда сотрудником отдела советской литературы Пушкинского Дома. В год платоновского 90-летия Н. А. Грознова, к тому времени возглавившая отдел советской литературы Пушкинского Дома, на базе рукописного архива писателя организовала Платоновский семинар, задачей которого было решение актуальных проблем современного платоноведения. Наша кафедра, проведшая к тому времени первые Платоновские чтения (1989), стала коллективным участником этого семинара. С той поры постоянным было взаимное участие в научных мероприятиях ИРЛИ и ВГУ, к сожалению, ослабевшее в последние годы, в связи с кончиной Н. А. Грозновой и с реорганизацией отдела. А в прежние годы на заседаниях платоновского семинара в Санкт-Петербурге выступали Т. А. Никонова, А. А. Кретицин, О. А. Бердникова, Н. А. Бабкина, на Платоновских чтениях в Воронеже – В. Ю. Вьюгин, Е. И. Колесникова, А. А. Харитонов и др.

Сотрудничество с платоновской группой ИМЛИ, развивавшееся в эти же годы (с 1989, с года 90-летия А. Платонова), состояло и в координации усилий по проведению и организации Платоновских конференций в Москве и Платоновских чтений в Воронеже, во взаимном сотрудничестве (О. Ю. Алейников – член группы текстологов и комментаторов Научного Собрания сочинений А. Платонова, издающегося Платоновской группой ИМЛИ).

В 1980-е годы отношения кафедрального коллектива с академическими вузами перешли на новый уровень. В наше научное общение вошла практика проведения совместных

научных конференций и издания по их материалам сборников научных работ. Так, в апреле 2016 года в Санкт-Петербурге была проведена Международная научная конференция, посвященная 70-летию окончания Второй мировой войны «Запечатленная победа: ключевые образы, концепты, идеологемы (Литературные события и феномены XX века)». Ее материалы опубликованы под грифом Института русской литературы (Пушкинский Дом) и Воронежского государственного университета (355 с.).

В 2016 году совместно с ИМЛИ РАН была проведена Всероссийская научная конференция «“В краю отеческой привязанности”: образы и легенды Центрального Черноземья в литературе XX века», материалы которой также были опубликованы под грифом ИМЛИ и Воронежского государственного университета (340 с.).

Так складывались дела кафедры русской литературы XX–XXI веков, теории литературы и фольклора, всегда решавшей образовательные и исследовательские задачи в контакте со временем, с опорой на опыт семи десятилетий коллективной работы. А впереди – история кафедры русской литературы XX–XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук...

А. А. Житенёв, Л. В. Рыбачева

ИСКУССТВА И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Направление «Искусства и гуманитарные науки», открытое на филологическом факультете Воронежского государственного университета в 2004/05 учебном году, – одна из первых образовательных программ, основанных на принципах либерального образования. Само направление является экспериментальным в области высшего образования, направленным на развитие и совершенствование многоуровневого университетского образования. Впервые это направление было открыто в Смольном институте свободных наук и искусств при Санкт-Петербургском государственном университете (ныне – факультет свободных наук и искусств).

В рамках направления осуществляется подготовка бакалавров по специальности 50.03.01 – «Искусства и гуманитарные науки» (профиль «Дизайн», срок обучения – 4 года) и подготовка магистров по направлению 50.04.01 – «Искусства и гуманитарные науки» (программа «Актуальные художественные практики», срок обучения – 2 года).

В основу учебного плана положены следующие принципы европейского образования:

- междисциплинарный подход, позволяющий развить навыки критического мышления;
- диалогический способ проведения занятий, ориентирующий студента и преподавателя на творческое сотрудничество и совместное размышление;
- практическая направленность подготовки.

В учебном плане направления 50.03.01 Бакалавриат (профиль «Дизайн») предлагается изучение нескольких блоков дисциплин, обеспечивающих:

- *знакомство с различными областями гуманитарного знания* (история и теория искусства, история и теория театра, история и теория кино, история и теория музыки, история мировых цивилизаций);
- *освоение ряда практических искусств* (графика и графические техники, рисунок и живопись, дизайн костюма, искусство фотографии, компьютерная графика, основы музейного дела);
- *обретение навыков работы в сфере культуры* (дизайн и рекламные технологии, дизайн и информационные технологии, рекламная мастерская);
- *развитие творческих качеств*: креативное мышление, письмо и мышление, речевое воздействие, имиджелогия, деловое общение.

Развитие направления «Искусства и гуманитарные науки» является перспективным для ВГУ, так как, во-первых, в ВГУ нет искусствоведческого факультета, во-вторых, ни в одном вузе г. Воронежа культура и искусство не являются базовыми дисциплинами. Студенты получают на кафедре более широкую теоретическую искусствоведческую подготовку, чем в других воронежских вузах. Так, дисциплины «Введение в искусствоведение», «История и теория искусства», «Искусство XX века» ведутся кандида-

том искусствоведения, доцентом М. А. Кривцовой, дисциплина «История и теория театра» – заведующим литературной частью Воронежского драматического театра им. А. В. Кольцова Н. Н. Тимофеевым, дисциплина «Рисунок и живопись» – профессором Воронежского государственного института искусств, заслуженным художником РФ В. Е. Шпаковским.

Преимущество направления «Искусства и гуманитарные науки» заключается в авторских программах и уникальных методиках преподавательского состава, позволяющих подготовить профессионалов в области проектирования интерьера, декоративно-художественного оформления. В учебном плане предусматривается подготовка специалистов в области среднего дизайна, графического дизайна, дизайна одежды и интерьера. Именно эти направления дизайна востребованы современной инфраструктурой общества, требуют обновления форм, «новую струю».

Учебный план направления «Искусства и гуманитарные науки» отличает сильный элемент творческого начала. Так, в рамках профиля «Дизайн» ведутся следующие курсы: «Основы дизайна», «Цветоведение», «Перспектива», «Дизайн интерьера», «Графический дизайн», «Дизайн-проектирование», «Дизайн и рекламные технологии», «Проектирование в Autodesk».

Новизна нашего направления заключается в выявлении, развитии творческих способностей студентов и их реализации. В августе 2006 года в Енисейске прошла выставка эксклюзивных украшений студентки 3 курса Ирины Докторовой. 13 января 2007 года был проведен показ национальных костюмов народов Азии и Ближнего Востока Дороты Хариной, студентки 2 курса нашего направления, которая писала курсовую работу по реминисценциям восточного стиля в современной одежде. Студентка 2 курса Светлана Никонова создала каталог для сети ювелирных магазинов «Сердолик» г. Воронежа.

Первая выставка «Раскрашенный досуг» была организована в мае 2006 года, на ней были представлены предметы декоративно-прикладного творчества, коллажи, инсталляции, декоративные композиции и коллекция национальных костюмов.

Вторая выставка «Дебюты» прошла в апреле 2007 г. Экспонатами выставки являлись живописные и графические работы, коллажи, флористические композиции.

Третья выставка «Наши фантазии» была открыта 5 мая 2009 года, на ней демонстрировались графические и живописные работы, предметы декоративно-прикладного искусства, в том числе флористические композиции, изделия из лозы, самостоятельно смоделированная одежда. В третьей выставке принимали участие не только студенты кафедры гуманитарных наук и искусств, но и абитуриенты кафедры.

Выставки – важная веха в творческом развитии студента, ведь все работы – результат кропотливого труда, порой многомесячного, и их включение в экспозицию – повод заявить о себе, продемонстрировать свои профессиональные навыки, полученные за время обучения.

Магистерская программа «Актуальные художественные практики» является единственной в регионе магистерской программой, посвященной актуальному искусству, рассматриваемому в контексте художественной культуры XX века. Это академическая магистратура, и акцент в ней поставлен на курсах, призванных сформировать представление о ведущих закономерностях развития художественного сознания XX столетия, его ключевых эстетических идеях. Важнейший тематический блок образован в учебном плане такими дисциплинами, как «Актуальные проблемы истории искусства», «Русский авангард», «Новейшие явления в актуальном российском искусстве» и др. Нацеленность на реализацию выпускников в области социокультурной деятельности определяет присутствие в перечне учебных дисциплин таких курсов, как «Воронежский текст русской культуры», «Театральная жизнь г. Воронежа», «Социокультурная деятельность», «Филологическое обеспечение профессиональной деятельности», «Художественная культура г. Воронежа XIX-XX вв.».

Будущие специалисты призваны восполнить дефицит кадров в различных сферах: они могут найти себя в органах управления культурой и искусством, в образовании, в анализе и прогнозировании культурных процессов современно-го искусства, актуальных направлений гуманитарных наук.

Наши выпускники работают:

- преподавателями средних и средне-специальных учебных заведений по профилю;
- хранителями и младшим научным персоналом музеев, имеющих художественные коллекции;
- кураторами выставочных и других творческих проектов, сотрудниками художественных галерей;
- в театрах;
- референтами в различных редакциях и издательствах;
- в сфере управления культурой и организации выставочного процесса;
- в рекламных агентствах;
- в дизайнерских фирмах;
- консультантами специализированных магазинов и художественных салонов;
- кураторами выставочных и других творческих проектов, сотрудниками художественных галерей;
- в туристических фирмах.

Таким образом, новая специальность позволяет не только реализовать принцип широты образования, но и готовить специалистов, сочетающих фундаментальную гуманитарную подготовку с овладением практически всеми навыками в сфере музыкального, изобразительного и иных искусств, что необходимо для того, чтобы выпускать специалистов европейского уровня.

Ж. В. Грачёва, М. К. Попова

КАФЕДРА ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА ВГУ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Кафедра издательского дела – самая молодая на филологическом факультете ВГУ – была создана в 2012 году. Она быстро развивается, крепнет, набирает популярность, которая обусловлена в том числе и тем, что в мировом и российском рейтинге специальность «Издательское дело» занимает одно из первых мест, а медиаиндустрия сегодня – быстрорастущий сектор экономики России.

Кафедра тесно сотрудничает с книжным клубом «Петровский», книготорговой компанией «Амиталь», с рядом

издательств и СМИ; среди них «Издательский дом ВГУ», издательский дом «Свободная пресса», фонд «Центр духовного возрождения Черноземного края», издательства «Альбом», «Научная книга», интернет-издание «Downtown» и др. В этих структурах студенты направления «Издательское дело» проходят производственную практику.

Укрепление зарубежных связей также одна из составляющих рабочего процесса преподавателей кафедры. Мы сотрудничаем с университетом им. Мартина Лютера (Халле – Виттенберг), в котором ежегодно проходят стажировку наши студенты, в 2018 году был заключен договор о сотрудничестве с АН Беларуси.

Сотрудники кафедры являются членами экспертных комиссий федерального и регионального уровня, среди них Межведомственный экспертный совет по работе с книжными памятниками, УМО высших учебных заведений РФ по образованию в области полиграфии и книжного дела, Фонд поддержки и развития русского языка «Центр Картавцевой Марины Игнатьевны», экспертный совет исполнительных органов государственной власти Воронежской области по издательскому делу, всероссийский проект поддержки детского и юношеского чтения в школе, предметно-методическая комиссия всероссийской олимпиады школьников по русскому языку и по мировой художественной культуре, Российская ассоциация преподавателей английской литературы и других.

Студенты направления получают самые современные разноотраслевые научные знания. Это связано со спецификой тех профессий, которыми они овладевают. Так, с появлением цифровых информационных систем и интернета расширились сферы преподавательской деятельности, которые теперь включают подготовку к созданию не только печатных, но и электронных информационных продуктов: версий книг и периодических изданий, веб-сайтов, блогов, справочных систем на электронных носителях, компьютерных игр.

Активное участие в научной работе, выступление на международных и всероссийских конференциях – составная часть учебного процесса. Студенты-издатели становятся также участниками книжных ярмарок (среди них

книжная ярмарка Международного Платоновского фестиваля) и лауреатами конкурсов. Один из них – «Сытинское дело», проводимый Сытинской «Первой Образцовой типографией» при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям и Российского книжного союза, а также Центра немецкой книги (представительство Франкфуртской книжной ярмарки в России) и группы компаний «Просвещение».

Обучая студентов издательского дела их будущей профессии, преподаватели кафедры обращаются к практической реализации полученных знаний. Так, доцент А. Г. Лапотько в свое время поставила непростую задачу: давать не только теоретические знания по курсу «Редактирование», но уже на ранних этапах его освоения включать студентов в процесс создания реальной книги, формируя необходимые компетенции. К 65-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне было задумано создание книги «Чтобы память не прерывалась»¹. В процессе работы над текстом сложился ее облик – рассказ о восприятии Великой Отечественной войны людьми трех поколений: тех, кто стал непосредственным участником великой трагедии, – ветеранов (причем были найдены материалы уникальные, никогда и никем ранее не публиковавшиеся); тех, кто в период народной трагедии был ребенком, и учащихся средних и старших классов гимназии № 3 г. Воронежа, узнавших о войне несколько десятилетий спустя.

В качестве ведущих редакторов выступили доценты кафедры издательского дела А. Г. Лапотько и М. Я. Розенфельд; составителями книги стали студенты 2 курса Е. Иголкина, О. Кирикова, В. Косых, Д. Куцова, А. Немцова, Е. Туманова, Е. Кульнева; компьютерная верстка была сделана студентами Е. Иголкиной, Д. Куцовой, В. Косых; дизайн обложки (под руководством преподавателя О. В. Поздняковой) выполнили студенты В. Косых и Д. Куцова. Это художественно-публицистическое издание, вышедшее в 2010 году, отличается своей особой доверительной интонацией. Оно оказалось тесно связано с жизнью филологического факультета: были

опубликованы воспоминания преподавателей – участников Великой Отечественной войны, их родных и близких. Среди уникальных материалов – письмо-треугольник с фронта, долгое время хранившееся в архиве И. А. Белопольской. Автор его – друг ее отца – прозаик и литературный критик Н. В. Романовский. Письмо воспроизведено в издании дважды: факсимиле и перепечатанное и отредактированное студентами.

Детскими впечатлениями поделились преподаватели факультета, их близкие и «дальние» родные и знакомые. Страницы соединили два временных и психологических пласта: наивное, трогательное восприятие войны ребенком и осмысление произошедшего взрослым человеком сегодняшнего дня.

Третья часть книги – впечатления старшеклассников – показывает, как современность формирует представление о прошлом. На обложке издания – фотография военных лет: советские солдаты входят в Берлин. Это не парадное шествие: за плечами вещмешки, длинные тяжелые шинели. У одного из солдат – гитара. А в небе над усталой солдатской «рекой» летят журавли – души солдат, «с кровавых не пришедшие полей». Колористика обложки сдержанная и символичная: диалог цветов войны – черного и красного.

В 2011 году студенты и преподаватели участвовали в работе над еще одним проектом – книгой «Дорогой Анатолий Михайлович!...»: письма А. Жигулина А. Абрамову»², подготовленной кафедрой русской литературы XX и XXI веков. Дизайн обложки был выполнен студенткой 3 курса А. Немцовой (руководство О. В. Поздняковой), корректура – студентами А. Литвяк, А. Мешалкиной, Е. Пономаревой (руководство М. Я. Розенфельд).

В 2012 году был подготовлен и выпущен сборник воспоминаний филологов, окончивших Воронежский государственный университет в 1962 году, «Мы вышли в путь в шестидесятые»³. Это литературно-художественное из-

² «Дорогой Анатолий Михайлович!...»: письма А. Жигулина А. Абрамову / сост., вступ. ст. и прим. А. В. Фроловой, науч. ред. Т. А. Никоновой. Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. 169 с.

³ Мы вышли в путь в шестидесятые... : сборник воспоминаний / сост. А. Г. Лапотько. Воронеж : Воронежский государственный университет, 2012. 228 с.

¹ Чтобы память не прерывалась... : сборник, посвященный 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–45 гг. / сост. : Е. Иголкина [и др.]. Воронеж : ВГПУ, 2010. 159 с.

дание, составленное доц. А. Г. Лапотько, предваряют слова Б. Окуджавы: «Нам удалось / заработать горбом / точные знания / о расстоянье / меж Злом и Добром». Они отражают сокровенное содержание сборника. Книга наполнена мудростью удивительных людей – филологов-шестидесятников, о которых Е. Евтушенко писал: «Кто были мы, шестидесятники? / На гребне вала пенного / в двадцатом веке, как десантники, / из двадцать первого». В сборнике три главы: «Наставникам, хранившим юность нашу», «Были бури, непогоды, да младые были годы», «За порогом альма-матер». В каждой строчке – дыхание «оттепели». По-разному сложились судьбы авторов статей-заметок. Они стали преподавателями вузов, авторами серьезных научных монографий, учителями, журналистами, писателями, работниками музеев. Объединяет рассказы радостное ощущение жизни, убежденность в своей нужности, вера в собственное высокое назначение и стремление его выполнить. «Пока я ходить умею, / Пока я глядеть умею, / Пока я дышать умею, / Я буду идти вперед», – такими словами Л. Ошанина заканчивает свои воспоминания Г. М. Щербатых (Будкова).

Обложка книги родилась не сразу. Было много вариантов. Остановились на таком: на выцветшем от времени листке из студенческой тетради две цветные фотографии: на одной – корпус университета, где располагался филологический факультет ВГУ, на другой – сельская дорога с крутым поворотом (ведь со студенческой скамьи по распределению выпускники уезжали в деревню и работали там учителями), а вокруг фотографий – записочки тех лет: «Валя, мы с тобой обязательно пройдем по Клондайку, по заманчивой Африке от Занзибара до мыса Доброй Надежды и побываем в гостях у пингвинов в Антарктиде» (Н. Ермолов); «Галка, ты – величайшее из чудес»; «Мой дорогой капитан, вспоминай наши походы, в том числе и в столовую» (Валерия); «Люблю жизнерадостных людей» (А. В.); «Я тоже очень люблю и хочу, чтобы ты всегда была такой» (Вовка)... На обратной стороне – две фотографии тех лет: на одной – веселые девчонки в колхозе на уборке кукурузы (хрущевской!); на другой – в весеннем лесу среди березок, с букетами цветов.

В 2013 году вышло издание рукописи М. В. Медведева «На десятой версте от границы. Свидетельство из германского плена 1915–1917 гг.»⁴, посвященное 95-летию университета и 100-летию Первой мировой войны. В книге представлены стихи рядового участника Первой мировой, выходца из крестьян, написанные в германском плену. Это уникальное свидетельство того, как воспринималась военная трагедия большей частью наших соотечественников сто лет назад. Материалы опубликованы впервые. О необычной судьбе рукописи и ее авторе рассказывает А. А. Кретов: «Тетрадка со стихами М. В. Медведева нашлась среди бумаг моего отца, доцента филологического факультета ВГУ Александра Ильича Кретьова. Спросить, откуда они, было уже не у кого. Возможно, ему передал ее кто-то из студентов-заочников. Автор ее, как следует из надписи на первом листе, – Михаил Васильевич Медведев. <...> Из стихов Медведев предстает молодым человеком, у которого в деревне осталась то ли невеста, то ли молодая жена с ребенком. Образование его стандартно для крестьянских детей 1892–1896 гг. рождения, ставших солдатами Первой мировой: скорее всего, это четыре класса церковно-приходской школы. Эти школы закладывали очень неплохой фундамент общей образованности. <...> М. В. Медведев – нравственно здоровый, верующий и политически наивный человек, ищущий ответы на “проклятые вопросы” современности. Он не столько находит их сам, сколько улавливает и принимает ответы, даваемые окружающими. Именно это делает публикуемые стихи уникальным памятником эпохи. Более достоверное свидетельство духовной жизни той поры трудно себе представить»⁵.

Над созданием книги работали студенты 3 курса под руководством профессора А. А. Кретьова и доцента А. Г. Лапотько, которые осуществляли также функции редакторов. Сферами ответственности студентов были набор текста (А. Лахин, Н. Рыжкова, Е. Чаплин), корректура (Н. Рыжкова,

⁴ *Медведев М. В.* На десятой версте от границы. Свидетельство из германского плена 1915–1917 гг. : стихотворения / под ред. А. А. Кретьова и А. Г. Лапотько ; А. А. Кретов (предисловие), М. Д. Карпачев (послесловие). Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2013. 129 с.

⁵ Там же. С. 5–8.

В. Плотникова), верстка (И. Перервин), дизайн обложки и оформление начальных страниц глав книги (А. Лахин)⁶.

При подготовке рукописи к изданию возник ряд проблем, поскольку тексты стихотворений были написаны около ста лет назад, причем рядовым солдатом. Трудности объяснялись тем, что автор пользовался графическими знаками и орфографическими правилами, функционировавшими до реформы 1918 года (с использованием ятей, например). Знаки препинания практически отсутствовали. Сложности создания визуальной части книги были связаны с тем, что среди фотографий тех лет, относящихся к военной тематике, в основном сохранились портреты (как правило, офицерского состава); жанровые фотографии оказалось найти проблематично. Немало вопросов возникало и у редакторов, основное внимание которых было сосредоточено на том, чтобы не исказить замысел автора.

В 2015 году вышел сборник «Цветы на земле»: графические адаптации рассказов Андрея Платонова⁷, ответственным редактором, верстальщиком и составителем которого стал студент 4 курса направления «Издательское дело» Артем Лахин, выигравший грант правительства Воронежской области на создание сборника. Рисованные истории по мотивам рассказов писателя, разные по технике и стилю, создали воронежцы Дмитрий Нестерак, Наталья Коньшина, Леонид Бломмер, а также художники из других городов – Захар Яшин, Иван Ешуков, Антон Савинов, Дмитрий Нарожный. Иллюстрацию для обложки нарисовали Артем Траханов и Захар Яшин. В качестве корректоров выступили студенты-издатели 4 курса Наталья Рыжкова и Евгений Чаплин.

Книга представляет абсолютно новый опыт освоения прозы А. Платонова. Название-метафора «Цветы на земле»

⁶ Подробнее о работе над рукописью см.: *Чаплин Е. В.* Подготовка к изданию текстов, имеющих значительный интервал между временем создания и временем издания : проблемы и решения (на материале сборника стихотворений М. В. Медведева «На десятой версте от границы») // Книга в современном мире. Воронеж : Воронежский государственный университет, 2014. 319 с.

⁷ Цветы на земле : графические адаптации рассказов Андрея Платонова. Воронеж : Гротеск, 2015. 136 с.: ил.

отражает выбор текстов сборника: семь черно-белых историй о цветах-растениях, цветах-животных, цветах-людях, об их сложном единстве и о том, что все мы созданы из одного «вещества существования». Проект, безусловно, дерзкий. Он стал своего рода сенсацией. Опыт оказался положительным: книгу приняли не только простые читатели, но и платоноведы. Приняли потому, что рисунки получились умные, иногда трогательные, иногда жесткие, в чем-то парадоксальные. Главное, что сделали создатели книги, – это обратились к Платонову с вопросом (как это делает мальчик Егор из рассказа писателя «Железная старуха»): «Ты кто?» – и дали на него свой ответ.

Книга привлекла к себе внимание, ее анонсы выставили ведущие книоторговые дома России, среди которых – гуманитарный книжный магазин в Москве «Фаланстер»; также она была представлена на московской выставке-ярмарке интеллектуальной литературы «Non/Fiction». Сегодня книга переиздана и пользуется большой популярностью среди искусствоведов и литературоведов.

В 2016–2018 годах студенты 4 курса направления «Издательское дело» Никита Мышов и Светлана Давыдова выступили в качестве соредакторов, верстальщиков, а в некоторых случаях и иллюстраторов одиннадцати книг ООО «Центрально-Чернозёмное книжное издательство»: *Сапелкин Н. С.* «Прасковья Щёголева. Подвиг русского народа»; *Голубь Ю. Г.* «Воронеж: от Сахалина до Уругвая»; *Конюхов П. Ф., Сапелкин Н. С.* «Братья Коноховы: повелители стихий»; сборник исследовательских материалов «Вячеслав Дёгтев: Pro et Contra»; *Давидович А. Ф.* «Новый Давидович: один год жизни»; *Веневитинов М. А.* «Русские в Голландии: Великое посольство 1697–1698 годов»; *Плешанов Е. А.* «Травы Черноземья : фотоопределитель»; *Плешанов Е. А.* «Деревья и кустарники Черноземья : фотоопределитель»; «Маршак в Воронеже» (сост. И. В. Сапелкина); *Абрамов Е. А., Сапелкин Н. С.* «В гостях у Деда Мороза: сказка-задачник»⁸.

⁸ *Сапелкин Н. С.* Прасковья Щёголева. Подвиг русского народа. Воронеж : Алмаз, 2016. 64 с. (совместно с Центральным-Чернозёмным книжным издательством); *Голубь Ю. Г.* Воронеж : от Сахалина до Уругвая. Воронеж : Центрально-Чернозёмное книжное издательство, 2017. 96 с.; *Конюхов П. Ф., Сапелкин Н. С.* Братья Коноховы : повелители

Особо хочется подчеркнуть, что три книги: рассказы Анны Вислоух «Жизнь переменчива»; истории в рисунках «Маршак в Воронеже» и сказка-задачник Е. А. Абрамова и Н. С. Сапелкина «В гостях у Деда Мороза» – были полностью иллюстрированы тонкими рисунками студентки Светланы Давыдовой. И это далеко не все издательские проекты, в создании которых принимали участие наши студенты.

Отдельно следует остановиться на процессе обучения студентов на кафедре «Издательское дело», осуществляемом по нескольким направлениям: филологии и культурологии, редактированию, издательскому делу, экономике, информационным технологиям, дизайну, рекламе книги, правовым основам издательского дела. В частности, бакалавр издательского дела готовится к таким видам деятельности, как художественно-техническое редактирование, а именно: умение применять правила и приемы оформления внешних и внутренних элементов всех видов печатных изданий, определять оптимальные технологии и экономические показатели для выпуска изданий, использовать компьютерные технологии при верстке и форматировании текста, осуществлять художественно-образное оформление печатной продукции, оценивать качество выпущенных изданий.

стихий. Воронеж : Центрально-Чернозёмное книжное издательство, 2017. 200 с. ; *Давидович А. Ф.* Новый Давидович : один год жизни. Воронеж : Центрально-Чернозёмное книжное издательство, 2017. 196 с., илл. ; *Веневитинов М. А.* Русские в Голландии : Великое посольство 1697–1698 годов. Репр. изд. Воронеж : Центрально-Чернозёмное книжное издательство, 2017. 224 с. ; *Плешанов Е. А.* Грибы Черноземья : фотоопределитель. 2-е изд., испр. и доп. Воронеж : Центрально-Чернозёмное книжное издательство, 2017. 264 с. ; *Плешанов Е. А.* Травы Черноземья : фотоопределитель. 2-е изд., испр. и доп. Воронеж : Центрально-Чернозёмное книжное издательство, 2017. 356 с. ; *Плешанов Е. А.* Деревья и кустарники Черноземья : фотоопределитель. 2-е изд., испр. и доп. Воронеж : Центрально-Чернозёмное книжное издательство, 2017. 244 с. ; Маршак в Воронеже / сост. И. В. Сапелкина. Воронеж : Алмаз, 2017. 64 с., илл. (совместно с Центрально-Чернозёмным книжным издательством) ; *Абрамов Е. А., Сапелкин Н. С.* В гостях у Деда Мороза : сказка-задачник. Воронеж : Центрально-Чернозёмное книжное издательство, 2018. 32 с., илл. ; Вячеслав Дёттев : Pro et Contra. Сборник материалов / сост. Н. С. Сапелкин. Воронеж : Центрально-Чернозёмное книжное издательство, 2018. 320 с., [20] с. илл.

На направлении «Издательское дело» учат профессионально выполнять корректуру всех видов авторских и печатных оригиналов, осуществлять вычитку основного текста, проводить его редакторский анализ, оформлять печатную продукцию в едином смысловом и композиционном стиле.

Будущий издатель готовится также к управлению и организации деятельности производственного коллектива, к планированию работы книгоиздательского подразделения, к расчету основных технико-производственных показателей редакционно-издательского процесса, к выбору оптимального варианта технологического процесса изготовления разных видов продукции, к оформлению договоров, проведению рекламных мероприятий по продаже печатной продукции, участию в разработке бизнес-планов.

Таким образом, выпускники направления «Издательское дело» овладевают сразу несколькими профессиями: редактора, корректора, верстальщика, менеджера и маркетолога книжного дела, дизайнера печатной продукции, работника рекламной сферы, рерайтера, создателя и редактора web-сайтов. Столь широкая профессиональная компетентность предопределяет их востребованность на рынке труда.

Всего за время работы кафедры было сделано семь выпусков. Немного прошло времени, а нашими выпускниками уже можно гордиться. Среди них есть сотрудники сферы книгораспространения, и книгоиздания, и библиотечного дела, и пиара: Перервин Иван работает заместителем директора по ассортименту книжного клуба «Петровский»; Иванникова Татьяна – начальник службы допечатной подготовки типографии полного цикла «Еврофлекс»; Косых Вероника – заместитель генерального директора ФРОС Region PR, исполнительный директор Национальной премии в области развития общественных связей Russian Event Awards, Всероссийской туристической премии «Маршрут года», Всероссийского фестиваля-конкурса «Туристический сувенир»; Бирюков Роман – менеджер по развитию бизнеса интерактивного агентства «Мануфактура IT Production&GraphicDesign» и преподаватель кафедры издательского дела ВГУ; Норенко Маргарита – дизайнер и верстальщик ТО «Альбом»; Пономарева Екатерина – редактор

«Издательского дома ВГУ»; Струкова Юлия – дизайнер и верстальщик типографии «Цеппели»; Анохина Елена, Кусаинова Елизавета – редакторы издательства ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»; Воронина Кристина – web-редактор Интернет-портала «МОЁ! Online»; Соболева Елизавета – редактор Издательского Дома «РОСТ-ДОАФК»; Евдокимова Ольга – специалист по связям с общественностью ГК «АГРО-Инвест»; Шедогубова Екатерина – главный библиотекарь отдела комплектования и обработки литературы МБУК «Централизованная библиотечная система» г. Воронежа; Морозова Софья – редактор, Мощенкая Наталья и Трембачева Юлия – дизайнеры Воронежской областной типографии им. Е. А. Болховитинова; Цай Юлия – журналист сетевого издания «Downtown»; Добрынина Екатерина – редактор издательского отдела Воронежской митрополии; Субботина Антонина – поставщик ИТ-решений, редактор журнала «Softlinedirect»; Березовская Татьяна – главный редактор молодежной пресс-службы ВГУ. Перечень можно продолжать и продолжать.

Кафедра издательского дела плодотворно занимается научной деятельностью, сосредоточив свои усилия на осмыслении места книги в современном мире. В год открытия кафедры, в конце февраля 2013 года, преподавателями была организована первая Международная научная конференция, посвященная проблеме книгоиздания. Практически сразу сложился ее трехдневный формат и определился междисциплинарный характер, что отразилось на выборе площадок проведения. И первая конференция, и все последующие открываются в конференц-зале главного корпуса ВГУ, где проходят все заседания первого дня работы. Во второй день докладчики и слушатели перемещаются на территорию областной универсальной научной библиотеки им. И. С. Никитина, сотрудники которой (и директор библиотеки Л. М. Смирнова, и зам. директора по науке Л. В. Символокова и другие) выступают на пленарном заседании и принимают участие в работе научных секций. Заседания третьего дня, как правило связанные со сферой книгораспространения, проходят в книжном клубе «Петровский». Работа на трех площадках позволяет привлечь

значительное количество слушателей, интересующихся бытованием книги в современном мире.

К настоящему моменту конференция стала ежегодной. В разные периоды в фокусе научных дискуссий оказывались разные стороны проблемы бытования книги в современном мире, а также вопросы, связанные с книгоизданием и книгораспространением. В 2013 году, на первой конференции, проблема ставилась достаточно широко. Были рассмотрены такие аспекты, как «книга как культурный феномен», «издательское дело: ремесло и/или искусство», «книжная торговля сегодня», «графический язык книги», «книга и кино».

В 2014 году участники конференции сконцентрировались на актуальной и социально значимой проблеме – проблеме чтения, что нашло отражение в формулировке темы конференции «Книга в современном мире: проблема чтения и чтение как проблема». Были рассмотрены такие аспекты, как «книга и чтение как культурные феномены: история и современность», «печатная, электронная, аудиокнига»; «образ книги в соцсетях»; «современная школьная программа и проблема чтения».

Проблемная актуализация конференции изменялась от года к году в зависимости от уточнения и развития научных интересов членов кафедры, а также от социокультурной ситуации. Так, в 2015 году, объявленном в России Годом литературы, темой научного форума стала «Книга в современном мире: Год литературы и российское издательское дело». В 2016 году, названном Годом кино, внимание было сосредоточено на диалектике вербального и визуального. Эта проблема серьезно увлекла участников конференции, под иным углом зрения ее исследование было продолжено в 2017 году. Тема конференции «Книга в современном мире: кризис логоцентризма и/или торжество визуальности?» в известной мере находилась в центре внимания участников конференции 2018 года «Книга в современном мире: проблемы рецепции», которая прошла при грантовой поддержке РФФИ (научный проект № 18-012-20003).

Как правило, работа конференции не ограничивается только докладами и их обсуждением. Неоднократно проводились круглые столы по разным вопросам. Так, на конфе-

ренции в 2013 году круглый стол был посвящен проблеме «Книга в современном информационном пространстве: современное поколение читателей – предпочтения и популярный формат». Проблема оказалась столь актуальной, что ее обсуждение было продолжено в 2014 году, а в 2016 году был проведен круглый стол «Лев Толстой в кинематографе».

В зависимости от предложенной темы менялся состав докладчиков. Однако с самого начала и по сей день неизменным оставался принцип сочетания научной и практико-ориентированной составляющей. Именно поэтому во всех проведенных кафедрой издательского дела конференциях участвовали как ученые, так и издатели и представители сферы книгораспространения, а также учителя, работники библиотек, театров и музеев Воронежа. Постоянным докладчиком является профессор Олег Григорьевич Ласунский, известный воронежский библиофил, сопредседатель Всероссийской ассоциации библиофилов, краевед, почетный гражданин города Воронежа, лауреат государственной премии в области культуры 2012 года.

В 2014 году со словами напутствия к участникам конференции обратилась Марина Игнатьевна Картавецца, Народный учитель СССР. Это было ее последнее публичное выступление-завещание, в котором она определила проблему чтения как проблему нравственного воспитания молодого поколения планеты (и России в том числе). Великий учитель, обращаясь к участникам конференции, призвала издателей стать в один строй с учителями словесности, чтобы решать общую глобальную задачу – вернуть в школу (а значит, и в семью) книгу, сделать ее неотъемлемой частью духовного мира, поскольку в суматохе перестройки, социальных катаклизмов на рубеже веков утрачено именно это ее назначение.

В работе конференции всегда активно участвовали ученые-гуманитарии ВГУ. Это, разумеется, члены кафедры издательского дела доц. Ж. В. Грачева, проф. М. К. Попова, канд. филол. наук К. В. Овсянникова, канд. филол. наук М. Я. Розенфельд и другие, а также представители других кафедр филологического факультета: проф. И. О. Стернин (кафедра общего языкознания и стилистики), В. М. Акаткин

(кафедра теории литературы и фольклора), проф. А. А. Фаустов и доц. Т. Н. Куркина (каф. русской литературы), доц. М. Н. Недосейкин и О. В. Тихонова (кафедра зарубежной литературы), проф. Н. А. Молчанова, д-р филол. наук Т. А. Тернова, проф. О. А. Бердникова (каф. русской литературы XX–XXI веков), д-р филол. наук А. А. Житенев (кафедра гуманитарных наук и искусств), список может быть существенно расширен. Большой вклад в работу конференции вносят представители других факультетов ВГУ. В разные годы на конференции выступали преподаватели факультета РГФ проф. Л. И. Гришаева и д-р филол. наук О. М. Воевудская, профессора факультета философии и психологии Ю. А. Бубнов и Е. Н. Ищенко, представители факультета ПММ Т. Г. Богомолова и И. И. Каширская. Большой интерес вызывают выступления доц. В. С. Листенгартена, старейшего сотрудника ВГУ. Не остаются в стороне и ученые других вузов Воронежа: ВГПУ, ВГТУ, ВГУИТа.

Существенный вклад в работу конференции на протяжении 6 лет вносят практики издательского дела – директор издательского дома ВГУ Д. С. Дьяков, руководитель издательства «Центр духовного возрождения Черноземного края» Л. Ф. Попова, директор ТО «Альбом» В. Л. Елецких, руководитель издательства эзотерической литературы «Terra Foliata» и одновременно директор бюро ИА «Интерфакс» в Воронежской области Д. Б. Зеленцов.

Активными участниками конференции стали преподаватели Воронежской духовной семинарии, а также издательского отдела митрополии, возглавляемого протоиереем Андреем Изакаром.

На регулярной основе в работе конференции участвуют представители крупнейших библиотек Воронежа – Областной универсальной научной библиотеки им. И. С. Никитина и Зональной научной библиотеки ВГУ.

С момента начала проведения ежегодной конференции был обсужден широкий круг проблем, связанных с состоянием современного издательского дела в России и мире: история книжного дела: судьбоносные моменты и технические достижения; книга «бумажная» и книга электронная – соперники или союзники?; православная книга в современном информационном пространстве; издательское

дело в провинции: стилистические и лингвистические особенности; книга и кино: проблема перевода словесного образа в визуальный; книжная графика: история и современность; книготорговля сегодня; когнитивная репрезентация книги в русской и зарубежной литературе. Участники конференций обращались также к проблемам, связанным с современным состоянием читательской культуры: печатная и электронная книга и психология чтения; аудиокнига и проблема восприятия текста; современная школьная программа и проблема чтения; редактор как читатель; читательские предпочтения и современный книжный бизнес; образ книги в соцсетях; роль чтения в становлении личности (писателя, ученого, ребенка и т.д.); православная книга и ее читатель; книжный магазин и книжный клуб – перспективы развития и др.

В 2017 году, когда основной проблемой, обсуждаемой на конференции, стал кризис логоцентризма и развитие визуальных средств передачи информации, в работе приняли участие многие видные деятели воронежской культуры: В. С. Петров – художественный руководитель Воронежского академического театра драмы им. А. В. Кольцова; главный художник этого театра А. Н. Мочалов; С. В. Дремачёва – арт-директор Воронежского государственного театра кукол «Шут», А. В. Проскуряков – режиссер театра «Кот». Размышления людей театра о том, как в этом виде искусства взаимодействуют вербальные и визуальные средства выразительности, как текст драматического произведения воплощается на сцене, придали особый поворот дискуссиям. О том, как вербальный текст трансформируется в живописи и графике на примере произведений из коллекции Воронежского областного художественного музея им. И. Н. Крамского, рассказала на этой и последующей конференциях старший научный сотрудник музея В. А. Меремянина.

Как оказалось, формулируемые и предлагаемые кафедрой издательского дела проблемы волнуют многих гуманитариев нашей страны. В разные годы в работе конференции участвовали ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Иваново, Орла, Ельца, Липецка, Белгорода, Тамбова, Новосибирска, Самары, Казани, Томска, Тюмени.

Судьба книги в современном мире не оставляет равнодушными и зарубежных исследователей. За годы проведения конференции на ней были представлены доклады ученых из Великобритании, Эстонии, Ирака, Ирана, Китая, Беларуси, США, Украины, Сербии.

Еще одной традицией конференции стало привлечение к участию в ней молодых исследователей: аспирантов, магистрантов, студентов старших курсов бакалавриата. Организаторам конференции представляется необходимым добиваться сочетания академичности, научной глубины и дерзости молодой мысли. Постепенно выработался формат такого взаимодействия. Молодые участники не только обсуждают доклады зрелых ученых, но и участвуют в работе молодежной секции. Некоторые из «молодежных» выступлений запоминаются всем участникам. Так, в 2017 году большой интерес вызвал доклад Ксении Слюсаренко, студентки 4 курса Луганского национального университета им. Тараса Шевченко, на тему «Визуальность как один из аспектов театрального пространства на примере спектаклей Луганского академического русского драматического театра имени П. Луспекаева». Его отличала глубина и научная смелость. В том же году с ярким сообщением на тему «Вербальная и визуальная составляющие современного российского комикса» выступил студент направления издательского дела ВГУ Н. Мышов, порадовали глубиной анализа магистрант направления «Гуманитарные науки и искусство» Д. Сапегина («Вербальное и визуальное в фотографиях Д. Майклса») и тонкостью замечаний магистрант того же направления П. Ятчева («Иллюстрации Дж. Л. Линтона к пьесе У. Шекспира «Венецианский купец»). Необычностью материала поразил на конференции 2017 года студент из Афганистана Арман Махмуд Хан («Каллиграфическая традиция в современной культуре Афганистана»).

Необходимо отметить, что студенты направления «Издательское дело» активно участвуют в организаторской работе по подготовке конференции. Как правило, они создают дизайн обложки программы конференции и сборника ее материалов, верстают и редактируют его, реализуя на практике приобретенные в ходе учебы навыки и умения. Так, дизайн обложки Программы 2014 года подготовила

студентка А. Ефименко, 2015 года – студентка А. Ненахова, 2016 года – магистрант В. Кропотова, 2017 года – студентка А. Гунькова. На протяжении всех лет проведения конференции студенты выступают в роли корректоров материалов сборника.

За период 2013–2018 годов обозначился круг проблем, вызывающих особое внимание и дискуссии, сформировалась группа постоянных участников. Неизменно большое количество заявок поступает на секции, посвященные детской книге и ее оформлению, иллюстрированию книги, теме «книга и кино», привлекательны теоретические и литературоведческие аспекты проблемы «вербальное и визуальное», проблема рецепции книги. Так, на конференции 2018 года к проблемам детской книги и ее восприятию читателями обратились многие воронежские участники: Т. А. Тернова («Приемы примитивизма в сборнике А. Крученых «Стихи для детей (1914)»»), О. В. Тихонова («Детский детектив: специфика, модификации и перспективы»), А. Ю. Грязнова («Детские рассказы А. Платонова глазами художника-иллюстратора»), Г. П. Пастревич («Художественная структура сборников лирических произведений для детей (на примере серии “Времена года” издательства “Эксмо”»)). О роли кино, способствующего или мешающего восприятию книги, рассуждали доц., канд. филос. наук из Санкт-Петербурга Е. Н. Шатова («Кинотекст как концепция дискретности мира»), московская аспирантка Е. В. Хомякова («Книга и кинематограф: к истории типологического родства»), представитель воронежского филфака доц. В. Л. Гусаков («Кино, превзошедшее книгу (об одном телефильме 1980-х годов)»).

Однажды выступив на конференции, организуемой кафедрой издательского дела, ученые и практики нередко становятся ее постоянными участниками. Регулярно выступает на конференции с докладами почетный доктор ВГУ, заслуженный учитель школы Российской Федерации, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области культуры (2005), профессор В. Б. Ремизов (Москва), постоянно приезжают коллеги из Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина доценты Е. В. Исаева и Н. Д. Есикова, представитель Борисоглебского филиала

ВГУ доц. Т. В. Федорова, неоднократно бывали коллеги из Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина.

Постепенно конференция «Книга в современном мире» приобретает всё большую известность и привлекает все более интересных «взрослых» докладчиков, а также научную молодежь. Об этом можно судить по результатам конференции 2018 года. В ней принял участие действительный член Национальной академии наук Беларуси А. А. Лукашанец, 13 профессоров, докторов наук из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Белграда (Сербия), Воронежа, профессор В. Маккейб из университета Риджес (Денвер, США), 11 кандидатов наук, доцентов из разных городов России, включая Самару и Казань, а также 4 аспиранта из Москвы, Новосибирска, Гродно и Воронежа, 18 магистрантов из Воронежа и Томска, а также аспирант Гродненского государственного университета им. Янки Купалы (Гродно, Беларусь) Е. Ч. Богдевич, чей доклад «Мотив съеденной книги: трансформация библейской традиции в творчестве В. Сорокина» интересно дополнил размышления А. А. Житенева и А. А. Голубковой об особенностях восприятия феномена книги писателями и поэтами.

Впервые выступил на конференции «Книга в современном мире» с докладом «Функционально-семиотическая модель книги» известный московский профессор, д-р филол. наук Г. В. Векшин. Второй год подряд радует участников конференции интересными докладами Н. Л. Панина, доктор искусствоведения из Новосибирского государственного университета. В 2017 году она убедительно раскрыла тему «Иллюстрированные издания произведений В. П. Астафьева: книга как образ территории», в 2018 – посвятила свое выступление «Роли визуального компонента в интерпретациях “Грозового перевала” Эмилиии Бронте». Плодотворно развивается сотрудничество кафедры издательского дела с профессором университета Белграда И. Антанасиевич. Ее доклад «Правила визуальности и издательское дело (на примере комикс-журналов Королевства Югославия)» на конференции 2017 года вызвал закономерный научный интерес, особенно среди молодой части аудитории. В 2018 году профессор И. Антанасиевич не только выступила с ин-

тересным и глубоким докладом «Авторская книга: идея и концепция (на примере авторских книг Николая Дронникова)», в котором выявила новую тенденцию в мировом книгоиздании – поворот от многотиражной книги к книге уникальной, существующей в отдельном экземпляре, но и привезла книги Н. Дронникова и его плакаты, что позволило организовать их выставку. Своеобразный и плодотворный поворот обсуждаемой теме придал доклад профессора ВГУ Е. Н. Ищенко «Просвещение в цифровую эпоху: проблема рецепции научного знания». Неожиданный взгляд на проблему рецепции был предложен в докладе коллеги из США В. Маккейб, раскрывшей особенности восприятия американскими студентами произведений русской литературы XX века. Следует сказать, что доклады иностранных участников, иногда сделанные ими лично, иногда представленные в виде текста и видеоряда, на конференциях, посвященных книге в современном мире, стали уже традицией. В 2013 году это был доклад В. Струкова (университет г. Лидса, Великобритания) «Ever Expanding Text: New Book Formats and Digital Media», в 2014 году его же любопытный материал на неожиданную тему «Журнал “Крокодил”: читающая советские трансмедиа» представил аспирант этого же британского вуза Д. Этти.

Среди сделанных на конференции-2018 докладов трудно выделить наиболее значимые, поскольку все выступления отличались научностью, глубиной и доказательностью. Отметим те, в которых содержался нечасто попадающий в сферу внимания участников конференции материал, а также те, в которых тема была раскрыта с новой стороны. К первым, безусловно, относится доклад акад. А. А. Лукашанца «Белорусская печатная книга в восточнославянском культурном пространстве (к 500-летию белорусского книгопечатания)». Ко вторым – доклады А. А. Житенева (Воронеж) «Открытка и поэтический текст: особенности взаимодействия и параметры рецепции» и А. А. Голубковой (Москва) «Книга как экспериментальный объект в современной поэзии: Сафонов, Сулова, Андрукович», в которых были проанализированы особенности восприятия книги и открытки творческими личностями и возможности их использования для создания новых артефактов. Как всегда

ярко выступила С. В. Дремачева (Воронеж), рассказав о посреднической роли театра кукол «Шут» между поэтическими текстами А. А. Ахматовой «Поэма без героя» и «Реквием» и зрителями / реципиентами.

Многие участники конференции-2018, особенно молодые, обратились к проблеме современных форматов бытования книги и восприятия их читателями. Прозвучали доклады и сообщения на такие темы, как «Произведения Алана Гарнера в медиапространстве» (асп. М. А. Звир, Новосибирск), «Интерактивная детская книга: разновидности, функции, воздействие на детей» (магистрант М. В. Норенко, Воронеж), «Поэтика аудиокниги: между театром и литературой» (доц. Н. А. Масленникова, Самара), «Печатная, электронная и аудиокнига: особенности восприятия и выбор читателя» (преп. Н. В. Токарева, Воронеж).

По итогам работы конференции ежегодно публикуются сборники материалов. На сегодняшний день вышли пять сборников⁹, сдан в печать шестой, в который входят тексты докладов, сделанных на конференции 2018 года «Книга в современном мире: проблемы рецепции».

Итак, кафедра издательского дела, по сравнению с другими кафедрами факультета, совсем юная. Однако перед ней открываются интересные перспективы развития. Коллектив преподавателей, размышляя над вектором научно-исследовательской и научно-организаторской работы, предполагает сосредоточиться на проблеме роли и функции книги в новой культурной парадигме, сложившейся в условиях цифровой революции.

⁹ Книга в современном мире : материалы Междунар. науч. конф. Воронеж, 26–28 февраля 2013 года. Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2013. 299 с. ; Книга в современном мире : проблема чтения и чтение как проблема : материалы Междунар. науч. конф. Воронеж, 25–27 февраля 2014 года. Воронеж : Воронежский государственный университет, 2014. 319 с. ; Книга в современном мире : Год литературы и современное издательское дело : материалы Всерос. науч. конф. Воронеж, 24–26 февраля 2015 года. Воронеж : Воронежский государственный педагогический университет, 2016. 136 с. ; Книга в современном мире : диалектика вербального и визуального : материалы Всерос. науч. конф. Воронеж, 24–26 февраля 2015 года. Воронеж : Воронежский государственный педагогический университет, 2017. 136 с. ; Книга в современном мире : кризис логоцентризма и/или торжество визуальности : материалы Междунар. науч. конф. Воронеж, 28 февраля – 2 марта 2017 года. Воронеж : Воронежский государственный педагогический университет, 2018. 296 с.

Д. А. Чугунов

ЗАМЕТКИ О КАФЕДРЕ ИСТОРИИ И ТИПОЛОГИИ РУССКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

История кафедры является замечательным отражением дискуссий о том, какой литературный процесс должен иметь перед своими глазами учёный-филолог и как о нём вести речь. Невозможно рассказывать о «Памятнике» Пушкина, забыв о римлянина Горации. Невозможно во всей полноте воспринимать «Мёртвые души» Гоголя, не зная о существовании «Божественной комедии» Данте. И наоборот, мы всегда вспоминаем, обращаясь, например, к творчеству Г. Джеймса, о влиянии, оказанном на него романами Тургенева.

Именно поэтому преподавание литературы в университете всегда состояло из двух потоков – занятий по русской и зарубежной литературе. В силу этого кафедру могли называть не только кафедрой русской литературы, но и литературы всемирной, и всеобщей и русской, и русской и зарубежной... Эти потоки могли сходить, и тогда кафедра в университете была единой, но могли и разделяться на время, тогда на факультете появлялось две «структурных единицы» (не говоря уже о том, что в советское время идеологически выделилась кафедра советской литературы).

Новейшая история кафедры началась после соединения кафедры русской литературы и кафедры зарубежной литературы в 2017 г. Однако уместно начать историю с далекого 1918 года. Тогда в университете, только что перебравшемся в Воронеж из Юрьева, открылась кафедра русской литературы. Создал ее и возглавил проф. Евгений Вячеславович Петухов (1863–1948). Это был блестящий знаток литературы Древней Руси, автор многочисленных работ, среди которых фундаментальный труд «Русская литература. Древний период» (1911, 1912) и первый исторический очерк будущей воронежской кафедры русской литературы – «Кафедра русского языка и словесности в Юрьевском (Дерптском) университете» (1900). В 1916 г. его избрали в члены-корреспонденты Академии наук в Санкт-Петербурге. Пробыл за-

ведующим он недолго, так как уже в 1919 г. покинул Воронеж вместе с Белой армией, поступив позднее на службу в созданный также в 1918 г. Таврический университет в Крыму.

Курс русской литературы XIX в. на кафедре читали проф. Н. И. Коробка (1918–1919) и проф. А. М. Путинцев (1918–1922), курс народной словесности – проф. Д. Н. Кудрявский (1918–1920), лекции по древней культуре – проф. Э. Р. Фельсберг (1918–1920), историю античной литературы преподавал М. Н. Крашенинников (1918–1929).

Революционное время наложило свой отпечаток на судьбы многих сотрудников университета. Известный литературовед и фольклорист Путинцев, первый директор созданного в 1922 г. Литературного музея в Воронеже, закончил свою жизнь в мрачном 1937 г. Проф. Крашенинников был подвергнут в 1929 г. публичной «порке» перед лицом «пролетарского студенчества» ВГУ и общественных организаций, после чего уволился со службы. Вскоре он был арестован. Закончилась его жизнь в 1932 г. в Семипалатинском лагере.

К сожалению, частичная утрата архивов университета во время Великой Отечественной войны не позволяет в полной мере представить все нюансы преподавания русской и зарубежной изящной словесности, назвать поименно всех преподавателей. Желание представить состав ученых-литературоведов ВГУ 1920–1930-х гг. требует серьезных разысканий в иных источниках. По этой причине мы можем назвать следующего заведующего кафедрой, который вступил на эту должность лишь в 1941 г. Это Василий Федорович Воробьев, до того преподававший в пединституте. Еще одно имя – Василий Фёдорович Пименов, позднее ставший ректором Литературного института в Москве. Он читал лекции по античной литературе.

Послевоенные годы принесли с собой неоднократные переименования кафедры. С 1946 г. она стала называться кафедрой всеобщей литературы. Возглавил ее Фёдор Фёдорович Майский (1945–1948). Он вел и основные литературоведческие дисциплины на первых четырех курсах историко-филологического факультета: введение в литературоведение, русскую литературу XIX в., русскую литературу XX в., советскую литературу... Помимо него,

русскую литературу преподавала Елизавета Павловна Андреева (1947–1959), особенный интерес которой был направлен к творчеству позднего Л. Н. Толстого. Она же сменила Ф. Ф. Майского на посту заведующего (с 1949 по 1959 г.). О народной словесности и писателях XVIII в. студентам рассказывала К. Н. Исаева.

Заглянув в протоколы кафедральных заседаний, мы можем увидеть, что в 1952 г. кафедра уже называлась кафедрой всеобщей и русской литературы. То ли переименование произошло на волне борьбы с космополитизмом, то ли кому-то показалось странным, что в российском вузе нет кафедры русской литературы. При этом собственных специалистов в области зарубежной литературы сразу после войны в университете не было. Из Воронежской государственной медицинской академии приглашали Екатерину Георгиевну Лепешинскую, заведующую кафедрой иностранных и латинского языков, она с 1945 по 1949 г. читала курс истории западноевропейской литературы. В 1946 г. появился Николай Георгиевич Проценко, до 1950 г. преподававший студентам историю западноевропейской и античной литературы.

Основной корпус преподавателей, многие из которых на долгие годы стали узнаваемыми лицами историко-филологического, а позднее – филологического факультета, сложился к началу 1950-х гг.

Так, в 1949 г. в Воронеж из Москвы приехала Алла Борисовна Ботникова, впоследствии один из признанных в стране исследователей немецкого романтизма (особенно творческого наследия Гофмана) и русско-немецких литературных связей. Она взяла на себя весь цикл занятий по зарубежной литературе – от античности до современности. А. Б. Ботникова сформировала концепцию преподавания зарубежной литературы, которая сохранилась в своей основе вплоть до настоящего времени. Ей же принадлежал оригинальный спецкурс «Источники мировой художественной культуры», имевший важное просветительское значение в условиях провинциального вуза.

Также из Москвы, после окончания аспирантуры в МГУ, в 1949 г. приехал Сергей Георгиевич Лазутин. Именно его труды во многом определили лицо воронежской фолькло-

ристики. С. Г. Лазутин прошел путь от преподавателя до заведующего кафедрой (с 1966 г.). Затем, после защиты докторской диссертации, он стал основателем и заведующим кафедрой теории литературы и фольклора (с 1975 г.).

Курс славянских литератур в 1952–1958 гг. читал студентам Петр Григорьевич Богатырев – этнограф и фольклорист мирового уровня, переводчик знаменитого романа Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка», очутившийся в Воронеже в «ссылке». Осязательный след пребывания ученого в Воронеже – книжный фонд Богатырева в Зональной научной библиотеке университета.

В 1951 г. пришла на кафедру Полина Андреевна Бороздина, будущий автор фундаментального курса «История литературы народов СССР».

В 1954 г. на кафедре появился Борис Тимофеевич Удодов, некоторое время по окончании вуза работавший диктором на радио. Его взгляд на русскую литературу как на особенную художественную антропологию отразился позднее в интереснейших научных трудах.

Кроме названных, вели занятия Б. А. Бялик (1949–1953), Ф. И. Луценко (1949–1955), Н. П. Никифорова (1954–1957), И. Г. Новикова (1951–1955), Л. И. Розин (1947–1950), Н. В. Соколова (1950–1960), С. И. Челноков (1943–1953).

В 1960 г. кафедра была вновь переименована – в кафедру русской и зарубежной литературы. Ее заведующим стал единственный тогда доктор филологических наук в университете – Виктор Александрович Малкин, приехавший в Воронеж из Львова (где он преподавал в послевоенное время и работал над изучением русской литературы в Галиции). Его научные интересы в воронежский период были устремлены в область русской классической литературы (творчество И. С. Никитина, Л. Н. Толстого, Н. А. Некрасова и др.). В шестидесятые в число сотрудников влились Владимир Ильич Масик (1962–1968), помимо прочего читавший интересный спецкурс «Традиции классиков в советской поэзии»; Гелий Фёдорович Бирюков (1961–1967), начинавший свою университетскую деятельность редактором вузовского издательства (с 1958 г.), а затем просветительски открывавший русскую классическую поэзию студентам из ГДР.

Были связаны с кафедрой и два этапа жизни Анатолия Александровича Слинько (1964–1980, 1989–2002), великого знатока русской литературной критики и публицистики XIX–XX вв., прежде всего творчества Н. К. Михайловского. В 1991–2002 гг. ученый возглавлял кафедру русской литературы и много сделал для закрепления статуса и репутации нашей кафедры как содружества свободных и терпимых друг к другу коллег. Толерантность – одно из любимых слов Анатолия Александровича; отсюда же и его глубокая симпатия к фигурам В. Г. Короленко и А. Д. Сахарова.

Очередная реорганизация произошла в 1968 г. Единая литературная кафедра разделилась на две самостоятельных. Кафедрой русской литературы продолжил руководить С. Г. Лазутин, а главой «зарубежников» стала А. Б. Ботникова.

Университет всегда был центром особенного притяжения для творческих людей. Сюда приходили, оставляя порой более престижные места службы. Так в 1969 г. на кафедре русской литературы появился Олег Григорьевич Ласунский, замечательный краевед, книговед и библиофил (в 2011 г. он станет Почетным гражданином г. Воронежа). Выпускник историко-филологического факультета, Олег Григорьевич некоторое время работал журналистом, затем был инструктором сектора печати Воронежского обкома КПСС. В стенах университета (где ученый проработал до 1997 г.) отдельной строкой его творческой биографии шли увлекательные спецкурсы по литературному краеведению («Литературное движение в воронежском крае (XIX – начала XX вв.)», «И. С. Никитин: жизнь и творчество» и др.).

Особая заслуга О. Г. Ласунского состоит в возрождении в 1993 г. вестника «Филологические записки», в дореволюционное время бывшего долгое время единственным специальным филологическим изданием такого рода в России. (Впоследствии с 1996 г. вестником руководили В. А. Свительский, а с 2005 г. – А. А. Фаустов.)

В 1969 г., сразу по окончании филфака, пришел на кафедру Александр Петрович Валагин, чьей любовью были Ф. М. Достоевский и русская литература XVIII в. Не случайно, вдохновленный идеей просветительства, он позднее создал издательство «Родная речь», которое выпускало учебные пособия для вузов и школ.

В 1970 г. после окончания аспирантуры на кафедре появился Владислав Анатольевич Свительский. В 1973 г. он перешел на службу в Воронежский пединститут, однако в 1991 г. вернулся в альма-матер, где активно участвовал в создании диссертационного совета по русской литературе и в организации первых конференций, посвященных Мандельштаму и Платонову. Но прежде всего В. А. Свительский был одним из известнейших специалистов по творчеству Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, постоянным участником симпозиумов, устраиваемых Международным Обществом Достоевского.

С 1975 по 1991 г. и с 2002 г. до 2008 г. кафедрой руководил Борис Тимофеевич Удодов, выдающийся лермонтовед, один из авторов «Лермонтовской энциклопедии» и создатель идеи литературной антропологии. Не будет преувеличением сказать, что время его пребывания на посту заведующего составило целую эпоху. Б. Т. Удодов, классический в восприятии студентов и коллег профессор, смог привлечь к сотрудничеству многих интересных ученых.

В 1975 г. на кафедру пришла Зинаида Александровна Ефремова, которая совместно с Ниной Георгиевной Кордовой (с 1974 г.) много лет вела занятия на подготовительном факультете ВГУ. В 1977 г. из Тульских краев приехала семейная пара филологов. Он – Виталий Борисович Ремизов, прежде заместитель директора по научной работе музея-заповедника в Ясной Поляне, крупный специалист по творчеству Л. Н. Толстого, а позднее – титулованный музейный деятель, президент Российского комитета Международного совета музеев (2003–2007), член президиума Российского комитета ЮНЕСКО. Студенты воспринимали его как истинного толстовца, умеющего проникать в глубины мысли писателя. Она – Мария Александровна Козьмина, помимо литературоведения отдававшая дань и поэтическому творчеству.

В 1978 г. из пединститута вернулся в университет выпускник филфака Валентин Валентинович Инютин, один из самых демократичных преподавателей, активный участник культурно-просветительской работы, знаток творчества Н. В. Гоголя.

Эпоха перестройки и последующие за ней годы принесли очередное обновление состава кафедры. С 1989 г. на ней ста-

ли работать Татьяна Николаевна Куркина (по 2018 г.), специалист по творчеству Л. Н. Толстого, автор спецкурса, освещавшего религиозные искания русских писателей, и Андрей Анатольевич Фаустов, будущий заведующий кафедрой (с 2008 г.), занимающийся широким кругом историко-литературных проблем, семиотикой литературы и др. и во многом повлиявший на современный научный облик кафедры.

В 1995 на кафедру приходит Ксения Алексеевна Нагина, в 2013 г. защитившая докторскую диссертацию и ставшая в настоящее время одним из авторитетных в стране исследователей Л. Н. Толстого. В «нулевые» годы состав кафедры дополнили Евгений Олегович Козюра (с 2005 г.), специалист в области русской литературы начала XX века и эпохи барокко и эрудит в самых разных гуманитарных сферах, и Сергей Алексеевич Ларин (с 2009 г.), начинавший с изучения творчества И. А. Гончарова и вскоре сделавшийся профессиональным знатоком литературы всего русского XIX века. В 2013 г. (после расформирования кафедры теории литературы и фольклора) на кафедру пришла Людмила Яковлевна Бобрицких, совмещающая в своей научной и педагогической деятельности интерес к древнерусской литературе и культуре с интересом к поэзии Серебряного века.

Кафедры русской и зарубежной литературы часто противопоставляли друг другу, что основывалось на довольно забавном наблюдении: первая казалась студентам «мужской», вторая – «женской».

И действительно, кафедра зарубежной литературы была коллективом настоящих дам. Воспоминания студентов разных лет донесли до нас ту степень благоговейного потрясения, которую они испытывали при виде гранд-дамы, основательницы кафедры – Аллы Борисовны Ботниковой. Подмечали всё – от того, как по-особенному она надевала пальто, до манеры вести беседу. Не менее колоритными преподавателями были «истинная правнучка Гомера» Тамара Александровна Комова, читавшая лекции по античной литературе (1964–1984), неподкупно строгая петербурженка, знаток зарубежной поэзии XX века Татьяна Львовна Гурина (1969–1983)...

Из журналистики (воронежский «Молодой коммунарь») в 1962 г. на кафедру вернулась Светлана Николаевна Фи-

лошкина. Продолжая писать стихи, не теряя публицистического блеска в своих статьях, она раскрылась как ученый-англист, в первую очередь знаток творчества Г. Грина, а помимо этого – исследователь, тонко чувствующий художественный текст, увлеченный проблемами жанра в английском (и не только) романе, изучением образа человека в современной литературе. В 1990 г. Светлана Николаевна сменила на посту заведующего А. Б. Ботникову.

С 1969 г. о труднейшем для студенческого восприятия периоде XVII–XVIII вв. рассказывала Ирина Анатольевна Белопольская. Кроме нее, на кафедру пришла медиевист и переводчик, выпускница ЛГУ Мария Константиновна Попова (1983–2012), сменившая Т. А. Комову в роли первого лектора в цикле занятий «От Гомера до наших дней». В 1990–е гг. М. К. Попова стала инициатором длительных исследований кафедры по проблемам национальной идентичности. Ранее из пединститута перешла в университет Алла Леонидовна Савченко, ставшая на долгие годы научной мамой для всех, кто интересовался американской литературой (1976–2016). Специалистом по преподаванию испанской литературы стала профессиональный переводчик, работавшая за границей, Татьяна Вениаминовна Морозова (1979–2017). Чуть позднее в состав кафедры влился Андрей Владиславович Скобелев (1983–1993), исследователь немецкой романтической литературы.

Большие перемены на кафедре произошли в девяностые годы. С. Н. Филошкина, новый заведующий, пригласила на службу в университет целую когорту молодых преподавателей, среди которых те, кто сейчас образует основу кафедры. Это германист Ольга Владимировна Тихонова (с 1992 г.), знаток немецкого романтического театра и скандинавской литературы; Дмитрий Александрович Чугунов (с 1994 г.), первым в отечественном литературоведении начавший системное изучение современной немецкой литературы; американист Борис Юрьевич Дуров, специалист по творчеству К. Воннегута (1995–2001); англист Владимир Вячеславович Струков (1995–2003), погрузившийся в изучение постмодернистского романа; преподаватель французской словесности и филолог с широким гуманитарным кругозором Михаил Николаевич Недосейкин, читавший также

спецкурсы по проблемам культурной памяти и истории мировой художественной культуры (с 2001 г.). Д. А. Чугунов заведовал кафедрой зарубежной литературы с 2014 по 2017 г. А совсем недавно (с 2019 г.) на уже объединенной кафедре начал работать Дмитрий Олегович Курилов, защитивший в свое время (под началом С. Н. Филошкиной) кандидатскую диссертацию по творчеству Д. Джойса.

В 2017 году две кафедры – *русской* и *зарубежной* литературы – в очередной раз подверглись реорганизации. Так вновь возникла единая кафедра, на этот раз под титулом истории и типологии русской и зарубежной литературы. При внешне случайных причинах еще одного изменения конфигурации кафедры в нем можно усмотреть, как выражались в XIX веке, некий провиденциальный смысл.

В течение последних 10 лет кафедра занимается разработкой научного проекта «Универсалии русской литературы», обретшего признание в стране и за ее пределами. В рамках этого проекта были проведены 10 международных конференций, защищены две докторские и несколько кандидатских диссертаций, выпущены серии авторских и коллективных монографий и 7 сборников статей «Универсалии русской литературы», в которых приняли участие крупнейшие слависты России, Германии, Швейцарии, Польши, Чехии, Венгрии, Франции, Израиля и других стран. Кафедра поддерживает активные научные контакты с ведущими университетами Москвы, Санкт-Петербурга, Гёттингена, Будапешта, Брно и др. центрами изучения русской литературы.

В качестве образовательного ответвления проекта с 2015 г. успешно функционирует совместная с Гёттингенским университетом магистерская программа «Русская литература в европейском контексте», предполагающая семестровое обучение воронежских студентов в Гёттингене (а гёттингенских – в Воронеже) и получение магистрантами двух дипломов – российского и немецкого. В ближайших планах – открытие совместной (с Гёттингенским, Аризонским и Шанхайским университетами) бакалаврской программы «Мировая литература». Исследователям и преподавателям русской и зарубежной литературы, одним словом, есть на чем (и ради чего) сосредоточить свои совокупные усилия.

ЛИТЕРАТУРА В ДВИЖЕНИИ ЭПОХ

М. Евзлин

ПИФОС: ИСТОЧНИК ЖИЗНИ И ИСТОЧНИК СМЕРТИ

О вхождении зла в человеческое существование – в пределах древнегреческой мифопоэтической традиции – в наиболее полной форме говорится в этом пассаже из поэмы Гесиода:

Прежде жили на земле племена людей,
далекие от зол и вдали от труда тяжелого,
и болезней мучительных, которые людям смерть злую принесли.
Быстро, в самом деле, в страданиях смертные стареют.
Но женщина, руками большую крышку с пифоса сняв,
распустила (беды): людям измыслила скорби жестокие.
Одна только Надежда в доме незыблемом,
внутри пифоса, крепко стоит под краями, и наружу
не вылетела: раньше закрывала (женщина) крышку пифоса
по воле эгидодержавца Зевса-тучесобирателя.
И всё же бесчисленные беды среди людей блуждают:
полна земля несчастьями, полно (ими) и море;
болезни к людям днем и ночью по воле собственной
приходят, неся страдания смертным,
в молчаньи, ибо голос отнял (у них) мудрый Зевс.

(Ор. 90–104)¹

Этот отрывок включает сказание о сотворении *подобия деви стыдливой* (Ор. 71: *παρθένῳ αἰδοίῃ ἕκελον*), но может рассматриваться как вполне самостоятельный рассказ. Сказание о деве в *Теогонии* совпадает в основных чертах с версией, сообщаемой в *Трудах и днях*, но они различаются в одном существенном моменте: в *Теогонии* дева никак

¹ Здесь и далее поэмы Гесиода цит., если не указано иное, в нашем дословном переводе.

не именуется и отсутствует *πιθος* (πίθος). В определенном смысле женщина уравнивается с пифосом, в который она собирает, как трутни в свой желудок, труды мужчин:

От нее происходит род женщин нежных,
от нее идет губительный род и племя женщин,
беда великая, которые среди смертных людей обитают,
(в) пагубной бедности не товарищи, а (только в) сытости.
Подобно тому, как в крытом улье пчелы кормят
трутней, соучастников негодных дел –
эти весь день до захода солнца
постоянно хлопочут и откладывают белый воск,
а те, внутри ожидая в крытом пчелином улье,
чужой труд в свой желудок собирают.

(Th. 590–599)

Зло, таким образом, связывается с женщиной, поскольку мужчина по ее вине должен жить трудами рук своих, от чего он раньше был избавлен, и делиться с ней плодами своих трудов.

Сказание о снятии крышки с пифоса позволяет войти в архетипическую глубину мифа о сотворении женщины: только женщина могла освободить – и с этой целью она создается богами – скрытые в сосуде содержания, которые определяются как *κακά, λυγρά, νοῦσοι* (беды, несчастья, болезни). Осталась только надежда (*ἐλπίς*). Строго говоря, осталась не только надежда, но также несчастья, которые *к людям днем и ночью по воле собственной / приходят, неся страдания смертным* (Op. 102–103). Связь надежды с несчастьями очевидна, но также с существованием вообще, поскольку надежда позволяет существовать, несмотря на страдания. С этой стороны надежда и страдания есть принадлежность существования, укорененные в нем с самого начала. Греческий поэт приходит к тому же выводу, что и индийский философ, уравнивая существование со страданием, а надежду рассматривая как иллюзию, которая насильно удерживается, чтобы принудить человека к бытию, полному зол и страданий.

Утверждение, что смешение *pyxis* и *pithos* “it is one of the vital errors that breed the corruption of a total mythological misconception”², представляется преувеличением, если рас-

сматривать миф о Пандоре в том его виде, в каком он делает свое первое зафиксированное письменное появление в гесиодовской поэме. Еще более сомнительным является утверждение, что здесь мы имеем “an aetiological myth based on the Athenian festival of the Pithoigia celebrated on the twelfth day of the month Anthestesterion”³. Как мы могли видеть из сопоставления двух вариантов мифа, передаваемых в *Трудах и днях* и *Теогонии*, дева, которую изготавливает Гефест и украшают другие боги, вовсе не связана необходимым образом с пифосом и может вполне без него обходиться. Пифос использовался для хранения зерна, оливкового масла, вина, меда, воды, соленой рыбы, а также для захоронения останков мертвого, т.е. он есть сосуд, который может содержать в себе любое вещество, а посему приобретает символическое значение как вместилище всего доброго и недоброго, по образцу двух пифосов, стоящих в доме Зевса:

δοιοὶ γάρ τε πίθοι κατακείαται ἐν Διὸς οὔδει
δώρων οἴα δίδωσι κακῶν, ἕτερος δὲ ἑάων.

(Hom. II. XXIV, 527–528)

стоят два пифоса в доме Зевса:

дары, зло несущие, в одном, благо – в другом.

В первый день Антестерий, называвшийся *πιθοίγια* (вскрытие сосудов), открывались бочки с новым вином. Это открывание происходило ритуальным образом, чтобы, как следует предположить, обезвредить отрицательные эффекты, которые могло произвести новое вино. Вино еще не потеряло своей сакральности, а посему скрывало в себе опасности, которые нейтрализовывались посредством соответствующего ритуала. Но миф о женщине (*γυνή*), снимающей крышку с закрытого сосуда, как он рассказывается в *Трудах и днях* Гесиода, имеет своей темой вхождение зла в человеческое существование, а не опасные эффекты вина, вскрытого без соответствующей ритуальной подготовки. Более подходящим здесь был бы миф о пифосе, открытым Гераклом, после чего сбежались к дому Фола кентавры, обезумевшие от запаха вина (Diod. IV, 12, 3–4; Apoll. Bibl. II, v, 4), но даже этот миф вряд ли был бы достаточным, чтобы объяснить происхождение афинской *πιθοίγια*.

³ Ibid. P. 101.

² Jane E. Harrison. Pandora's Box // The Journal of Hellenic Studies. 1900. XX. P. 100.

Третий день Антестерий посвящался мертвым. Ставились горшки с вареными овощами для угощения духов, которым, надо думать, в этот единственный день в году позволялось выйти из подземной страны и навестить своих родственников, а посему более чем вероятно, что праздник третьего дня Хύτροι существовал отдельно от Πίθοια и Χόες (Праздник Кувшинов).

Связь изображения Гермеса на лекифе (λήκυθος)⁴ в качестве психопомпа с праздником третьего дня Антестерий возможна, хотя и сомнительна, но к пифосу Пандоры никакого отношения оно не имеет. Совершенно очевидно, что речь идет о погребальном лекифе, который ставился в качестве приношения в гробницу или использовался при погребении⁵.

На изображении мы видим Гермеса, стоящего перед пифосом. В одной руке он держит кадусей, а в другой – палочку, которой руководит движением крылатых духов, одних выпуская на некоторое время, – а других снова заключая в подземной обители, представленной в форме большого глиняного сосуда. Вот как интерпретирует это изображение Jane Harrison:

⁴ Изображение на лекифе воспроизводится Harrison (Fig. 1) по: Paul Schadow. Eine Attische Grablekythos. Jena, 1897. Этот лекиф происходил из Афин и хранился в археологическом музее Йенского университета.

⁵ Ср. амфоры с медом и елеем, которые Ахилл ставит на погребальный костер Патрокла (И. XXIII, 170).

“Her we have a veritable pithos-opening, though conducted by Hermes, not by Pandora. A large pithos is sunk deep into the ground. It has served as a grave, and the frequent use of πίθοι for burial purposes is abundantly shown by excavations both at Dipylon of Athens and at Aphidna. In this usage lies the gist of my argument. From the πίθος have escaped fluttering upwards two winged εἶδωλα or κῆρες – the μέγα πῶμα has been removed – a third soul is fluttering up out of the month of the πίθος. Most curious of all one εἶδωλον is divinig back headlong into jar. It is this point that makes connection with the All Souls’ Day of Athens so obvious. There is not only an exit of souls, there is a reentrance”⁶.

Во-первых, здесь нет никакой μέγα πῶμα (большой крышки), которую Гермес сначала бы снял с пифоса, а потом вызывал заключенные в нем души. Он стоит, возвышаясь, перед открытым пифосом, вызывая или возвращая души. Более того, с достаточным основанием можно предполагать, что Гермес *всегда* стоит перед открытым пифосом, который есть вход в страну смерти: ведь он психопомп, а посему его деятельность по водительству душ не прекращается ни на мгновение. Таким образом, ситуация, изображаемая на лекифе, относится к представлениям о посмертной судьбе, тем более что этот сосуд с соответствующим заполнением использовался в похоронном обряде.

Следует заметить, слова εἶδωλα и κῆρες, которые Jane Harrison использует как синонимы ψυχή (душа), этого значения, во всяком случае у Гомера, не имеют: εἶδωλον означает всегда призрак или подобие, а κῆρ – *злую смерть, гибель*. Душа- ψυχή есть подобие-εἶδωλον человека, но этим подобием она становится в момент смерти, а до того, соединенная с θυμός (дыхание жизни), она является жизненным началом. Уравнение ψυχή и εἶδωλον вроде бы следует из слов Ахилла, которые он произносит после того, как к нему приходит во сне душа мертвого Патрокла:

ᾧ πόποι ἦ ῥά τις ἐστί καὶ εἰν Ἄϊδαο δόμοισι
 ψυχή καὶ εἶδωλον, ἀτὰρ φρένες οὐκ ἐνὶ πάμπαν:
 παννυχίη γάρ μοι Πατροκλῆος δειλοῖο
 ψυχή ἐφεστήκει γοῶσα τε μυρομένη τε,
 καὶ μοι ἕκαστ’ ἐπέτελλεν, εἶκτο δὲ θέσκελον αὐτῶ.

⁶ Harrison Jane E. Op. cit. P. 101.

Боги! так подлинно есть и в Аидовом доме подземном
Дух человека и образ, но он совершенно бесплотный!
Целую ночь, я видел, душа несчастливца Патрокла
Всё надо мною стояла, стенающий, плачущий призрак;
Всё мне заветы твердила, ему совершенно подобясь!

(II. XXIII, 103–107: пер. Н. И. Гнедича)

Также из слов самого Патрокла можно было бы заключить о тождестве *ψυχή* и *εἶδωλον*:

θάπτέ με ὅττι τάχιστα πύλας Ἀΐδαο περήσω.
τῆλέ με εἴργουσι ψυχαὶ εἶδωλα καμόντων,
οὐδέ μέ πω μίσησθαι ὑπὲρ ποταμοῖο ἐῶσιν,
ἀλλ' αὐτως ἀλάλημαι ἀν' εὐρυπυλῆς Ἀΐδος δῶ.

О! погребви ты меня, да войду я в обитель Аида!
Души, тени (подобия) умерших, меня от ворот его гонят
И к теням приобщиться к себе за реку не пускают;
Тщетно скитаюся я пред широковоротным Аидом.

(II. XXIII, 71–74: пер. Н. И. Гнедича)

Но слово *εἶδωλον* относится не только к душам, а также к живым: Аполлон переносит Энея в другое место и создает его образ (*εἶδωλον*, V, 449), вокруг которого троянцы и ахейцы продолжают сражаться друг с другом. Таким образом, *εἶδωλον* есть *качество* души, указывающее, что и после смерти она сохраняет подобие человека, которому принадлежала. Следует также отметить, что слово *εἶδωλον* встречается в *Илиаде* всего три раза: в рассказе о перенесении Энея (V, 445–450) и сне Ахилла (II. XXIII, 62–107). Из жалоб Патрокла, что души, подобия мертвых, не позволяют ему войти во врата Аида, следует, что и после смерти души сохраняют активность, хотя направляется она исключительно на другие души, владельцы которых остались, как Патрокл, без погребального обряда.

Как бы то ни было, у вылетающих из пифоса душ подчеркивается не подобие, а *крылатость*, что более чем естественно, если вспомнить другое значение слова *ψυχή* как *бабочки* или *мотылька*, т.е. существа очень легкого и крылатого. Это представление о крылатости душ, вышедших из безжизненных тел по велению психопопа Гермеса, также сохраняется у Гомера:

Ἑρμῆς δὲ ψυχὰς Κυλλήνιος ἐξεκαλεῖτο
ἀνδρῶν μνηστήρων: ἔχε δὲ ῥάβδον μετὰ χερσίν
καλὴν χρυσεῖην, τῆ τ' ἀνδρῶν ὄμματα θέλγει
ὣν ἐθέλει, τοὺς δ' αὐτε καὶ ὑπνῶντας ἐγείρει:
τῆ ῥ' ἄγε κινήσας, ταὶ δὲ τρίζουσαι ἔποντο.
ὥς δ' ὅτε νυκτερίδες μυχῶ ἄντρου θεσπεσίοιο
τρίζουσαι ποτέονται, ἐπεὶ κέ τις ἀποπέσῃσιν
ὄρμαθου ἐκ πέτρης, ἀνά τ' ἀλλήλησιν ἔχονται,
ὥς αἱ τετριγυῖαι ἄμ' ἦσαν: ἦρχε δ' ἄρα σφιν
Ἑρμείας ἀκάκητα κατ' εὐρώεντα κέλευθα.
πάρ δ' ἴσαν Ὀκεανοῦ τε ῥοὰς καὶ Λευκάδα πέτρην,
ἠδὲ παρ' Ἥελίοιο πύλας καὶ δῆμον ὀνείρων
ἦσαν: αἴψα δ' ἴκοντο κατ' ἀσφοδελὸν λειμῶνα,
ἔνθα τε ναίουσι ψυχαί, εἶδωλα καμόντων.

Гермес Килленский души вызвал
мужчин, в брак вступить желавших; держал жезл в руках
прекрасный, золотой, которым людей глаза зачаровывал,
кому желал, и снова спящих пробуждал;
он вел их, к движенью побуждая, и они, щебеча, за ним
следовали.

Как мыши летучие в глубине пещеры огромной,
выска, порхали, когда одна выпадает
из кучи, со скалы (свисающей), и затем между собой
сцепляются;
так они, чирикавая, вместе шли; вел их
Гермес-благодетель по промозглым дорогам.
Близ Океана потока прошли, к Белой скале,
к вратам Гелиоса и к народу снов
пришли; быстро достигли асфоделевого луга,
где обитают души, подобия умерших.

(Od. XXIV, 1–14: дословный перевод)

Особо значительны слова о власти Гермеса над душами: *τοὺς δ' αὐτε καὶ ὑπνῶντας ἐγείρει* (*и снова спящих пробуждал*). Если уравнивать смерть со сном, то пробуждение есть возвращение к жизни, а посему изображение на лекифе должно представлять души (*ψυχαί*), которые, выйдя из мертвого тела, пребывают в земной утробе, символизируемой пифосом, а затем входят в новое тело. В наиболее полном виде это представление о круговращении душ мы находим в *Федре* Платона: «Душа, ставшая спутницей

бога и увидевшая хоть частицу истины, будет благополучна вплоть до следующего кругооборота, и, если она в состоянии совершать это всегда, она всегда будет невредимой. Когда же она не будет в силах сопутствовать и видеть, но, постигнутая какой-нибудь случайностью, исполнится забвения и зла и отяжелеет, а отяжелев, утратит крылья и падет на землю (καὶ κακίας πλησθεῖσα βαρυνθῆ, βαρυνθεῖσα δὲ πτερορρύση τε καὶ ἐπὶ τὴν γῆν πέσῃ), тогда есть закон, чтобы при первом рождении не вселялась она ни в какое животное. [...] Но туда, откуда она пришла, никакая душа не возвращается в продолжение десяти тысяч лет – ведь она не окрылится раньше этого срока (οὐ γὰρ πτεροῦται πρὸ τοσούτου χρόνου), за исключением души человека, искренне возлюбившего мудрость или сочетавшего любовь к ней с влюбленностью в юношей: эти души окрыляются за три тысячелетних круговорота (πτερωθεῖσαι τρισχιλιοστῶ ἔτει), если три раза подряд изберут для себя такой образ жизни, и на трехтысячный год отходят. Остальные же по окончании своей первой жизни подвергаются суду, а после приговора суда одни отбывают наказание, сошедши в подземные темницы (εἰς τὰ ὑπὸ γῆς), другие же, кого Дике облегчила от груза и подняла в некую область неба, ведут жизнь соответственно той, какую они прожили в человеческом образе. На тысячный год и те и другие являются, чтобы получить себе новый удел и выбрать себе вторую жизнь» (248–249; пер. А. Н. Егунова).

Harrison задает риторические вопросы: “Has Hesiod any idea of its significance? Does he know that the evils, liberated by his curious and fatal woman, his Eve, are in fact nothing but εἶδωλα, ghosts, issuing from a πίθος-grave?”⁷ Столь же нелепо звучал бы этот вопрос в отношении Платона: признавал ли он, что души (ψυχαί), выходящие из-под земли, все не души, а εἶδωλα-ghosts? Совсем не исключено, что свою идею о круговращении душ Платон позаимствовал из афинских Антестерий, тем более что в отличие от беотийца Гесиода он был афинянином и непосредственно участвовал в этих празднествах. Как бы то ни было, к делу это относится. Существенно в тексте Платона представление о

крылатости души, как бы она ни мыслилась, метафорически или буквально, и ее пребывании под землей в ожидании нового воплощения.

В том, что касается *девы*, изготовленной Гефестом, существенным является не ее отношение к духам, как бы они ни назывались, а ее качество *подобия* (ἴκελον). Но если есть подобие, должен быть оригинал. Здесь мы без особенного усилия можем обратиться к архаическим представлениям, согласно которым всякая женщина есть подобие Земли-матери, ее *alter ego*⁸, а посему более чем естественным представляется перенесение на нее эпитета Земли-матери *πανδώρα*, т.е. *вседарующей*, хотя в *Трудах и днях* (81), где это определение впервые встречается, он трактуется как *получающая дары*.

Это перенесение эпитета Земли-матери на ее подобие не есть “*fusione di due tradizioni diverse intorno all’origine della prima donna mortale*”, но вполне сознательное его переосмысление. И в самом деле, дева получает свое подобие как дар Земли, но не непосредственно, а при помощи богов, которые наделяют ее всеми дарами (*πανδώρα*), полученными от всеобщей Матери-земли. В версии *Трудов и дней* подобие девы украшают Афина, Хариты, Пейфо-Афродита, Оры, т.е. исключительно женские божества (72–76), в силу чего дева, изготовленная мужским божеством, становится совершенным подобием Земли в ее, так сказать, женской ипостаси. Это украшение относится исключительно ко внешней стороне, а окончательное внутреннее устройство подобия девы относится к Гермесу, т.е. мужскому божеству: *В груди же (ее) вестник-Аргоубийца / лживые и вкрадчивые слова и лукавый нрав / возбудил, по замыслу Зевса глухо гремящего; а также голос / вложил вестник богов, и назвал эту женщину / Пандорой* (77–81).

Итак, Гефесту, мужскому божеству, принадлежит изготовление материального подобия, но в не украшенном виде, а женским божествам – украшение, благодаря которому дева приобретает вполне конкретные женские качества, кроме способности к обманам, которую она получает от

⁸ *Eliade M. Trattato di Storia delle Religioni. Torino, 1988. P. 245–271.*

⁹ *Guarducci M. Il mito di Pandora // Studi e Materiali di Storia delle Religioni. V. III. Università “La Sapienza” di Roma. 1927. P. 25.*

⁷ *Harrison Jane E. Op. cit. P. 103.*

мужского божества, Гермеса, выступающего здесь господином *майи-иллюзии*. С этой стороны весьма продуктивным представляется обращение к индоевропейской схеме: Вишну принимает образ девы, обманывая таким образом похитивших амриту демонов-данавов (Мбх I, 16)¹⁰. Более близким к греческому сказанию, более того, почти с ним совпадающим, является миф о создании девы Тилоттамы (Мбх I, 203). Брахма приказывает богу-ремесленнику Вишвакарману: «Сотвори прекрасную деву, которой домогались бы все» (Мбх I, 203)¹¹. Вишвакарман сотворяет деву из всех элементов, собранных в трех мирах. «И так как она была создана из сочетания отдельных частиц (величиною) с сезамовое семя, (взятых) от различных драгоценных камней, – прародитель (Брахма) нарек ей имя Тилоттама» (Мбх I, 203). Имя Тилоттамы в определенном отношении соответствует имени Пандоры. Буквально оно означает «превосходнейшая от (сочетания отдельных частиц драгоценных камней) величиною с сезамовое семя»¹², т.е. с самого начала она создается как *украшение* в отличие от *подобия девы*, созданного из смешения *земли с водой* (γαῖαν ὕδρι. Ор. 61), и поэтому нуждающегося в украшении. Суть дела, впрочем, от этого не меняется: Пандора, как и Тилоттама, есть *дар*, которому совершенно невозможно сопротивляться.

Тилоттама создается с целью возратить обезображенную демонами-дайтьями землю к прежнему состоянию: «Оглашаемая воплями ‘ах’ и ‘ох’ и терзаемая ужасом земля, на которой исчезли торговля и рынки и прекратились религиозные обряды и браки, исчезло земледелие и скотоводство, земля с разрушенными городами и обителями, усеянная костями и скелетами, приобрела ужасный вид» (Мбх I, 202). Братья-дайтьи говорят своим сподвижникам: «Мудрецы и дваждырожденные великими жертвоприношениями и возлияниями усиливают могущество и силу богов... (Поэтому) все мы, соединившись вместе, должны полностью истребить их» (Там же). Дайтьи не просто убивают брахманов-священнослужителей, но хватают священные

огни и бросают в воду (Там же), т.е. они, по сути дела, *похищают* священный огонь, вследствие чего прекращаются жертвоприношения, которые гарантировали правильное функционирование мира и даже «месяц и солнце, планеты и звезды... предались печали» (Там же).

О значении огня как универсального принципа говорится в сказании о проклятии Агни мудрецом Бхригу. В ответ на его проклятие, чтобы не стать всепожирающим, Агни извлекает себя «из (всех) жертвенников дваждырожденных (священнослужителей-брахманов), из мест различных жертвоприношений и обрядов. ...все существа тогда из-за отсутствия огня впали в большую скорбь. Тогда риши (божественные мудрецы), испугавшись, отправились к богам и так сказали: От прекращения жертвенных и религиозных обрядов, последовавшего за исчезновением огня, пришли в беспорядок три мира» (Мбх I, 7). Существенна здесь связь огня с жертвоприношениями, обеспечивающими правильное функционирование всех миров и без которых они приходят в расстройство.

Сходную ситуацию можно предположить в основе греческого мифа о похищении огня, хотя описывается она по-разному. В *Трудах и днях* говорится: *Скрытыми держат боги от людей источники жизни (βίον) / ибо легко за день бы ты заработал, / сколько на год иметь нужно, бездельным оставаясь* (42–44), т.е. причина вроде бы состоит в необходимости для людей не оставаться без дела. Затем оказывается, что *Зевс скрыл* (источники жизни), *разгневавшись душой своей, / из-за того, что его обманул Прометей хитроумный* (47–48), но в чем состоял этот обман, не сообщается. В следующих строках говорится, что Зевс в действительности скрыл вовсе не источники жизни (βίον), а огонь: *κρύψε δὲ πῦρ* (50). Если рассматривать этот текст как единое и последовательное целое, а не как искусственное соединение отрывков, происходящих из различных источников, то по необходимости мы должны прийти к заключению, что сокрытие βίος (источник жизни) и πῦρ (огонь) есть единый акт, а огонь, как в индийском сказании, не есть просто материальный элемент, служащий для приготовления пищи, а универсальный энерго-принцип, благодаря которому мировая жизнь сохраняется, и поэтому он имеет священ-

¹⁰ Guarducci M. Op. cit. P. 14–15.

¹¹ Цит. по: Махабхарата. Адипарва. Книга первая / пер. В. И. Кальянова. М., 1992.

¹² Там же. Прим. 12. С. 673.

ный характер. Следует также отметить, что Зевс обещает за похищение огня *великое бедствие* (μέγα πῆμα) не людям, которые есть, а тем, которые будут. Греческий текст, если посмотреть на него также с грамматической стороны, не оставляет в этом сомнений:

Ἰαπετιονίδη, πάντων πέρι μῆδεα εἰδώς,
χαίρεις πῦρ κλέψας καὶ ἑμὰς φρένας ἠεροπεύσας,
σοὶ τ' αὐτῶ μέγα πῆμα καὶ ἀνδράσιν ἔσσομένοισιν.
τοῖς δ' ἐγὼ ἀντί πυρός δώσω κακόν.

(Op. 54–57)

Иапетид, всех более предначертания знающий,
радуешься, огонь похитив и ум мой обольстив,
бедствие великое тебе самому и *будущим* людям.
Им за огонь я зло ниспошлю.

Слово ἔσσομένοισιν, определяющее людей (ἀνδράσιν), выступает как причастие будущего времени (от εἶμι, *быть*), а посему никакого другого значения, как *те, которые будут*, или *будущие*, оно иметь не может, т.е. здесь мы имеем миф о происхождении людей и возникновении настоящего их состояния как следствия происшедшего до начала времен похищения огня.

Это заключение об огне как универсальном энергетическом принципе вовсе не означает полное тождество греческого сказания с индийским, с одной стороны, и двух греческих версий – в *Трудах и днях* и *Теогонии* – с другой. Существенен контекст, в который включаются разнородные отрывки и благодаря которому они приобретают новое значение, ранее отсутствовавшее. Сказание о сокрытии огня, как в индийском мифе о проклятии Агни, вследствие которого он извлекает себя из жертвенников, имевшее, без сомнения, ритуальное происхождение, существовало, как можно думать (но не утверждать), отдельно от сказания о похищении огня. В первой книге *Махабхараты* похищение огня отсутствует, если не рассматривать самоизвлечение Агни из жертвенников как *похищение самого себя*, но здесь мы оказались в метафорической сфере.

Собственно, есть только одно похищение *par excellence*: похищение амриты царем птиц Гарудой, сыном Кашьяпы и Винаты (Мбх I, 29–30). Сначала он похищает амриту-сому у богов для змей-нагов, а потом снова похищает ее для

богов. Завершение этого второго похищения напоминает историю об открытом женщиной пифосе: «Узнав, что она похищена при помощи ответной майи и увидев то место, (где находилась) сома, змеи начали лизать траву куша. От такого действия языки змей раздвоились, а те травы куша от соприкосновения с амритой сделались священными» (Мбх I, 30). И подобно тому, как языки нагов раздвоились, так и люди, которые жили *прежде*, не ведая трудов, сделались смертными, потеряли свою прежнюю монолитность, которая делала их непроницаемыми для болезней и старения. *Надежда* функционирует здесь как *обман*, создавая иллюзию возможности восстановления прежнего своего состояния.

Амриту, добытую совместными усилиями богов и демонов-асуров (Мбх I, 15–16), выносит из глубин первобытного океана в белом сосуде бог Дханвантари. «При виде такого необычайного чуда поднялся из-за амриты великий шум среди данавов. Каждый из них вопил: “Это мое!”» (Мбх I, 16). Собственно говоря, данавы, вовсе не похищают амриту, а *блокируют* ее. Создается критичекая ситуация, выход из которой осуществляется при помощи иллюзорного *подобия девы*, которое принимает мужское божество: «Тогда властитель Нараяна при помощи майи принял вид дивной, очаровательной женщины и подошел к данавам. И тогда данавы и дайты все, очарованные ею, потеряли рассудок и отдали той женщине амриту» (Там же), после чего начинается великая битва между демонами и богами за обладание амритой.

Эта ситуация очень близко сходится с описываемой в *Теогонии*. Существенна здесь последовательность: Прометей похищает огонь (566), боги изготавливают *подобие девы* (571–572), которую Гефест отводит, *где другие были боги и люди* (ἐνθα περ ἄλλοι ἔσαν θεοὶ ἢ δ' ἄνθρωποι. 586). Гефест – создатель *подобия девы*, так же как Нараяна, который при помощи майи принимает образ прекрасной женщины, т.е. создает *подобие*. Гефест отводит созданное им подобие девы к другим богам и людям. И Нараяна, принявший подобие женщины, идет к данавам и дайтыям. Следует отметить, что как в индийском сказании имеются две группы демо-

нов, данавы и дайтьи¹³, так и в греческом, хотя именуется они как *другие боги* (ἄλλοι θεοὶ) и люди (ἄνθρωποι), которые становятся противниками богов. С достаточным основанием можно утверждать, что ἄλλοι θεοὶ – это титаны, а ἄνθρωποι – существа, не имеющие в себе разделение на мужчин и женщин. Ведь от девы, изготовленной Гефестом, *происходит род женщин* (590), а посему эти ἄνθρωποι могут быть определены как *демоны*, которые, соединившись с девой, произвели людей в настоящем их виде, а посему также определяются как ἄνθρωποι. Отождествление титанов с первыми богами, детьми Геи и Урана, не имеет никакого основания в тексте Гесиода. В *Теогонии*, где впервые встречается это наименование, слово Τίτην нигде не стоит в ед. ч., а только во мн. (Τιτᾶνες)¹⁴ и никогда не сопровождается в отличие от θεός/θεοί личными именами, что свидетельствует о безличном и исключительно мужском характере Титанов, который сближает их с индийскими демонами-асурами.

Совпадение отдельных элементов в сказаниях о похищении огня и создании подобия девы в *Теогонии* и *Трудах и днях* вовсе не делает эти две версии тождественными и несущими одинаковое значение, поскольку включаются они в два разных контекста, которые определяют присутствие одних элементов и отсутствие других. Это и понятно: *Теогония* рассказывает о делах богов, а *Труды и дни* – о делах людей. Разумеется, эти *дела* не совершенно друг другу противоположны, в каких-то моментах они соприкасаются, но всё же принадлежат к различным уровням бытия. Равным образом *Теогония* и *Труды и дни* начинаются с обращения к Музам, но цели и намерения оно имеет совершенно различные. В *Теогонии* поэт просит Муз:

Расскажите, как первые боги и наша земля родились,
и реки, и море беспредельное, бурными водами неистовствующее,
и звезды сияющие, и широкое небо в вышине,
и те, что от них родились, боги-податели благ;
как богатства поделили между собой и как почести разделили,

¹³ Демоны-асуры данавы и дайтьи происходят от одного отца – божественного мудреца Кашьяпы, и двух его жен-сестер, Дану и Дити, а посему они вполне взаимозаменяемы и даже совсем сливаются.

¹⁴ Paulson Johannes. Index Hesiodicus. Georg Olms, 1962.

и как впервые завладели многоступенчатым Олимпом.
Об этом расскажите, Музы, Олимпийские дома имеющие,
с самого начала; и поведайте, кто из них первым родился.
(Th. 108–115)

Всё дальнейшее повествование есть рассказ Муз о том, как образовался мир богов в его настоящем виде. В *Трудах и днях* рассказывается о том, как и по каким причинам люди пришли к настоящему своему состоянию, т.е. миф здесь служит практическим целям, объясняя устройство человеческого существования в мире и следующие из него обязанности. И действительно, “miti riferiscono non solamente l’origine del Mondo, degli animali, delle piante e dell’uomo, ma anche tutti gli avvenimenti primordiali in seguito ai quali l’uomo è diventato ciò che è oggi, cioè un essere mortale, sessuato, organizzato in società, costretto a lavorare per vivere e a lavorare secondo secondo determinate regole”¹⁵. Это определение идеально подходит к мифу о похищении огня, сотворении подобия девы и происхождении человеческих родов.

Практическая цель, которую преследует составитель поэмы, определяет выбор элементов, которые он включает в сообщаемые им мифы и которые приобретают *другое значение*, чем то, что они имели в контекстах, где эти элементы отсутствовали. В *Теогонии* похищение огня есть следствие обмана, который совершает жрец Прометей при разделении жертвенного животного:

Смертным людям мясо и внутренности жирные в толстую
шкуру сложил, спрятав в бычачий желудок,
а Зевсу кости белые, с коварной хитростью
уложенные, положил, спрятав в сверкающем жире.
(Th. 538–541)

Зевс, подобно Агни, которого проклял Бхригу (Мбх I, 6), извлекает огонь из жертвенников, чтобы он не стал всепожирающим, т.е. не превратился в деструктивное начало. Жертвоприношение совершается с целью разрешить спор между богами и людьми, но совершенно очевидно, что речь идет не о смертных людях, а о бессмертных демонах, родственных индийским асурам, т.е. через жертвоприношение – и здесь мы оказываемся в ритуальном центре индоевропейской мифопоэтической традиции – определя-

¹⁵ Eliade M. Mito e realtà. Torino, 1966. P. 33.

ется устройство мира, устанавливаются пределы нижнего и верхнего миров. Совсем не случайно, что в *Теогонии* мы имеем самое подробное описание структуры нижнего мира (717–819) из всех, которые мы знаем из греческих источников. Описание верхнего мира, хотя и в значительно более кратком виде, но достаточном, чтобы иметь о нем идею, дается во вступительной части (1–115).

В *Трудах и днях* жертвоприношение отсутствует. Говорится об обмане, совершенном Прометеем, по причине которого Зевс скрыл источники жизни вместе с огнем, но в чем состоял этот обман, не сообщается. О том, что стоит за пределами текста – знал ли слушатель или читатель поэмы, в чем конкретно состоял обман, – рассуждать бесполезно: в текст включаются только значимые элементы, а несущественные исключаются, а посему всякий разговор о них не ведет к пониманию текста, а затемняет его смысл до полной бессмыслицы. Это и понятно: сказание о сокрытии и похищении огня имеет здесь значительно более скромную задачу: говорится не об устройстве мира, а происхождении настоящего состояния человечества, хотя, разумеется, оно включается в это общее устройство, но всё же не как основополагающий элемент, а скорее как преходящий, о чем можно заключить из рассказа о железном роде: *Зевс, однако, и этот род смертных людей истребит* (180).

Этими же самыми причинами определяется отсутствие в *Теогонии* всякого упоминания о пифосе. Вокруг этого пифоса образовалась плотная ограда, составленная главным образом из бессмыслиц. В конце концов оказывается, что “the Pithoigia of the wine casks which overlaid the primitive Pithoigia of the grave-jars”¹⁶, т.е. вначале были пифосы-гробы, которые открывались в ритуально определенный день, и из этих пифосов произошли винные бочки, заставившие забыть свое начальное погребальное назначение. Вполне возможно, что пифос, из которого женщина (γυνή) выпускает беды, содержит в себе “un antico elemento animistico, un ricordo dei maligni e temuti spiriti sotterranei, degli alati Kḗρες che uscivano dalle profondità della terra per recare ai

vivi un po' del freddo e del buio di laggiù”¹⁷. Но здесь мы имеем дело с *текстом*, а не с воспоминаниями и духами. Кроме того, третий день Антестерий, посвященный Гермесу Хтоническому, когда выставлялись горшки (χύτροι) с варёными овощами для духов мертвых, вовсе не проходил в возбуждении, сколько мы знаем, но совершенно спокойно: духи, отпробовав скромной похлебки, мирно отправлялись в свои темные пределы. С другой стороны, “the food cooked on the Day of the Pots (Χύτροι) was not offered to him (Dionisus), but to Hermes. So it probably best supposes that the conjunction of the two festivals was originally accidental, but in the course of a long period they became to the same extent interpenetrated”¹⁸.

Как бы то ни было, пифос, с которого снимает крышку женщина, не имеет никакого отношения ни к винным духам, ни к духам мертвых, но к разыгравшейся до начала времен – ведь времени еще не было и всё стояло в неподвижности – драме, дальним следствием которой стало настоящее состояние человека, отягощенное всяческими бедами, где духи – во всяком случае у греков – занимают самое скромное место. Эта весьма скромная роль *ghosts* явно не удовлетворяет Jane Harrison, а посему она исправляет греческий текст, желая доказать, что в пифосе Земли-Пандоры находились подземные духи. Общепринятое νοῦσων τ' ἀργαλέων, αἱ τ' ἀνδράσι κῆρας ἔδωκαν (Op. 92: grievous diseases which give Keres to men), которое, по ее словам, “is not a very natural expression for causing death”¹⁹, она заменяет на νοῦσων τ' ἀργαλέων, ἃς τ' ἀνδράσι Κῆρες ἔδωκαν (grievous diseases which the Keres give to men). Объект (κῆρας) таким образом становится субъектом (Κῆρες), а относительное местоимение αἱ (которые) меняет номинатив на аккузатив (ἃς), в результате чего не болезни посылают *кер*, а Керы, т.е. духи – болезни.

Эти «гениальные» исправления, по словам Guarducci²⁰, остались без последствий в силу их полной несостоятельности как со стороны грамматической (относительное

¹⁶ Harrison Jane E. Op. cit. P. 105.

¹⁷ Guarducci M. Il mito di Pandora. P. 30.

¹⁸ Parke H. W. Festivals of the Athenians. London 1977. P. 119.

¹⁹ Harrison Jane E. Op. cit. P. 103.

²⁰ Guarducci M. Il mito di Pandora. Op. cit. P. 30.

местоимение в номинативе требует дополнения в аккумулятиве, а посему, меняя объект на субъект, производится замена номинатива на аккумулятив также в местоимении), так и со стороны смысловой. Слово κῆρ вовсе не означает *дух*, но *злую смерть, гибель*. В этом значении, и только однажды, оно употребляется в *Трудах и днях* (92). В *Теогонии* слово κῆρ встречается дважды (211, 217) как олицетворение богинь судьбы и смерти: νύξ δ' ἔτεκεν στρυγερὸν τε Μόρον καὶ Κῆρα μέλαιναν (211: ночь родила также ненавистного Мора и Керу, тьмой окутывающую); καὶ Μοίρας καὶ Κῆρας ἐγεῖνато νηλεοποιῖνους (217: а также Мойр и Кер родила, безжалостно карающих). В отношении духов умерших в *Теогонии* употребляется слово δαίμων. Рассказывается о Фаэтоне, сыне Эос:

τόν ῥα νέον τέρεν ἄνθος ἔχοντ' ἐρικυδέος ἦβης
παῖδ' ἀταλά φρονέοντα φιλομμειδῆς Ἀφροδίτη
ῶρτ' ἀναρραμένη, καὶ μιν ζαθέοις ἐνὶ νηοῖς
νηπόλον νύχιον ποιήσατο, δαίμονα δῖον.
(988–991)

Его во цвете нежном великолепной юности,
не знающее забот дитя, улыбчивая Афродита
унесла, похитив, и в храмах священных
стражем ночным его сделала, духом божественным.

Также в *Трудах и днях* слово δαίμων во мн. ч. обозначает духов умерших. Люди золотого рода после того, как они скрываются землей, становятся δαίμονες ἄγνοι (122: праведные духи). Таким образом, ни с какой стороны κῆρες не означают, во всяком случае, у Гесиода – а здесь речь идет о нем и ни о ком другом – духов, а *злую смерть* или *богинь судьбы и насильственной смерти*. Путаницу вносит вовсе не аккумулятив, а прописная буква (**Keres**), которая указывает на богинь Кер, совпадающих здесь с Эриниями. Отсюда, действительно, легко прийти к духам, понизив в своем сверхъестественном статусе богиню Керу, но номинатив относительного местоимения (*αἱ, которые*) решительно этому препятствует. И действительно, в других изданиях стоит строчная буква (**keres**) и соответствующим образом переводится.

Πρὶν μὲν γὰρ ζώεσκον ἐπὶ χθονὶ φύλ' ἀνθρώπων
νόσφιν ἄτερ τε κακῶν καὶ ἄτερ χαλεποῖο πόνοιο
νούσων τ' ἀργαλέων, αἶ τ' ἀνδράσι κῆρας ἔδωκαν.

(Op. 90–92)

Прежде жили на земле племена людей,
вдали от зол и без труда тяжелого,
и болезней мучительных, которые людям смерть злую принесли.

В переводе мы заменили мн. ч., в котором стоит слово κῆρας, на ед., отчего смысл несколько не меняется: смерть – едина и множественна, и эта смерть есть злая, насильственная, противоестественная, потому что не принадлежала к начальному состоянию человека, и поэтому она обозначается словом κῆρ. Люди, которые жили *прежде*, не знали труда и болезней, и поэтому не знали смерти. Смерть входит в человеческое существование как результат болезней и необходимости поддерживать свое существование постоянными и изнуряющими физическими усилиями. Таким образом, здесь мы имеем миф о происхождении смерти, описывающий, как все мифы этого рода, парадоксальную ситуацию. И в самом деле: смерть воспринималась архаическим человеком как случайность, инцидент, не имеющий для себя никакого логического или естественного объяснения. Снятие женщиной крышки с пифоса, из которого вышли *элементы*, сделавшие людей смертными, разделенными на мужчин и женщин, вынужденными поддерживать свое существование повседневным трудом и воспроизводить себя в потомстве, описывает, по сути дела, эту парадоксальную ситуацию, общую всем мифам этого круга²¹.

²¹ Paul Hambruch, посетивший остров Науру (Микронезия) в 1909 году, собрал местные предания о происхождении земли и людей в их настоящем состоянии. В одном из них рассказывается, как демиург Ареоп-энап изготовил две корзинки, большую и маленькую, и оставил их стражам, приказав не открывать их. Маленькую корзину, в которой были Красота и Добро, унес с собой человек по имени Нага (смерть), а большую открыли стражи, когда узнали, что Нага унес с собой маленькую корзинку, и нашли в ней только Злость, Нужду, Заботы, Голод, Болезни, которые обрушились на мир и в нем остались, в то время как Добро было навсегда потеряно (*Pettazzoni R. Mitì e leggende. In principio. I miti delle origini. Torino, 1990. P. 158*). Paul

Разумеется, контекст и система оппозиций, по которой выстраивается текст, вовсе не безразличны к содержанию: иначе бы все мифы о происхождении смерти были простым повторением одной и той же ситуации, но смерть входит в жизнь разными путями. В греческой версии она пришла в мир из *пифоса*. Зевс скрывает огонь (πῦρ), который здесь является источником жизни (βίος): ἀλλὰ Ζεὺς ἔκρυψε, χολωσάμενος φρεσὶν ἧσιν, / ὅττι μιν ἐξαπάτησε Προμηθεὺς ἀγκυλομήτης (Ор. 47–48), а женщина открывает сосуд, из которого выходят всяческие беды: ἀλλὰ γυνὴ χεῖρεσσι πίθου μέγα πῶμ' ἀφελούσα / ἐσκέδασ' ἀνθρώποισι δ' ἐμήσατο κήδεα λυγρά (Ор. 94–95). Это начальное сокрытие огня и последующее открытие пифоса вводятся союзом ἀλλά (но), что, как кажется, указывает на соотношенность и согласованность через оппозицию этих двух актов. И в самом деле, эта соотношенность и оппозиционность позволяет предполагать, что речь идет об одном и том же сосуде, в котором Зевс скрывает источники жизни, а когда женщина снимает с того же самого сосуда-пифоса крышку, из него выходят отравляющие существование элементы, как из коробочки (*бухис*) Психеи выходит inferнальное облако, погружая ее в смертный сон (Apul. Met. VI, 21), с тем только различием, что у Гесиода смерть усыпляет не только деву, но входит во всё мировое существование.

Связь между рассказом о похищении огня и создании подобия девы (Ор. 47–89) обозначена ясно, но дальше возникает впечатление, что повествование теряет всякую последовательность. И в самом деле, после *но приняв, (сам) он увидел, злом (уже) обладая* (89), на котором оканчивается рассказ о деве, сообщается без всякого, по-видимому, логического прехода *прежде жили на земле племена людей* (90), а затем

Hambbruch (1882–1933) был этнологом, описал остров во всех его аспектах, исторических и географических, а также дал подробный очерк языка обитателей Науру (*Nauru*. Von Dr. Paul Hambbruch. 1. Halbband // Ergebnisse der Südsee-Expedition 1908–1910. Hamburg, 1914), а посему влияние греческого мифа в его передаче преданий и мифов Науру следует исключить. Harrison, по всей видимости, и здесь стала бы искать загробных духов, но прямое назначение корзины, как и пифоса, состояло в складывании в них плодов земли и моря, а не в содержании бесплотных духов, откуда бы они ни происходили, из-под земли или морских глубин.

снова происходит возвращение через столь же алогический союз *но* (94) к женщине, от которой пошли все несчастья. В *Теогонии* Гефест отводит свое создание *другим богам и людям* (586), а о пифосе даже не упоминается: женщина сама по себе есть зло, хотя и необходимое. В *Трудах и днях* деву отводит Гермес, но не к людям вообще или другим богам, а к Эпиметею, брату Прометея (о родственных отношениях одного и другого мы знаем из *Теогонии*). Здесь возможно сделать следующее предположение, что дева открывает пифос еще до того, как Гермес отводит ее к Эпиметею и в присутствии Зевса, на что, как кажется, указывает эта деталь:

Одна только Надежда в доме незбылемом,
внутри пифоса, крепко стоит под краями, и наружу
не вылетела: раньше закрыла (женщина) крышку пифоса
по воле эгидодержавца Зевса-тучесобирателя.

(Ор. 96–99)

Таким образом, дева открывает и закрывает пифос не по собственной воле, а под непосредственным наблюдением Верховного бога. Эта последовательность не покажется странной, если вспомнить сходные сюжеты из других мифологий, а также греческой, где Верховный бог поручает другому богу или даже смертному человеку дело, которое сам он исполнить по той или иной причине не может. Вот несколько примеров. Бог грома Индра вступает в поединок с трехглавым сыном Тваштри, кидает в него ваджру-молнию, «и тот пал мертвым, мгновенно пораженный громовою стрелою, подобно тому как падает на землю пошатнувшаяся вершина горы. И видя его убитого громовою стрелою и лежащего подобно горе, владыка богов не нашел покоя опаляемый его блеском, – хотя и убитый он излучал сияющий блеск и выглядел словно живой. Тут супруг Шачи (Индра) увидал плотника, случайно пришедшего туда. И сказал ему без промедления Каратель (демона) Паки: «Быстро отруби ему головы. Исполни мое повеление!» (Мбх V, 9)²². Плотник отрубает головы чудовища: «И когда были они отрублены, из них вылетели трехглавые (птицы): куропатки, перепелы и воробьи. От того лика, которым он читал веды ипил сому, стремительно вылетели куропатки. От того лика, о царь,

²² Цит. по: Махабхарата. Книга пятая / пер. В. И. Кальянова. Л., 1976.

которым он взирал, как бы поглощая все страны света, вылетели перепелы, о Пандава! А от того лика Трехглавого, которым он пил хмельное вино, вылетели воробьи, о бык из рода Бхараты! Когда же те головы были отсечены, Магхаван (Индра) освободился от душевного смятения и, радостный, отправился на третье небо; плотник же возвратился к себе домой» (Мбх V, 9).

Ранее о Трехглавом рассказывалось: «Однажды Тваштри²³, владыка созданий, лучший из богов, был занят великим аскетическим подвигом. Чтобы досадить Индре, говорят, он сотворил сына с тремя головами. Наделенный вселенской формой и великим блеском, он страстно желал (занять) место Индры. Обладая тремя страшными ликами, подобными солнцу, луне и огню, он одним читал веды, другим пил хмельное вино, а третьим взирал, как бы поглощая все страны света. Отдавшийся подвижничеству, кроткий и обузданный, он был погружен в религиозные и аскетические подвиги. Он совершал великий и суровый аскетический подвиг, который был трудновыполним, о смиритель врагов! И видя подвиг его, неизмеримого в мужестве, его смелость и верность, Шакра (Индра) впал в уныние, опасаясь, как бы тот сам не стал Индрой» (Мбх V, 9).

Как следует из этого рассказа, аскетические подвиги имеют вполне практическую цель: приобретение могущества. С этой стороны трехглавого сына Тваштри можно считать похитителем священной энергии, которую он аккумулирует в себе как следствие своего аскетического подвига. Индра убивает чудовище, а плотник отрубает ему головы, т.е. *открывает сосуды*, освобождая таким образом заблокированные в них священные энергии, которые *вылетают* из них в форме трехглавых птиц, после чего царь богов обретает вновь способность к движению и отправляется в свою небесную обитель, а мир возобновляет свое функционирование. В греческом мифе о похищении огня эта схема,

²³ «Тваштри (tvastri) – букв. 'плотник', 'строитель', божественный мастер, который уподобляется Гефесту, или Вулкану, в античной мифологии. В позднейшую эпоху, в эпосе и пуранах, Тваштри отождествляется с Вишвакарманом, зодчим богов. Здесь под Тваштри подразумевается один из Праджапати, владык созданий» (Махабхарата. Книга пятая. Прим. 155. С. 442).

которую можно было бы назвать *архетипической* (в смысле идеальной модели), теряет свою отчетливость, но всё же просматривается с достаточной ясностью. После краткого вступления (Ор. 1–10) описывается настоящее мировое состояние: *Скрытыми держат боги от людей источники жизни* (11). Дальнейший рассказ имеет своей целью объяснить, каким образом и по какой причине пришли люди к этому состоянию: *Но Зевс скрыл (источники жизни), разгневавшись душой своей, / из-за того, что его обманул Прометей хитроумный* (47–48).

Итак, в начале был *обман*. В чем он состоял, не суть важно: существенно, что обман есть *прерогатива* демонов, во всяком случае, в индийской мифологии, а также в иранской, т.е. в основных индоевропейских мифопоэтических традициях, к которым относится также греческая. С этой стороны Прометей и Эпиметей суть демоны²⁴, которые, обманывая Верховного бога, похищают священную энергию в форме огня, препятствуя таким образом правильному функционированию Вселенной. Обман создает новое мировое состояние, становится причиной разделения богов и демонов, которые раньше были единой группой, как и в индийском мифе: боги и асуры совместно добывают из океана амриту, но демоны похищают ее, вынуждая богов к ответному действию. Затем амрита скрывается богами в *особом месте*. С целью похищения Гаруда «направился к амрите. И увидел он огонь отовсюду. Ярко сияющий, он со всех сторон покрывал своими лучами небо. Он был страшен и подвижимый ветром, казалось, собирался сжечь самое солнце» (Мбх I, 28).

Из этого описания следует, что амрита есть *концентрированный огонь*, т.е. священная энергия, которая питает Вселенную на всех трех ее уровнях, а добывание амриты из бездонных бездн мирового океана было по сути дела космогоническим актом. Боги скрывают огонь-амриту, без которой мир не может существовать, а Гаруда похищает ее для змей-нагов (Мбх I, 29), т.е. демонов, которые, как говорит Индра чудесной птице, «будут нам вредить» (Мбх I, 30), т.е. препятствовать правильному функционированию всех

²⁴ О демоническом характере Прометея см.: Михайлов Н. А. Локи и Прометей. К типологии протоперсонажа // Балканские чтения. Знаки Балкан. М., 1994. Ч. 1. С. 116–134.

трех миров. Обманом тот же самый Гаруда возвращает богам амриту (Мбх I, 30). Создается критическая ситуация в результате похищения огня-амриты, выход из которой может быть только парадоксальным. Эту критическую ситуацию описывают мифы об обманах, похищениях, битвах богов с чудовищами. Она составляет *ядро* сказания о создании подобия девы в поэмах Гесиода.

С самого начала указывается на призрачный характер искусственной девы, и потому она есть *подобие* (παρθένω αἰδοίῃ ἴκελον. Ор. 71; Th. 572), *обман* (δόλον. Th. 589). Здесь можно заподозрить идею, что всякий выход из критической ситуации может быть только призрачным, как и дева, которая создается с этой целью. Но эта призрачная дева становится праматерью не только *женщин* (ἐκ τῆς γὰρ γένος ἐστὶ γυναικῶν θηλυτεράων. Th. 590), но также мужчин, т.е. всего рода человеческого. О людях в настоящем виде можно говорить только после появления девы, от которой они происходят. О происхождении этих людей рассказывается главным образом в *Трудах и днях*. В *Тэогонии* внимание сосредотачивается на делах богов и почти отсутствуют люди.

В этом пункте мы можем возвратиться к *πίθος*. Основное употребление пифоса состояло всё же не в складывании в нем костей или в запирании духов, а для хранения зерна, вина, оливкового масла, соленой рыбы и других продуктов, т.е. он содержал в себе *βίος* (жизнь, средства к жизни). Если посмотреть на пифос с этой стороны, то *снятие крышки* приобретает совсем другое значение, чем распускание всяких бед и несчастий. Вернемся к началу рассказа о сокрытии богами источников жизни:

κρύψαντες γὰρ ἔχουσι θεοὶ βίον ἀνθρώποισιν:
ρήδιως γὰρ κεν καὶ ἐπ' ἡματι ἐργάσσαίω,
ὥστε σε κείς ἐνιαυτὸν ἔχειν καὶ ἀεργὸν ἔοντα:
αἰψὰ κε πηδάλιον μὲν ὑπὲρ καπνοῦ καταθεῖω,
ἔργα βοῶν δ' ἀπόλοιτο καὶ ἡμιόνων ταλαεργῶν.

(Ор. 42–46)

Скрытыми держат боги от людей источники жизни:
ибо легко за день бы ты заработал,
сколько на год иметь нужно, бездеятельным оставаясь;
повесил бы тотчас весло кормовое над дымом,
пропала бы работа волов и мулов неутомимых.

Боги держат источники *скрытыми*, но не *закрытыми*, т.е. людям вовсе не закрыт доступ к этим источникам, но они должны затрачивать физические усилия, чтобы добыть себе средства к жизни, и эта необходимость трудиться расценивается как несчастье, как причина всех бед и болезней, старения и смерти. Ведь раньше эти источники были совершенно открыты, средства к жизни не требовали для своего добывания никаких усилий, а посему не было болезней, и соответственно не было ни смертей, ни рождений. Что же было? Какое-то представление об этом дает знаменитое сказание о золотом человеческом роде:

χρῦσεον μὲν πρῶτιστα γένος μερόπων ἀνθρώπων
ἀθάνατοι ποίησαν Ὀλύμπια δώματ' ἔχοντες.
οἱ μὲν ἐπὶ Κρόνου ἦσαν, ὅτ' οὐρανῶ ἐμβασίλευεν:
ὥστε θεοὶ δ' ἔζων ἀκηδέα θυμὸν ἔχοντες
νόσφιν ἄτερ τε πόνων καὶ οἰζύος: οὐδέ τι δειλὸν
γῆρας ἐπῆν, αἰεὶ δὲ πόδας καὶ χεῖρας ὁμοῖοι
τέρποντ' ἐν θαλίῃσι κακῶν ἔκτοσθεν ἀπάντων:
θνητῆσκον δ' ὥσθ' ὕπνῳ δεδμημένοι: ἐσθλὰ δὲ πάντα
τοῖσιν ἦν: καρπὸν δ' ἔφερε ζεῖδωρος ἄρουρα
αὐτομάτῃ πολλὸν τε καὶ ἄφθονον: οἱ δ' ἔθειλμοι
ἦσυχοι ἔργ' ἐνέμοντο σὺν ἐσθλοῖσιν πολέεσσιν.
ἀφνειοὶ μῆλοισι, φίλοι μακάρεσσι θεοῖσιν.
αὐτὰρ ἐπεὶ δὴ τοῦτο γένος κατὰ γαί' ἐκάλυψε,
τοὶ μὲν δαίμονες ἀγνοὶ ἐπιχθόνιοι καλέονται.

(Ор. 109–122)

Золотой род смертных людей прежде всего сделали бессмертные боги, дома на Олимпе имеющие. Они были при Кроне, когда на небе он царствовал; жили, как боги, беззаботную душу имея, *вдали от тягот и бед; к презренной старости не приближались*, всегда ноги и руки одинаково улаждали на празднествах, далекие от всех зол; умирали, словно сном одоленные; всё хорошее было у них; плоды земля хлебородная приносила по собственной воле, многие и обильные; по воле своей мирные труды делили они вместе с добром многим; богатые стадами, любимые богами блаженными. После того, как этот род земля скрыла, – духами праведными, на земле живущими, они зовутся.

В отношении этого первого человеческого рода, также как и третьего медного, не сообщается, было ли у них разделение на мужчин и женщин. Это разделение очевидно у второго серебряного и четвертого рода героев. Золотые люди не знают трудов, земля сама приносит им свои плоды без всяких усилий с их стороны, хотя говорится, что они делили между собой труды (ἔργα). Однако ἔργον (*дело, труд, работа*) противопоставляется здесь πόνος (*труд, работа*, а также *тягота, мучение*), т.е. в отличие от нейтрального ἔργον слово πόμος указывает на тяготы и мучения, связанные с трудом. Эти люди, не знавшие изнуряющих и мучительных трудов, не старели (οὐδέ τι δειλὸν γῆρας ἔπῃν), хотя и умирали (θνήσκον), как бы засыпая (ὥσθ' ὕπνῳ δεδμημένοι), т.е. смерти они не замечали, она как бы вовсе для них не существовала. Здесь можно усмотреть противопоставление естественной смерти (θάνατος) и насильственной (κῆρ).

Это описание людей золотого рода совпадает с рассказом о племенах людей, которые были до того, как появился настоящий смертный человеческий род:

Πρὶν μὲν γὰρ ζώεσκον ἐπὶ χθονὶ φύλ' ἀνθρώπων
νόσφιν ἄτερ τε κακῶν καὶ ἄτερ χαλεποῦ πόνοιο
νοῦσων τ' ἀργαλέων, αἱ τ' ἀνδράσι Κῆρας ἔδωκαν.
αἴψα γὰρ ἐν κακότητι βροτοὶ καταγῆράσκειον.

(Ор. 90–93)

Прежде жили на земле племена людей,
далекие от зол и вдали от труда тяжелого,
и болезней мучительных, которые смерть злую принесли.
Быстро, в самом деле, в страданиях смертные стареют.

В сказании не говорится о причине, по которой золотой род перестал существовать, а просто, что земля его скрыла (κατὰ γαῖ' ἐκάλυψε), т.е. вроде бы он скрылся под землей естественным и безболезненным образом, но создание страшного медного рода вслед за ничем не примечательным, кроме своего безрассудства, серебряного рода, позволяет предполагать критическую ситуацию, возникшую в мире богов, для выхода из которой создается подобие девы, и дева посылается к людям. Но к каким людям? Первым, вторым или третьим? Этот вопрос приобретает особое значение, если принять во внимание, что сказание о

человеческих родах следует непосредственно за рассказом о женщине Пандоре. В этом пункте позволим себе сделать предположение, что похищенный Прометеем огонь имел своим следствием превращение мирных (ἡσυχοί) людей золотого рода в страшных медных, которые *хлеба не ели* (οὐδέ τι σίτον ἤσθιον. 146–147). Что же, в таком случае, они ели? Здесь можно также предположить, что их пищей был огонь, который похитил Прометей, но не для людей, а для демонов, в которых они превратились.

Греческая дева Пандора, таким образом, как индийская дева Тилоттама, создается для борьбы с демонами-асурами, которые усеяли землю «костями и скелетами» (Мбх I, 202). Также для медных людей единственной *заботой их было тело Арея, стоны исторгающее* (Ор. 145–146). К этим страшным людям, имевшим *неукротимую душу из адаманта* (Ор. 147), посылается искусственная дева, и поэтому, подобно Тилоттаме, которая изготавливается «из сочетаний драгоценных камней» (Мбх I, 203), она украшается богинями и одаряется всеми богами, и как Тилоттама, которая перед тем, как отправиться к братьям-асурам, получает наставления от прародителя Брахмы (Там же), так и Гермес-аргоубийца вкладывает в Пандору *лживые и вкрадчивые слова и лукавый нрав* (Ор. 78).

Брахма говорит Тилоттаме: «Соверши соблазн своей пленительной красотой. Действуй так, чтобы между ними от одного лишь (твоего) вида произошла из-за тебя ссора, под влиянием совершенства (твоей) красоты» (Мбх I, 203). Увидев прекрасную деву, братья-асуры, опьяненные страстью к ней, «с криками "я раньше, я раньше!" ударили друг друга. Получив удар булавой, страшные, они упали на землю, и тела их были залиты кровью, словно это были два солнца, упавшие с неба. Тогда все женщины разбежались, а толпа дайтев ушла в преисподнюю, дрожая от горя и страха» (Мбх I, 204).

Пандора снимает крышку с пифоса, в котором был скрыт огонь, после чего медные люди ослабевают и обращаются друг против друга, и, одоленные *своими руками*, сходят *в промозглый дом страшного Аида* (Ор. 153). Тилоттама в награду просит у Брахмы любовь. Пандора становится реальной девой, матерью человечества.

А. А. Кретов
ОТЦЫ И ДЕТИ
РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ОПЫТ МАРКЕМНОЙ ГЕНЕАЛОГИИ).
СТАТЬЯ ПЕРВАЯ: СВИДЕТЕЛЬСТВО АВТОРОВ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

Опубликованная ранее статья¹ описывала литературно-генеалогические отношения по принципу «от детей» к «отцам»: на кого из писателей *предшествующих* хронологических срезов указывала маркемная близость корпусов авторских текстов как на ближайшего, т.е. на «отца» относительно данного автора. Это была, так сказать, «ретроспективная» литературная генеалогия. В указанной статье нашли отражение все технические стороны предпринятого и продолжаемого в данной статье исследования, что избавляет нас от необходимости повторять их здесь.

Такой подход целесообразно дополнить зеркально симметричным: кто из писателей *последующих* хронологических срезов оказывается маркемно «ближе» к данному автору.

Если отец (по крайней мере, биологический) может быть только один, то сыновей у него может быть много. Таким образом, если ретроспективная генеалогия строится по принципу «от одного “потомка” к одному “предку”», то «проспективная» литературная генеалогия – «от отца» к «детям», т.е. «от одного к нескольким». Количество этих нескольких определяется количеством последующих литературных эпох, принимаемых во внимание.

Образно говоря, можно назвать писателя более раннего периода «отцом», а каждую последующую литературную эпоху – «матерью».

Поскольку мы исследуем 5 литературных эпох: 1) «Классическая» конец XVIII в.; 2) «Элегико-романтическая» – 1-я

треть XIX в.; 3) «Критическая» – 2-я треть XIX в.; 4) «Реалистическая» – 3-я треть XIX в.; 5) «Модернистская» – XX в., – то у авторов первой эпохи может быть не менее 4-х «детей», 2-й эпохи – не менее 3-х, 3-й – не менее 2-х, четвертой – не менее одного. Естественно при этом, что при таком размере хронологического полигона данных о «детях» авторов пятого среза нет. Аналогично, информативно ущербным оказывается и первый срез при ретроспективном подходе к литературной генеалогии. Исследования более ранних и более поздних литературных эпох могут впоследствии расширить хронологический полигон, а с ним – и наши знания об «отцах» и «детях» русской литературы.

Мы стремились избавить наши результаты от чрезмерной математической ригористичности, при которой имеет значение лишь – больше одна величина другой или нет, и не имеет значения, насколько она больше: на 1/10 или на 1/1000. Для этого мы ввели границу существенности для величин, варьирующуюся от автора к автору. Если значения близости авторов одного среза к данному автору различались менее этой границы, мы считали такое различие несущественным, т.е. фактически считали эти значения равными друг другу.

При таком подходе у одного писателя-«отца» и каждой последующей литературной эпохи-«матери» может быть один, два или даже три «сына».

При этом оказывается, что представления о родстве «предков» и «потомков» могут не совпадать: несколько писателей-«отцов» могут одновременно «считать» одного и того же писателя своим «потомком». Подобные ситуации встречаются и в жизни, хотя, быть может, и не с такой регулярностью.

Кроме того, представляется целесообразным ранжировать детей одного «отца» по их «схожести с отцом» – т.е. по маркемной близости к «отцу»: вовсе не обязательно «сын» из хронологически ближайшего среза будет и маркемно ближайшим. Маркемно ближайшего «сына» можно назвать «любимым».

Учет только «любимых» литературных «сыновей», хотя и обедняет информацию, делает её рельефнее и выразительнее.

¹ Кретов А. А., Катов М. В., Фаустов А. А. Лингвостатистическая генеалогия в русской литературе XVIII – начала XX вв. // Проблемы компьютерной лингвистики : сб. науч. трудов / под ред. А. А. Кретова. Воронеж, 2010. Вып. 4. С. 114–125. В этой же статье содержится информация об авторах, объеме проанализированных текстов и методе исследования.

С нее мы и начнем наш маркемно-генеалогический анализ.

Т а б л и ц а

*Свидетельство авторов второй половины XVIII века
о «любимых сыновьях»*

Автор1	Автор2	Совпадений	С норм. весом	Срез	«Любимый сын»
Карамзин	Батюшков	20	0,51128	1	1
Кантемир	Баратынский	13	0,31460	1	1
Державин	Вяземский	22	0,46927	1	1
Третьяковский	Вяземский	12	0,26613	1	1
Майков	Гнедич	16	0,37092	1	1
Херасков	Гнедич	16	0,39264	1	1
Хемницер	Грибоедов	12	0,29363	1	1
Крылов	Загоскин	19	0,43466	1	1
Новиков	Загоскин	17	0,39589	1	1
Львов	Кюхельбекер	16	0,37757	1	1
Фонвизин	Пушкин	15	0,33584	1	1
Богданович	Рылеев	14	0,34065	1	1
Дмитриев	Рылеев	20	0,45147	1	1
Княжнин	Рылеев	16	0,41883	1	1
Ломоносов	Рылеев	16	0,39625	1	1
Муравьев	Рылеев	16	0,36502	1	1
Сумароков	Рылеев	19	0,43206	1	1
Радищев	Салтыков-Щедрин	14	0,29178	2	1
Капнист	Гаршин	7	0,19539	3	1

Таблица дает неожиданную информацию: из 19 авторов XVIII в. 6 авторов (Богданович, Дмитриев, Княжнин, Ломоносов, Муравьев, Сумароков) «считают» своим «любимым сыном» К. Ф. Рылеева.

По 2 «маркемных отца» «считают» своим «любимым сыном» Вяземского (Державин и Третьяковский), Гнедича (Майков и Херасков) и Загоскина (Крылов и Новиков).

5 авторов «считают» своим «любимым сыном» одного из авторов следующей литературной эпохи: Карамзин – Батюшкова, Кантемир – Баратынского, Хемницер – Грибоедова, Львов – Кюхельбекера, Фонвизин – Пушкина, Лермонтова и Батюшкова.

«Любимый сын» Радищева – Салтыков-Щедрин отделен от своего «маркемного отца» целой литературной эпохой. А «любимый сын» Капниста – Гаршин отделен от своего «маркемного отца» двумя литературными эпохами.

Интересно, что если А. С. Пушкин (как один из 12 авторов первой трети XIX в. – наряду с Батюшковым, Бестужевым-Марлинским, Гоголем, Давыдовым, Загоскиным, Кюхельбекером, Лермонтовым, Нарезным, Одоевским, Погорельским, Полевым) своим «литературным отцом» среди писателей XVIII в. «считает» Н. М. Карамзина, то сам Н. М. Карамзин в этом срезе «считает» своим литературным сыном только Батюшкова.

Пушкина же своим литературным сыном «считает» Фонвизин. Так расходятся мнения «отцов» и «детей».

Правда, в 5 парах авторов мнения «отцов» и «детей» о литературном родстве совпали: *Державин–Вяземский, Дмитриев–Рылеев, Карамзин–Батюшков, Херасков–Гнедич, Хемницер–Грибоедов.*

В этих парах Державин «считает» своим «маркемным сыном» Вяземского, а Вяземский «считает» своим «маркемным отцом» Державина и т.д.

Такие пары авторов при исследовании маркемно-генетических связей уместно назвать *обоюдными* (т.е. взаимонаправленными). Думается, обоюдные связи обладают наибольшей степенью устойчивости и информативности и в силу этого заслуживают первостепенного внимания исследователей.

Таким образом, из 21 лишь 9 авторов среза XIX-1 были признаны «детьми XVIII века». Среди них преобладают архаисты. Исключение составляют «дети» новаторов XVIII в.: Пушкин, «признанный» Фонвизин, и Загоскин, «признанный» Крыловым и Новиковым. Показательно, что тот же Фонвизин «признал» своими «маркемными сыновьями» также Лермонтова и Батюшкова, уступивших Пушкину

совсем немного: близость к Фонвизину Пушкина – 0,3358, Лермонтова – 0,3314, Батюшкова – 0,3312.

Баратынского несколько неожиданно «признал» своим «маркемным сыном»... Кантемир (!), что является серьезным основанием для отнесения Баратынского к «архаистам» среза XIX-1.

Полными «маркемными сиротами», не признанными «отцами» XVIII в., оказались следующие 9 авторов среза XIX-1: Бестужев-Марлинский, Веневитинов, Гоголь, Д. Давыдов, Дельвиг, Жуковский, Погорельский, Полевой, Языков.

В срезе XIX-1 Радищев «признал» своим сыном (правда, не самым любимым) Одоевского, а Капнист – Кольцова (при том, что сам Кольцов «считает» своим литературным отцом Дмитриева).

Е. О. Козюра

ТЕНЬ БОБРОВА: К ИСТОЧНИКАМ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА» (2, XIII, 7)

«Меня ввелъ во искушеніе Бобровъ; онъ говоритъ въ своей Тавридѣ: *Подъ стражею скопцевъ Гарема. Мнѣ хотелось что-нибудь у него украсть*»: так в письме к Вяземскому Пушкин прокомментирует строку о *хладном скопце* из «Бахчисарайского фонтана». Новейшие разыскания показали, что воздействие *Лирико-Эпического песнотворения* Боброва (причем, скорее всего, его второй редакции, «Херсониды») на Пушкинский текст было гораздо более существенным, чем «кража» одного стиха². Отзвуки «Тавриды» есть и в нескольких строфах «Евгения Онегина»³, а в на-

¹ Сочинения Пушкина. Переписка / подъ ред. и съ примеч. В. И. Саитова. СПб., 1906. Т. I. С. 85.

² См. комментарий О. А. Проскурина к «Бахчисарайскому фонтану» в кн.: *Пушкин А. С.* Сочинения. М., 2007. Вып. 1, Поэмы и повести. Ч. I. С. 275, 289, 311, 314, 316, 321, 325, 329, 332, 335, 337, 346, 351.

³ Сочинения Пушкина. Т. III / подъ ред. В. Е. Якушкина и П. О. Морозова. СПб., 1912. С. 289 (2-я паг.); *Коровин В. Л.* «Над их бровями надпись ада...»: (о шуточной цитации Данте в «Евгении Онегине» и ее незамеченном образце в «Тавриде» С. С. Боброва) // Литературоведческий журнал. 2015. № 37. С. 82–88.

чале восьмой главы романа современный исследователь усматривает сходство с автобиографическим вступлением к другой поэме *русского Томсона*, «Древняя ночь вселенной, или Странствующий слепец»⁴. В библиотеке Пушкина имелась вторая часть «Древней ночи»⁵, и участь «Тавриды» ее не обошла, ведь может статься, что в хрестоматийном фрагменте строфы XIII второй главы «Онегина» одна строка «украдена» именно оттуда:

Они сошлись: волна и камень,
Стихи и проза, ледь и пламень
Не столь различны межъ собой⁶.

В четвертой книге своей поэмы, рассуждая о *безумстве*, которое внезапно может постичь даже *мудрейшую голову*, Бобров говорит следующее:

Тогда Платонъ и Ирокезецъ
Не столь различны межъ собой
Какъ въ черной немощи страдалецъ
И обезьяна въ полномъ чувствѣ⁷.

Стоит указать, что первоначально в Пушкинском тексте были не *стихи и проза*, а *заря и полночь* (или *заря и ночь*)⁸: у Боброва с этой антитезой связана глубинная тема всей поэмы, о чем сам автор (обращаясь к *другу души*) скажет в «Объяснительном содержании иносказательной Эпопеи в сей книге»: «Ты видѣль, что Я съ симъ слѣпцомъ скитался во мракѣ *нощи* до небесной *зари*»⁹.

В отличие от других Пушкинских «плагиатов», отмеченных «смещением основного эмоционального тона»¹⁰ цитируемых строк (от серьезного к ироническому et vice versa),

⁴ *Коровин В. Л.* Пушкин – Овидий – Бобров : (о начальных строфах главы восьмой «Евгения Онегина») // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2007. Т. 66, № 3. С. 44–47.

⁵ *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина. СПб., 1910. С. 13.

⁶ Евгений Онегинъ, романъ въ стихахъ. Сочинение Александра Пушкина. Издание третіе. СПб., 1837. С. 50.

⁷ Древняя ночь вселенной, или Странствующій слѣпецъ. Эпическое творение Сем. Боброва. СПб., 1809. Ч. II. С. 162.

⁸ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. : в 16 т. М. ; Л., 1937–1959. Т. VI. С. 275.

⁹ Древняя ночь вселенной. Ч. II. С. 321.

¹⁰ *Гиппиус В. В.* К вопросу о пушкинских «плагиатах» // Пушкин и его современники. Л., 1930. Вып. XXXVIII–XXXIX. С. 42.

здесь подобное смещение затрагивает текст-источник: на фоне Пушкинской строфы он воспринимается как пародия на нее. В то же время не исключено, что цитата из «Древней ночи вселенной» не только предлагает пародийную проекцию *разноты* двух героев, но и заключает в себе метапоэтический смысл: выражение *обезьяна в полном чувстве* могло вызвать у Пушкина ассоциации с его собственным лицейским прозвищем¹¹, и тогда «похищение» стиха из поэмы, в которой автор «Онегина» словно сам оказался вымышленным лицом, следует связать с основополагающим для Пушкинского романа приемом постоянной мены местами персонажей разных уровней текста¹².

¹¹ Лотман Ю. М. «Смесь обезьяны с тигром» // Временник Пушкинской комиссии 1976. Л., 1979. С. 110–112.

¹² Лотман Ю. М. Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин». Тарту, 1975. С. 80–81.

Е. Д. Толстая

ПРИЕМЫ РЕЧЕВОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В РОМАНЕ ТУРГЕНЕВА «НАКАНУНЕ»

1. **Недооценка Тургенева.** В страшном 1918 году оба лагеря разделенной гражданской войной России отмечали столетие Тургенева: в голодном Петрограде в чудом сохранившейся неполной подшивке газеты «Жизнь искусства» промелькнуло и оставалось долго незамеченным открытие В. Юзефовича о том, что рассказ «Живые мощи» имеет своей основой новеллу Ксавье де Местра «Прокаженный из Аосты». Оставались невостребованными и не переизданными и многие работы русских исследователей 1910-х годов, которые и сейчас читаются с интересом, – например, статья Овсяннико-Куликовского о религиозной теме в «Дворянском гнезде».

В 1920-х в основополагающих работах Л. В. Пумпянского закреплена роль Тургенева как родоначальника русской прозы, открывшего ее западным влияниям, как Пушкин – русскую поэзию. Но вскоре и Пумпянский, и западные

влияния стали неупоминаемы в русском литературоведении. С конца 1950-х гг., когда начала восстанавливаться традиция объективного исследования, создавались работы нового поколения исследователей Тургенева, от А. Г. Цейтлина до А. И. Батюто, В. М. Марковича, Р. И. Кафановой и др. Важным вкладом в новое прочтение Тургенева явилась глубокая книга В. Н. Топорова «Странный Тургенев» (1990), в которой различимо влияние замечательной биографии Тургенева, написанной в парижской эмиграции Борисом Зайцевым.

В XIX в. никто не сомневался в первенстве Тургенева в русской прозе. Наоборот, именно Тургенев казался Чехову главным «общим местом», которое надлежало спародировать, осмеять, вывести на чистую воду и так «вывести из системы». Прочтя и оценив, с помощью критиков Серебряного века, Толстого и Достоевского, читатель XX в. заодно усвоил и идею, что по сравнению с этими гигантами Тургенев кажется неглубок, «гладок» и «сладок»: Шестов упрекал Тургенева в недостаточной религиозности, Гершензон – в недостатке русского национального чувства, Анненский – в усталости, безжизненности, бегстве от любви. Топоров отмечал, что «ни один из классиков русской литературы XIX в. так много не потерял в мнении читателя века нынешнего, как Тургенев»¹. Тургеневское повествование в основном воспринималось как безыскусно «монологическое», в противовес «диалогу» Достоевского – хотя сам М. М. Бахтин признавал язык тургеневских романов «далеким от поэтического абсолютизма»². Правда, это и не двуголосое слово Бахтина: «Преломлять свои интонации в чужом слове Тургенев не любил и не умел. Двуголосое слово ему плохо удавалось... Поэтому он избирал рассказчика из своего социального круга»³.

2. **Многоголосие у Тургенева.** Кажется, однако, что все сложнее. Действительно, где-то по конец 1850-х Тургенев писал одноголосные повествования – повести и рассказы. Однако уже в первом романе, «Рудин», есть обогащающие

¹ Данилевский Р. Ю. Тургеневедение на родине писателя // Русская литература. 2000. № 6. С. 200.

² Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 129.

³ Там же.

стилевой ассортимент столкновения речевых масок (где полюса – это высокий немецкий штить Рудина и снижающий пафос Пигасова – женоненавистника, завистника интеллекта и врага фразы. Между ними располагаются Волинцев и Лежнев, вначале тоже антагонисты Рудина, и последовательный поклонник его Басистов). Главная тема романа – это толкования главного персонажа, от сатирических ранних и злоязычных современных свидетельств и до подводящих уважительный итог посмертных переоценок. В следующем романе, «Дворянское гнездо», стиливые столкновения происходят по линиям «Марфа Тимофеевна – Паншин» и «Лемм – Паншин», причем и за теткой, и за Леммом стоит немногословная «прекрасная душа» – Лиза и ее невербальные, но верные предпочтения, а с Паншиным, наоборот, впоследствии оказывается в стачке Варвара – образец безнравственности и дурновкусия. Другая линия стиливого спора противопоставляет вернувшегося в Россию из Парижа Лаврецкого (последние годы Николаевского царствования он провел там, «уча историю») – и застывший быт чуть ли не XVIII в., который до сих пор застоялся в его поместье. Врезка-инкрустация в начале «Дворянского гнезда», история трех дворянских поколений рода Лаврецов создает элегическую историософскую перспективу, в которой прошлое сводится в один континуум с современностью и нравственный выбор персонажей проецируется и на отыгранные предками варианты, и на память о «парижских» событиях и положениях.

Главным оператором перехода к более сложным идейным диалогам «Отцов и детей» и далее, к мощному разноязычию «Дыма» – целой ярмарки осмеиваемых идеологий, на наш взгляд, послужил роман «Накануне», писавшийся в самом конце пятидесятых. В этом романе перед нами, вдобавок к нейтрально-лояльному «всезнающему рассказчику», налицо как бы второй источник нарратива, умница и пересмешник, скульптор Шубин. Вместо агрессивного малокультурного антагониста – Пигасова или антагонистического носителя ложной, поверхностной культуры – Паншина в роли повествовательной альтернативы выступает здесь интеллигентный повествователь, культурно солидарный с рассказчиком, но гораздо более субъ-

ективный и ядовитый на язык (наподобие Лежнева, только моложе, острее и веселее: первоначально роман вообще излагался от лица Шубина в его дневнике). Большая часть «русских» глав его рассказывается с помощью этой переклички. Одни и те же темы то лирически возвышаются в элегической речи нарратора, то снижаются в остроумной и гибкой болтовне. Шубин – это «резонер» романа. Его часто парадоксальный взгляд на вещи позволяет внедрить неформальность, неожиданность, импровизацию как принцип рассказа.

Миры, которые сталкиваются в «Накануне», страшно далеки друг от друга. Здесь сюжет составляет романтический материал, история женской влюбленности, описанная, однако, с «реалистической» психологической подробностью. В сюжет влетены две главные фигуры, которые должны нести современные «тенденции» – идею национального освобождения и идею женской эмансипации. Обе эти фигуры, описанные так же «реалистично» и озабоченные идейной «злостью дня», тем не менее наводят на отчетливые мифопоэтические ассоциации и подчиняются законам явно романтическим – законам «рока» и «возмездия». Драма эта разыгрывается на мелкобытовом семейном и, шире, московском фоне, изображенном сатирически в приемах натурализма, часто с прямыми отсылками к гоголевским текстам. Отсюда действие переносится в Венецию, на международный простор, данный и в фактологии, и в пародии (монолог Лупоярова). Венецианский эпизод мобилизует все изобразительные силы автора, создавшего удивительный сплав романтизма с реалистическим письмом, отчасти напоминающим еще не родившийся импрессионизм.

Роман синтезирует все эти предельно далекие друг от друга художественные миры, растворяя их в роскошном многообразии русской речи. Можно сказать, что именно в изображении русской интеллигентной речевой стихии: шубинских программных разговоров об искусстве и вечных перебранок с Берсеневым, только с виду шуточных, как часто бывает между друзьями (или «друзьями»), а на деле довольно агрессивных; сухопарой риторики Инсарова, «экстремистских» речевых реплик Елены, фальшивых словоизлияний Стахова-отца, редких да метких, пронзительно

правдивых фраз матери Елены, – автор достигает реализма в его высшем понимании, т.е. множественности представлений о мире, явленных в слове, – социальной и культурной многоголосицы, воспетой Бахтиным⁴.

Не «Дворянское гнездо», отразившее возвращение писателя в Россию до начала новых веяний, и не «Отцы и дети», описывающие пореформенную ломку, а именно «Накануне» являет собой тургеневскую реакцию на предреформенное оживление. В «Накануне» языковая лава еще свежая и не затвердела – все еще плывет, и заново образуются слова, что для Тургенева вообще не очень характерно: «...надзиратели также тяготились незванным гостем: он то и дело приносил им какие-то, по их словам, премудренные книги о воспитании». Уважительное *премудрые* здесь слилось с пренебрежительным *мудреные*.

Другой пример: Берсенева призывает, на немецкий лад, к сочувствию, к эмпатии, а Шубин над ним иронизирует: «– Эх ты, *сочувственник!* – брякнул Шубин и сам засмеялся новоизобретенному слову».

3. **Брань.** Проследим, как именно «играет» в романе «агрессивное слово»: это в первую очередь слово Шубина.

Неловкого Берсенева он дразнит: «А то ты принял теперь какую-то псевдоклассическую позу, ни дать ни взять танцовщица в балете, когда она облакачивается на картонный утес». О матери Елены, которая его приютила и кормит, он говорит: «...она же моя благодетельница; но ведь она курица». О компаньонке Елены Зое он выражается весьма откровенно:

⁴ «Роман – это художественно организованное социальное различие, иногда разноязычие, и индивидуальная разноголосица. Внутренняя расслоенность единого национального языка на социальные диалекты, групповые манеры, профессиональные жаргоны, жанровые языки, языки поколений и возрастов, языки направлений, языки авторитетов, языки кружков и мимолетных мод, языки социально-политических дней и даже часов (у каждого дня свой лозунг, свой словарь, свои акценты), – эта внутренняя расслоенность каждого языка в каждый данный момент его исторического существования – необходимая предпосылка романного жанра: социальным различием и вырастающей на его почве индивидуальной разноголосицей – роман оркеструет все свои темы, весь свой изображаемый и выражаемый предметно-смысловой мир». (Бахтин М. М. Слово в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 76).

– Конечно, – перебил ее Шубин, – она хорошенькая, очень хорошенькая; я уверен, что всякий прохожий, взглянув на нее, непременно должен подумать: вот бы с кем отлично... польку протанцевать; я также уверен, что она это знает и что это ей приятно... К чему же эти стыдливые ужимки, эта скромность?

Он страшно обижается на Елену, которая дает ему понять, что он под стать не ей, а Зое: «–Вы хотите сказать, – продолжал запальчиво Шубин, – что я не стою другого общества, что я ей под пару, что я так же пуст, и вздорен, и мелок, как эта сладковатая немочка? Не так ли-с?» И бранит «эти свежие, пошлые щечки». Над Берсеневым, который успел в какой-то момент стать, как думает Шубин, его счастливым соперником в завоевании Елены, он издевается:

...а ты существо серьезное, ты нравственно и физически опрятная личность, ты... постой, я не кончил, ты добросовестно-умеренный энтузиаст, истый представитель тех жрецов науки, которыми, – нет, не которыми, – коими столь справедливо гордится класс среднего русского дворянства!

Хам Стахов оскорбляет Шубина: «Впрочем, я охотно вас прощаю, потому что, вы знаете, я невзыскательный человек». Но тот находит способ быстро поставить его на место: «–О, это не подвержено никакому сомнению! – промолвил Шубин».

Увару Ивановичу он адресует выражения иронического восторга в духе консервативной славянофильской риторики: «–Ах вы, представитель хорового начала, – воскликнул он, – черноземная вы сила, фундамент вы общественного здания! стихийный вы человек, почтенный витязь!»

Шубин способен на самоиронию: «Благоразумные мальчишки так гуляют по воскресеньям»: порой его горечь и агрессия оказывается направлена на самого себя: так, отвергнутый, он твердит «Мир моему праху!» Ревнуя, он сообщает Берсенева, теперь товарищу по несчастью, в духе бранчивой откровенности: «Мы будем, братец, в резерве, как некие ветераны, – шепнул Берсенева Шубин. – Там теперь Болгария, – прибавил он, показав бровями на Елену».

Пересказывая беседу с Инсаровым дамам, он аранжирует ее в ироническом ключе, упоминая «*непонятого, но великого* Венелина», «здоровье болгарского короля Крума, Хрума или Хрома, *жившего чуть не в Адамовы времена*». В ответ на попытку Инсарова вернуть разговор в нейтральное русло Шубин тихо хулиганит:

- В девятом столетии, – поправил его Инсаров.
- В девятом столетии? – воскликнул Шубин. – О, какое счастье!

В отсутствие Инсарова он не скрывает юмористического к нему отношения как к претенденту на современного «героя» (в это время Елена ищет «героев» в духе Карлейля и его культа героев – это как раз середина века). Герой для него возможен только в смысле доисторическом, примитивном – гомеровском или лубочном: «Ирой Инсаров сейчас сюда пожалует!» Раздраженный преувеличенным, как он считает, интересом к Инсарову, он грубит:

- Господин Инсаров молод? – спросила Зоя.
- Ему сто сорок четыре года, – отвечал с досадой Шубин.

Но самая резкая агрессия направляется им на мучительно ощущающуюся человеческую ущербность русского общества – таким болезненным контрастом оно выглядит на фоне европейских освободительных настроений, создающих совсем другой тип личности...

Нет еще у нас никого, нет людей, куда ни посмотри. Все – либо **мелюзга, грызуны, гамлетики, самоеды, либо темнота и глушь подземная, либо толкачи, из пустого в порожнее переливатели да палки барабанные!** А то вот еще какие бывают: до позорной тонкости самих себя изучили, шупают беспрестанно пульс каждому своему ощущению и докладывают самим себе: вот что я, мол, чувствую, вот что я думаю! Полезное, дельное занятие! Нет, кабы были между нами путные люди, не ушла бы от нас эта девушка, эта чуткая душа, не ускользнула бы, как рыба в воду!

Очаровательное легкомыслие Шубина приносит ему счастливые выражения и удачные каламбуры: «Стоит только турок вытурить, велика штука!»

Помимо Шубина, агрессивная сверхвыразительность попадает и в речь других персонажей, например, к Анне

Николаевне Стаховой, восклицающей в шоке от перемены, произошедшей с Инсаровым: «Боже мой, болгар, умирающий, голос как из бочки, глаза как лукошко, скелет скелетом, сюртук на нем с чужого плеча, желт как пупавка – и она его жена, она его любит... да это сон какой-то...»

И даже в авторский нарратив затесались несколько подобных выражений, например «*неблаговидный лакей*» – при том, что по-русски неблаговидным может быть только предлог – или «один уже совершенно *чирый* немец» в сцене скандала в Царицыно.

4. Косноязычие и оборванная речь. Именно в «Накануне» Тургенев вводит и иррациональные речевые элементы: косноязычие (у Увара Ивановича), или его фразы, часто имеющие эффект если не абсурда, то загадки, т.е. неочевидного смысла.

Увар косноязычен, толст, медлителен и ведет растительное существование.

И обычная-то коммуникация Увара односложна, но тяжелее всего ему интеллектуальное усилие:

...и только в затруднительных случаях, то есть всякий раз, когда ему приходилось выразить какое-либо мнение, судорожно двигал пальцами правой руки по воздуху, сперва от большого пальца к мизинцу, потом от мизинца к большому пальцу, с трудом приговаривая: “Надо бы... как-нибудь, того...”

Когда на прогулке в Царицыно Инсаров бойцовским приемом посрамил пристававшего к девушкам немца, бросив его в пруд,

...громче всех, и дольше всех, и неистовее всех хохотал Увар Иванович: он хохотал до колотья в боку, до чихоты, до удушья. Притихнет немного да проговорит сквозь слезы: “Я... думаю... что это хлопнуло?... а это... он... плашмя...” И вместе с последним, судорожно выданным словом новый взрыв хохота потрясал весь его состав. Зоя его еще больше подзадоривала. “Я, говорит, вижу, ноги по воздуху...” – “Да, да, – подхватит Увар Иванович, – ноги, ноги... а там хлопок! а это он п-п-плашмя!...” – “Да и как они это ухитрились, ведь немец-то втрое больше их был?” – спросила Зоя. “А я вам доложу, – ответил, утирая глаза, Увар Иванович, – я видел: одною рукой за поясницу, ногу подставил, да как хлопок! Я слышу: что это?... а это он, плашмя...”

При всей нечленораздельности Увар может быть довольно пронизателен: когда по прошествии некоторого времени после прогулки в Царицыно Елена, чтоб скрыть свое отчаяние, улыбается Увару и цитирует «Плашмя!», он вовсе не радуется ее вниманию, а встревожен; а когда Шубин, начав с похвал Инсарову, сворачивает на самого себя, Увар загадочно замечает: «Далека песня».

Гоголь с большим искусством изображал дефектную, скомканную, засоренную, обрывочную речь. Тургенев использует гоголевский прием не в целях потешной характеристики говорящего, а создавая эмоциональное наполнение в драматической, печальной сцене прощания, когда отцу Елены не удастся закончить ни одной фразы и вся его речь производит впечатление абсурда, с добавочным смыслом того, что ничего и нельзя было бы сказать и пожелать имеющего смысл в этой заведомо безнадежной ситуации. Николай Стахов появляется на проводах неожиданно: он осудил дочь и не желает с ней иметь ничего общего, но приезжает в последний момент с шампанским и дарит Елене ладанку-оберег. Его речь предваряется следующей фразой: «...Раздались поцелуи, звонкие, но холодные поцелуи разлуки, напутственные, недосказанные желания, обещания писать, последние, полусдавленные прощальные слова...» Эти-то *полусдавленные и недосказанные слова* и иллюстрируются речью Стахова:

– Ну! – сказал Николай Артемьевич, а у самого слезы так и капали на брововый воротник шинели, – *надо проводить... и пожелать...* – Он стал наливать шампанское; руки его дрожали, пена поднималась через край и падала на снег. Он взял один бокал, а два другие подал Елене и Инсарову, который уже успел поместиться возле нее. – *Дай бог вам...* – начал Николай Артемьевич, и не мог договорить – и выпил вино; те тоже выпили. – *Теперь вам бы следовало, господа,* – прибавил он, обращаясь к Шубину и Берсеневу, но в это мгновение ямщик тронул лошадей. Николай Артемьевич побежал рядом с повозкой. – Смотри ж, пиши нам, – говорил он *прерывистым* голосом.

Последняя фраза не прервана, зато говорится она прерывистым голосом.

5. Иррациональное в речи. Елена тайно посещает больного возлюбленного и уходит. Берсенев же остается ухаживать за Инсаровым.

- Один? – спросил больной.
  - Один.
  - А она?
  - Кто она? – проговорил почти с испугом Берсенев.
- Инсаров помолчал.
- Резеда, – шепнул он, и глаза его опять закрылись.

Этот пленительный абсурд таков лишь по видимости и только внешне неотличим от бреда тяжело больного. Это не заумь⁵. Ведь ранее Елена, надушенная резедой, уже посетила как-то раз Инсарова в его жилище: поэтому и теперь, находясь почти в бессознательном состоянии, он уверен в ее приходе. «Кто она – резеда» напоминает о куртуазном языке цветов (он имел восточное происхождение, был введен в Европе в конце XVIII в., а в России в 1830 г. книгой поэта Ознобишина) и о салонной игре в цветы, где надо догадаться, кто под каким цветком скрывается. Резеда в языке цветов значит «Как этот цветок тихо пахнет без богатства красок, так и ты обладаешь благодетельными талантами без внешнего блеска и пышности».

⁵ У Романа Якобсона есть ранняя статья «Заумный Тургенев», посвященная мемуарной заметке Жемчужникова о Тургеневе. В ней рассказывается о том, как он должен был обедать в лондонском закрытом (исключительно мужском) клубе, где обед был традиционным священнодействием. Тургенева этот неукоснительный ритуал разъярил – он вспоминал: «Я чувствовал, что у меня по спине начинают ходить мурашки. Эта роскошная зала, мрачная, несмотря на большое освещение, эти люди, точно деревянные тени, снующие вокруг нас, весь этот обиход начинала выводить меня из терпения!.. Мною вдруг обуяло какое-то исступление; что есть мочи я ударил об стол кулаком и принялся как сумасшедший кричать:

“Редька! Тыква! Кобыла! Репа! Баба! Каша! Каша!”».

Свое поведение Тургенев объяснил приятелям следующим образом: «Мочи моей нет! Душит меня здесь, душит! Я должен себя русскими словами успокоить». Якобсон показывает, как Тургенев ищет противоядие от гипертрофированного «мужского», «западного» начала, инсценирующего власть закона и ритуала, в фонетически и морфологически однородных существительных женского рода с «грубой» консонантной структурой, обозначающих аморфные продукты или овощи – основу национальной бедной кухни, или аморфную, бедную и простую женщину, – все предметы асоциальные и в обществе неупоминаемые, – таким образом «возвращаясь к своим “русским истокам”». См.: Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. С. 250–253.

6. **Заумь.** Задаёт тон в приемах фонетической сверхвыразительности опять Увар, который кричит щеголеватому гребцу «Ну, ну, фуфыря!» Подобно гоголевским героям, он «Раз только в жизни... пришел в волнение и оказал деятельность» – это случилось, когда он «прочел в газетах о новом инструменте на всемирной лондонской выставке: “контро-бомбардоне” и пожелал выписать себе этот инструмент, даже спрашивал, куда послать деньги и через какую контору». Увар изображает собой русскую неподвижность и косность, провинциальную до дикости, и его «контрабомбардон» – кстати говоря, в тогдашних газетах действительно мелькнуло упоминание об этом гибридном музыкальном инструменте – нужен как карикатурный сверхвыразительный звуковой образ глупости.

Как Гоголь с его номинативными фейерверками, Тургенев вообще охотно вставляет потешные фонетически выразительные фамилии лиц, в сюжете ничуть не задействованных, явно для бескорыстного удовольствия. Так, татарский князь *Ардалион Чукурасов*, родственник и благодетель Стаховых, никак не действует в романе. Зато его комическая фамилия упоминается несколько раз, похоже, только лишь для яркого фонетического мазка. Таким же образом, в чисто декоративных целях упоминается приятельница немки – любовницы Стахова *Августины Христиановны*, *Феодолinda Петерзильус*. Тем же целям служат упоминаемые в name-dropping Стахова-отца какие-то *подсалазкинские носы* или *перепревские затылки*.

Несколько иначе мотивированы другие, не менее живописные именованные: шубинский приятель пьяница *Харламтий Луцихин* – «первая московская воронка», или свалившийся на голову героям перед смертью Инсарова шут гороховый – энтузиаст *Лупояров*. Их имена, несмотря на кажущуюся абсурдность, все же хотя бы частично мотивированы. «Луцихить» по общему смыслу «опустошать» с добавочными коннотациями грубости и простонародности, поддержанными малоупотребительным в «образованном» секторе именем Харламтий, вторит характеристикам «пьяница» и «воронка». Персонаж Лупояров сочетает глупость, необразованность и интенсивность, которые и высвечиваются в его имени при помощи звукового на-

мека на глупость, ассоциаций с просторечным «лупить» (например, «лупить (зенки)» – смотреть бестолку, «лупить» – сильно бить, колотить, а также с корнем «яр-» с коннотациями древней / примитивной силы, напряжения, мощи, в особенности половой).

А. А. Фаустов

ОБ АВТОРСКОМ ПОВЕДЕНИИ Л. Н. ТОЛСТОГО: ВОКРУГ «КРЕЙЦЕРОВОЙ СОНАТЫ»

Н. Ф. Федоров не любил Льва Толстого, а «Крейцерову сонату» (1887–1889) не любил особенно. В набросках к статье о «Мертвых душах» (1898) философ назовет Толстого автором «...буддийского Евангелия, Крейцеровой сонаты, где, издеваясь над человеком, он во имя уничтожения требует воздержания, т.е. требует воздержания во имя блага, признавая за благо *ничто*, т.е. совершенно отрицая его...»¹. Парадоксальность этого решительного приговора в том, что на деле в тексте (и в авантекстах – восьми предварительных редакциях) толстовского «Евангелия» несложно найти лежащие на поверхности пересечения с мыслью Федорова. Ограничимся одним, но, пожалуй, самым весомым примером, который связан с диагностикой авторами современной жизни и который послужит для нас отправной точкой.

Позднышев ополчается на скрытое «властвованье женщин», которое сравнивает с денежной властью евреев (компенсирующей их столь же бесправное положение в обществе) и проявление которого усматривает в том, что на службу женщине поставлена едва ли не вся индустрия: «Сочтите все фабрики. Огромная доля их работают бесполезные украшения, экипажи, мебели, игрушки на женщин. Миллионы людей, поколения рабов гибнут в этом каторжном труде на фабриках только для прихоти женщин. Женщины, как царицы, в плену рабства и тяжелого труда

¹ *Федоров Н. Ф.* Собр. соч. : в 4 т. М., 1997. Т. 3. С. 535.

держат 0,9 рода человеческого» (26)². Такая феминократия напрямую смыкается с инфантократией. В вариантах восьмой – литографированной – редакции повести Позднышев сначала нарочито цинически рассуждает о том, что в материнском чувстве (в том его виде, какой оно получило в современном мире) нет ничего, кроме животной чувственности, обращающей ребенка в объект наслаждения и питающей страх объект этот утратить: «Ах, ручки! Ах, ножки!.. Ах, улыбается! Ах, всё тельце! Ах и чмокает, икает!» (318). В итоге ребенок превращается в идола, которому подчинено все вокруг: «...жизнь моя со всеми моими интересами всегда висит на волоске и зависит от здоровья детей, состояния детей, от учения детей. Дети – важное дело, что говорить, но ведь надо всем жить! В наше же время большим уже жить нельзя <...> Это какая-то вечная опасность <...> постоянно такое положение, как на гибнущем корабле» (318).

Близкую логику (с некоторыми отклонениями) обнаруживают и сочинения Федорова, который точно так же нападает в различных своих текстах на беззаконное господство женщин и детей – на настоящий «культ женщин и детей», представляющий из себя «отрицание или искажение религии»³. Феминократия истолковывается философом как сердцевина ненавистной для него промышленной цивилизации, которая предполагает наличие соответствующей иерархии зависимости: «...если женщины в промышленном государстве царицы, то танцовщицы и певицы – богини, а опера и балет – святая святых...»; «фабрики, подчиняясь женщинам, имеют и у себя рабов; рабы эти – все общества естествознания и вообще ученые общества...»; рабочим же в такой иерархии и вовсе уготовано место «обезглавленных», овеществленных существ – машин и клапанов⁴. А поскольку в «...царстве женщин, в том царстве, где *одеваться* составляет высшее искусство,

больше всего ценят тряпки...»⁵, то фабричная деятельность нацелена именно на их производство. И параллельно с этим мишенью для критики Федорова выступает инфантократия (в отличие от толстовской повести власть женщин и власть детей сопряжены здесь более сложным, опосредованным способом, чего мы сейчас касаться не будем): «...преобладание детей, вообще детского, над отцами и вообще отцовским можно считать характерной чертой настоящего времени; всякое уважение к высшим считается теперь пороком, и, напротив, дерзость признается доблестью»⁶. Вплетается в эту смысловую конструкцию и «еврейский» мотив. Оставляя в стороне стандартные для эпохи антисемитские ассоциации (деньги, обман и т.д.), отметим только важную для нас «уликовую» эквивалентность. В одной из статей Федоров называет индустриализм рабом семитизма и почти сразу после этого дает такое определение: «Индустриализм есть порождение половой страсти, страсти наряжаться, молодиться, бриться, румяниться...»⁷. Владычество еврейства и феминократия тем самым косвенно, но недвусмысленно соотносятся друг с другом⁸.

Все эти схождения (иногда даже лексические), вероятнее всего, не могут быть объяснены генетически, во всяком случае, если иметь в виду направление: от Федорова – к

⁵ Там же. С. 446. По всей видимости, это высказывание отсылает к известному пассажиру о нарядах женщины как о высоком искусстве из книги Э. Ренана «Марк Аврелий и конец античного мира» (1882), столь возмущившему и Толстого. В рукописи письма к Н. А. Александру (1882), к примеру, Толстой язвительно воспроизводит это место так: «Чего же еще. Легкомысленные люди считают занятие тряпками пустяками. Украшать женщину есть дело искусства, и еще высшего искусства, *grand art*» (30, 431). В тексте Ренана *тряпка – chiffon*.

⁶ *Федоров Н. Ф.* Указ. соч. М., 1995. Т. 1. С. 103.

⁷ Там же. Т. 2. С. 97.

⁸ Напомним в связи с этим, что в третьей редакции «Крейцеровой сонаты» возлюбленному жены героя – Трухачеву – будут приданы симптоматичные черты: «Все три (Трухачев и два его брата. – А. Ф.) были красивые брюнеты с чем-то еврейским в типе <...> Зад особенно развит, как у женщины» (382). В последней редакции останется только вторая часть этого портрета: «...с особенно развитым задом, как у женщины, как у готтентотов, говорят» (49). Попутно заметим сближение женского с первобытным, с природным, для философии Федорова основополагающее.

² Толстовские тексты цит. с указанием тома и страниц по: *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. : в 90 т. М., 1928–1958. «Крейцера соната» и другие тексты этого тома цит. с указанием страниц по т. 27.

³ *Федоров Н. Ф.* Указ. соч. С. 517.

⁴ *Федоров Н. Ф.* Указ. соч. М., 1995. Т. 1. С. 445–446.

Толстому. Речь тут явно должна идти об общности позиций. И это вынуждает задуматься об истоках неприязни философа к автору «Крейцеровой сонаты»⁹. Конечно (и такая мотивировка исследователями Федорова использовалась), можно сослаться на то, что мыслителя не устраивала толстовская апология исключительно «отрицательного целомудрия». В отличие от «положительного целомудрия» (обе формулы – из федоровского лексикона), оно бесплодно замкнуто на себе и никак не служит «общему делу» воскрешения отцов, замещению деторождения отцетворением. Если истолковать это психологически, то можно предположить, что Толстой в глазах Федорова должен был выглядеть как тот, кто не мог не быть союзником, но почему-то злонамеренно стал врагом, таким же «философом тьмы», как Ницше. «Крейцера соната» в подобной перспективе должна была восприниматься как пародия, а то и как пасквиль: вместо воскрешения отцов в повести демонстрируется (если не пропагандируется) убийство жен.

Такую интерпретацию нельзя сбрасывать со счетов, однако она, очевидно, является слишком широкой и слишком доктринальной, ориентированной на «догматику» федоровской концепции. Толстой при таком подходе измеряется смысловой шкалой, заданной системой Федорова, описывается на языке этой системы, кодифицированном ее создателем. Но дело здесь не только в асимметрии. Схождения текстов двух авторов обусловлены на другом уровне глубинными расхождениями, которые можно уловить лишь по ту сторону как учения Федорова, так и учения Толстого и которые ставят под вопрос доктринальную монолитность этих учений.

Начнем мы с обсуждения значимых для нас конструктивно-семиотических особенностей «Крейцеровой сонаты», некоторые из которых уже не раз были объектом внимания и раздоров исследователей повести. Прежде всего – о ее заглавии. Разумеется, в том, что она названа с помощью названия музыкального произведения, ничего

⁹ Насколько можно судить, единственным монографическим исследованием этого вопроса остается статья: *Mondry H. One or Two «Resurrections» in L. Tolstoy's Writing? (Fedorov and The Kreutzer Sonata) // Die Welt der Slaven. 1988. Jg. XXXIII. H. 1. S. 169–182.*

эксклюзивного нет. Любопытнее другое. У выбора заглавия есть отчетливая телеология. Как известно, в первых двух редакциях повести в роли соблазнителя жены героя выступал художник, в третьей редакции появился музыкант, в четвертой Толстой снова вернулся к версии художника, и лишь затем музыкант окончательно утвердился на своем месте. И такое предпочтение, как можно думать, определяется в первую очередь его нарративными последствиями. Бетховенская соната в повести служит референтом музыкального экфрасиса, причем этот вставной текст построен так, что исполнение сонаты вполне прозрачно уподобляется эротическому акту. Тем самым экфрасис дублирует, превосхищает в сжатой форме сюжет измены (реальной или мнимой), а в заглавии повести на первый план выдвигается та же функция обозначения целого (повести) как части (экфрасиса).

Аналогичный принцип (условно говоря – фрактальный)¹⁰, втягивающий в игру части и целое и запускающий механизм удвоений-повторений, действует и в масштабах всего нарратива. В продолжение точных наблюдений Ч. Айзенберга¹¹ заметим, что рассказывание Позднышевым своей

¹⁰ Мы будем пользоваться этим термином, не настаивая на его абсолютной строгости. Ср. анализ истории русской литературы под знаком реализации в ней двух противоположных семантических моделей – линейной и фрактальной: *Leonova M. Wandel der Sinn-genese in der russischen Literatur von der Romantik bis zur Postmoderne. Eine strukturelle Typologie. Wiesbaden, 2014.* Альтернативный фрактальности термин «геральдическая / зеркальная конструкция» («mise en abyme») менее удобен хотя бы потому, что особенно за последние четыре десятилетия породил огромное количество интерпретаций. Кроме того, как представляется, в случае толстовской модели мира уместнее говорить именно о фрактальности (впрочем, для М. Леоновой «Анна Каренина» как раз – пример линейной структуры). Попытку применить к исследованию Толстого понятие фрактальности уже предпринимала О. В. Сливницкая, но использовала его в излишне расширительном духе (ср.: *Сливницкая О. В. «Истина в движении». О человеке в мире Л. Толстого. СПб., 2009. С. 50–62.*

¹¹ *Isenberg Ch. Telling silence. Russian frame narratives of renunciation. Evanston (Illinois), 1993. P. 79–108.* Дальнейшее развитие этого подхода см. в статье: *Holland K. Genre and the Temptations of Narrative Desire in Kreutzer Sonata // Tolstoy Studies Journal. 2013. Vol. XXV. P. 1–14.* Ср. также интересные наблюдения над тем, как ведут себя в повести слова из

истории именно в вагоне поезда порождает двойной эффект. С одной стороны, такое ограничение пространства-времени само по себе сценизирует речь героя, а движение поезда, наделенное в повести возбуждающей, раздражающей энергией, подталкивает речь вперед: повествование как будто повторно реализует желание убийства. С другой стороны, подобная локализация события рассказывания устанавливает еще одну эквивалентность между всем нарративом в целом и его частью – между путешествием Позднышева в сюжетном настоящем и такой же поездкой героя в прошедшем, не просто предваряющей но, по существу, провоцирующей убийство жены («...с тех пор, как я сел в вагон, я уже не мог владеть своим воображением, и оно не переставая с необычайной яркостью начало рисовать мне разжигающие мою ревность картины, одну за другой и одну циничнее другой, и всё о том же, о том, что происходило там, без меня, как она изменяла мне» (66) и т.д.).

Работает на такого рода акцентированную разбивку повествования на части и один, также театральный по своему характеру, прием. Деление на главы в повести дополняют два не синхронизированных ни с ним, ни друг с другом способа членения текста. Во-первых, это вопросы и реплики спутников Позднышева (в первых двух главах), а потом (начиная с третьей главы) – уже одного рамочного рассказчика. Во-вторых, это повторяющиеся ремарки – фиксация рассказчиком «странных звуков», которые издавал Позднышев, курения, питья чая, а также различных жестов и движений героя. В результате наложения трех этих несопадающих рядов повествование приобретает синкопированный ритм, подчеркивающий дискретность нарратива и превращающий части в подобие тактов, которые соотносятся между собой не только линейно, но и в вертикальном, парадигматическом измерении.

Последнее вплотную подводит нас к вопросу, который дискутировался особенно интенсивно, – о степени близости между центральным героем, рассказчиком и автором

лексических групп «начала» и «конца», создающие впечатления движения внутри замкнутого круга: Wyman A. Discourse and intercourse in *The Kreutzer Sonata*: A Schelerian perspective // *Christianity and Literature*. 2015. Vol. 64, No. 2. P. 161–166.

(будем называть эти фигуры так, не вдаваясь в терминологические разбирательства¹²). Присмотримся сначала к одной текстологической закономерности. В первой редакции повести Позднышев едет вдвоем с дочерью и произносит свою исповедь (после того как девочка засыпает) перед всеми своими соседями по вагону. Но уже во второй редакции аудитория собственно исповеди сократится до рамочного рассказчика (а в третьей редакции он и вовсе будет единственным бодрствующим спутником героя). Начиная же с шестой редакции, Позднышев будет путешествовать один, без дочери. Вектор изменений прочитывается здесь более чем определенно. Оставляя героя, в конечном счете, один на один с рассказчиком, Толстой освобождает текст от элемента априорной – безотносительной к содержанию речи – симпатии к герою (которую вызывало присутствие рядом ребенка) и в то же время усиливает монологическую интенцию повести. Эту последовательную коммуникативную редукцию, фокусировку на нарративе Позднышева поддерживает и та роль конфидента (почти евангелиста, если вспомнить метафору Федорова), которую играет в повести рамочный рассказчик. Его главная миссия – слушание и пересказ услышанного, а она невозможна без некоторой принципиальной сочувственной установки. Причем в некоторых авантекстах расположение рассказчика к герою могло достигать очень высокого градуса: «Я не знаю, какое-то у меня странно особенное чувство к вам, – сказал я. – Я просто полюбил вас и как я готов вам всю душу открыть» (394). Неудивительно, что всё это давало повод исследователям считать повесть (вместе с послесловием к ней) едва ли не прямой проповедью, которая буквально внушает читателю: никаких «интерпретационных проблем с ней» быть не может¹³.

---

¹² Уточним лишь, что под автором мы понимаем субъект речи – эксплицитный в нефикциональных текстах и имплицитный в фикциональных текстах. Возможны здесь, естественно, и различные промежуточные, комбинированные или игровые варианты. К примеру, Автор в пушкинском «Евгении Онегине» (и подобных ему произведениях) может быть определен как квазиэксплицитное воплощение субъекта речи.

¹³ Ср.: Coetzee J. M. Confession and Double Thoughts: Tolstoy, Rousseau, Dostoevsky (1985) // Coetzee J. M. Doubling the Point. Essays and Interviews. Cambridge (Mass.) ; London, 1992. P. 257–264.

Между тем (и уяснение этого не требует каких-то изощренных интерпретационных уловок), герой повести как будто бы откровенно компрометируется автором. Достаточно указать на два обстоятельства, никак не стыкующихся с теми хорошо известными убеждениями, которые провозглашались Толстым. Во-первых, герой повести всё же – убийца; во-вторых, он постоянно курит и пьет крепкий чай, о котором рассказчик заметит (присоединившись к Позднышеву): «Чай, действительно, был как пиво, но я выпил стакан» (16); «Чай был страшно крепкий... <...> Я чувствовал, что меня волновали особенно выпитые мною два стакана. Должно быть, и на него действовал чай, потому что он становился всё возбужденнее и возбужденнее» (20). Первый момент в силу своей самоочевидности даже не предполагает комментария. А в связи со вторым сошлемся, помимо прочего, на специальную статью «Для чего люди одурманиваются?» (1890), хронологически соседствующую с повестью. Однако оба этих, на первый взгляд, несомненных, твердых факта обнаруживают при смене оптики некую внутреннюю рассогласованность.

Не предпринимая сейчас подробных разысканий, скажем лишь начерно, что когда Толстой протестует против идеи насилия, он целит прежде всего в насилие государственное, в санкционированные государством убийства. Когда же Толстой говорит об убийствах «частных», логика его может становиться иной. Это различие зримо воплощено в близком по времени к «Крейцеровой сонате» рассказе «Дорого стоит» (1890) (переложении в «народном» стиле отрывка из книги Мопассана «На воде»), фабула и мораль которого сводятся к тому, что убийцу оказывается дешевле отпустить на волю, чем казнить или содержать в тюрьме. На этом пути писатель мог заходить очень далеко. Так, в дневнике 1905 года мы можем прочесть: «Воля Бога – как бы цилиндр, в пределах к[отораго] направляется моя воля, давая мне благо или зло, но во всяком случае не выходящая из воли Бога. Убийство сейчас дурно, дурно для того, кто его совершает, но последствия его: раскаяние, жалость, возмущение производят тоже благотворное действие, как и добродетель самопожертвования, любви» (55, 121). Особенно выразительно здесь совмещение точек зре-

ния автора и убийцы: то, что убийство «дурно» для жертвы, выносится за скобки. В такой перспективе крайне любопытен набросок к монологу Позднышева в записных книжках 1889 года: «Я рад, что убил, я хоть полюбил бы ее. А если бы она сама умерла, я бы только радовался» (50, 215). И через некоторое время Толстой запишет: «Главная разница между нравств[енным] и безнр[авственным] человеком та, что 1-й помнит свои грехи и забывает свое добро, а 2-й наоборот» (50, 217). Поскольку Позднышев в повести явно раскаивается, то в такой системе координат он должен быть зачислен в разряд людей бесспорно «нравственных»⁴.

В иной смысловой плоскости, но так же расслаивается и вопрос об «одурманивании». Ключевой тезис статьи Толстого 1890 года (если опять-таки не расширять излишне контекст): люди одурманиваются для того, чтобы заглушить свою совесть, которая указывает им, что они живут и поступают недолжным образом. И в статье, и особенно в ее рукописных вариантах Толстой даже методично описывает то, на что именно в человеке разрушительно воздействуют те или иные «одуряющие» вещества. Так вот, если вино, согласно этой классификации, скрывает от чувств «требования совести», то табак ответственен за влияние на «совесть разума»: «Накурившийся человек <...> теряет сознание несоответствия своих мыслей и выражений их с требованиями разума» (547). И Позднышев, рассказывая свою историю, целиком придерживается толстовской логики. К примеру, описывая одну из ссор с женой, он вспоминает: «Опять хожу, курю, выпиваю за завтраком водки и вина и достигаю того, чего бессознательно желаю: не вижу глупости, подлости своего положения» (52). А ночь накануне рокового возвращения домой, после того как он получил от жены письмо с упоминанием о визите Трухачевского, ге-

⁴ Впрочем, самого Толстого подобный критерий явно смущал. В дневнике 1889 года он напишет: «Да, огромная ошибка это покаяние, раскаяние и искупление грехов чем-либо другим, чем то, что вытекает из самого сознания греха <...> Во всяком случае грех обявляет к деятельности, а не к покаянию» (50, 59). В этом смысле показателен грамматически странный оборот в той возможной реплике Позднышева из записных книжек, которую мы процитировали, – не «хоть полюбил», а «хоть полюбил бы».

рой проведет так: «Я закурил папироску и, как всегда бывает, когда вертишься в одном и том же кругу неразрешающихся противоречий, – куришь, и я курил одну папироску за другой, для того чтобы затуманить себя и не видеть противоречий» (64). Не преминет Позднышев сказать и о том, что на одной из железнодорожных станций он вышел, чтобы выпить водки. Все это в точности соответствует толстовской аналитике, однако парадоксальность ситуации в том, что осуществляет подобную аналитику в повести тот самый герой, который непрерывно курит и пьет – вместе с рассказчиком – крепкий, как пиво, чай. В свете идей Толстого монолог Позднышева, да и ответные реплики рамочного рассказчика должны были бы быть квалифицированы, другими словами, как типичный коммуникативный продукт «одурманивания»: «От этого эти не могущие иметь никогда никакого конца разговоры, которые не переставая происходят в накуренных комнатах с неугасаемыми папиросами во ртах, разговоры того особенного папиросочного характера, в которых все торопятся говорить, спорят, волнуются и никогда не могут сказать, зачем они говорят то, что говорят» (549). Но в повести это совсем не так. И это нарративное противоречие нуждается в объяснении.

В. Гольштейн написал о том, что Толстой хотел сделать из «Крейцеровой сонаты» памфлет против сексуальности, но помимо этого создал еще и портрет убийцы, пытающегося оправдать себя¹⁵. Однако, как мы думаем, толстовская авторская стратегия была в действительности иной, во многом противоположной. Предварительно ее можно было бы сформулировать так: несмотря на то, что герой – убийца и «одурманивающий» себя человек, это не закрывает для него пути к истине и даже, больше того, способствует вящему ее торжеству, поскольку она смогла явить себя и такому герою. (Добавим, что подобная стратегия при желании может быть встроена в универсальную сюжетную модель раскаяния грешника.) Но этим дело далеко не исчерпывается. Позволяя Позднышеву быть своим доверенным лицом (а то, что тематически это так, больших сомнений не вызывает даже у скептиков), Толстой исходит из некоторых фунда-

ментальных для него антропологических интуиций. Среди них – представление о текучести человека, ссылки на которую давно циркулируют в работах о писателе на правах общего места. Но мы хотели бы сосредоточиться сейчас на одном менее очевидном следствии из такого воззрения на консистенцию человека.

В дневнике 1890 года Толстой скажет: «Думал: по тому случаю, как некот[орые] люди относятся к Крейцеровой] Сон[ате] <...> Им кажется, что это нечто особенный человек, а во мне, мол, нет ничего подобного. Неужели ничего не могут найти? <...> Да, тоже важное и самое существенное деление людей: люди с раскаянием и люди без него» (51, 11). Умозаключение писателя радикально, даже ультимативно: если ты не можешь найти ничего общего между собой и убийцей, значит – ты человек «без раскаяния». А ответ на вопрос, почему, собственно, такое общее искать не безнадежно, возвращает нас к аксиомам толстовской антропологии. В дневнике 1889 года есть такое рассуждение: «Человек не бывает лучше другого, как не бывает место одной реки глубже или чище места другой реки. Человек течет, как река. И человек между 15 и 16 [годами] и другой между 25, 30, и 3-й между 40, 50, и 4-й между 4 и 5-м часом на [последнем] году своей жизни и т.д. – всё несоизмеримые величины. И нельзя сказать: Этот лучше или хуже» (50, 91–92). Вызывание развертывает не однажды открыто встречающуюся у Толстого метафору «человек – река». Но в этом дневниковом фрагменте и сама метафора обнаруживает подобную же текучесть. То, что в третьем предложении мы читаем о «несоизмеримых величинах», можно воспринимать как результат сравнения и разных людей друг с другом (об этом – первое предложение), и разных возрастов одного и того же человека (на это наводит второе предложение). Пример раздваивается на глазах, обнажая подспудную авторскую логику: текучесть любого человека – условие перетекания людей друг в друга и преграда для вынесения о ком бы то ни было определенных, окончательных оценок.

Диффузность человеческого существования и может рассматриваться в качестве материальной причины тех противоречий в конструировании фигуры Позднышева, о которых мы говорили: убийца и нравственный человек;

¹⁵ *Golstein V. Narrating the Murder : The Rhetoric of Evasion in «The Kreutzer Sonata» // Russian Literature. 1996. Vol. XL. P. 451–462.*

тот, кто «одурманивает» себя, и тот, кому открылась истина. В таком же ключе мы можем истолковать «союзнические» отношения между героем, рамочным рассказчиком и автором. То, что рассказчик участвует в «одуряющем» чаепитии, – не менее внятный, чем ассистирующая коммуникативная позиция, сигнал общности с героем. В свою очередь, тайный знак родства между автором и героем можно уловить на уровне именования. Внутренний смысл фамилии **Позднышев** не только проецируется на событийный ряд (о чем не раз говорилось), но и служит своеобразной авторской криптограммой. В толстовских дневниках используется устойчивая формула, с помощью которой писатель производил разметку и оценку своего времяпрепровождения, – «встал **поздно** / **позднее**», «лег **поздно**». Герой, рассказчик и автор связаны в повести круговой порукой доверия, возникающей постольку, поскольку они, в определенном смысле, представляют собой рефигурации друг друга. И ту же закономерность, в другой огласовке, мы наблюдаем внутри нарратива героя. Когда Позднышев рассказывает о своей жизни не как о чем-то особенном, а как о типичном случае («Жил я до женитьбы, как живут все...» (16) и т.д.), то это не адвокатская хитрость преступника и не простое социологическое обобщение, а констатация того, что история героя в действительности – возможная история любого человека.

Так мы вновь сталкиваемся с фрактальным принципом соотношения частей и целого, только теперь он распространяется не на внесубъектную, а на субъектную сферу текста, определяя как бы форму текучести человеческой природы. Разумеется, полного иконического соответствия между двумя этими областями не может быть уже потому, что субъектная сфера организована иначе: считать автора аналогом целого допустимо лишь с оговорками¹⁶. Но

¹⁶ Сошлемся, впрочем, на одну русскую философскую концепцию, в которой последовательно развивается как раз идея о включении субъектов друг в друга. Мы имеем в виду учение Л. П. Карсавина о коллективной, симфонической личности. Некоторые размышления в подобном направлении можно встретить и у Толстого. Ср., напр., в дневнике 1897 года: «Почему не предположить, что мы все – частицы сознания других, высших существ, таких, какими мы будем» (53, 162).

применительно к Толстому уяснение статуса автора в такой фрактальной диспозиции напрямую сопряжено еще и с особенностями онтологии и теологии писателя. Согласно более или менее каноническому пониманию (опирающемуся на ряд прямых высказываний Толстого), Бог для писателя – это Всё, а человек – часть Всего, так что перед нами что-то вроде синекдохи¹⁷. Однако такое понимание (в общем – справедливое) не учитывает те регулярно возникавшие перед Толстым сложности и противоречия, которые порождает толкование того, что есть часть. Не попытаюсь обозреть здесь все повороты мысли писателя, мы обозначим лишь важные для наших целей линии ее напряжения.

В текстах Толстого действительно нетрудно отыскать суждения, которые работают на фрактальную трактовку его богословских умозрений, к примеру (в дневнике 1889 года): «Я такой же, как и Отец, как говорил Иисус, но я его орган, клеточка и всё тело. Отношение подобное» (50, 44). Однако наряду с такими суждениями можно легко найти и другие, им контрастные, да и в самой фрактальности у Толстого, если в нее взглядеться, открывается нечто странное. Вообще, в творчестве писателя можно выявить два основных вектора, по которым выстраиваются подобные размышления.

В соответствии с одним, человек / человеческая жизнь – это часть Всего, то есть то, что Всему причастно, и Толстой в такого рода контекстах прибегает к метафорам органа, клеточки / клетки, капли крови, капли и т.п. Но и здесь есть некоторые любопытные акценты. Начнем с того, что такая причастность не есть что-то само собой разумеющееся, изначально данное; в дневнике 1890 года читаем: «...жизнь наша не есть что-либо цельное, законченное, а есть часть чего-то несоизмеримо огромного, есть конечная частица бесконечного. Дело всё только, чтобы часть прилаживалась как должно к целому» (51, 19–20). Такая причастность, иначе говоря, разворачивается во времени и предполагает преодоление, разоблачение иллюзорного представления о цельности, замкнутости на себе человеческой жизни. И с этим

¹⁷ Ср.: *Густафсон Р. Ф.* Обитатель и Чужак. Теология и художественное творчество Льва Толстого (1986). СПб., 2003. С. 103–119; *Сливущая О. В.* Указ. соч. С. 7–20.

непосредственно перекликается другой смысловой акцент. Само существование частей – это плод разделения целого; Толстой обычно объясняет наличие отдельных, ограниченных форм тем, что в мире, который подчинен законам пространства-времени (или, в другой транскрипции, – материального движения), Бог иначе проявить себя не может. Но для самого Бога, в Его перспективе ничего отдельного нет. В итоге мы приходим к модели, хорошо известной самым разным мистическим доктринам, – к взгляду на существование человека и мира как на цикл, включающий их отделение, отпадение и возвращение в лоно Бога, целого. В таком ракурсе причастность (а в других категориях – любовь) парадоксально оказывается у Толстого тем, что должно привести, в конце концов, к исчезновению части как таковой или, в более мягкой версии, к ее преобразению во что-то другое, расположенное на уровень ближе ко Всему (ср., например, в дневнике 1895 года: «В прежнем существовании я, не будучи человеком, любил то, что составляет духовное существо человека, и перешел из низшей ступени существования на ту, кот[орую] я любил. Теперь я люблю нечто высшее и перейду в ту форму существования, к[ото]рая] соответствует моей любви. И так форм существования может быть бесчисленное количество» (53, 63)). А если это так, то мы имеем дело не просто с фрактальностью, но с фрактальностью, которая саму себя отрицает, обнаруживает себя как промежуточный – условный и временный – фазис на обратном пути части к целому, как об этом афористически загадочно сказано в дневнике 1897 года: «Капля, сливаясь с большей каплей, лужей, перестает быть и начинает быть» (53, 231).

Неудивительно поэтому, что второй вектор размышлений Толстого о природе части запускает совсем иную метафорическую концептуализацию этой категории. В дневнике 1904 года утверждается: «Бог живет во мне или, скорее, через меня, или, скорее: мне кажется, что есть я, а то, что я называю мною, есть только *отверстие*, через к[оторое] живет Бог» (55, 6). Человек здесь – не присутствие (пусть и вынужденное и недолговечное), а отсутствие. Отверстие мы никак не можем квалифицировать как часть целого; в лучшем случае, его можно было бы назвать античастью,

назначение которой – служить ограничивающим контуром для прохождения Всего. Это что-то вроде дыры в том месте, где могла бы возникнуть фрактальная структура. Есть в толстовских текстах и аллегорическое изображение такого механизма существования, который можно определить как антипричастность. В дневнике 1889 года Толстой сравнивает живые существа с трубочками, а Бога – с жидкостью / газом / светом, которые протекают сквозь них: «Мы можем совсем пропускать свет и можем загораживать его на время. – То, что мы называем своей жизнью, личной жизнью – это способность стать поперек свету – не пропускать его, истинная же жизнь есть способность стать так, чтобы пропускать свет вполне, не задержива[ть] его. Но когда человек стал так, движение его жизни кончается» (50, 190). Истинная жизнь, одним словом, синонимична исчезновению, смерти. Трубочка не способна уподобиться свету, но способна повернуться навстречу ему и как бы целиком превратиться напоследок в отверстие. Утрачивая при этом свою собственную предметную форму, она придает ее на мгновение свету, получившему возможность сквозь трубочку пройти. Больше того, при правильном нацеливании сознания человек еще в этой жизни в состоянии увидеть окружающее под знаком такой антипричастности. В дневнике 1907 года Толстой напишет о своей внучке: «...теперь для меня маленькая Таничка есть уже не определенное существо, а изменяющая[ся] форма проявления духа» (56, 6). То, что могло бы восприниматься как часть целого, на наших глазах развоплощается.

В итоге мы можем сказать, что в толстовском мире реализованная до конца фрактальность – это даже не отрицающий себя принцип, а принцип отменяемый, отбрасываемый, но в таких ситуациях, в которых он мог бы начать действовать. И этот уклон в онтологии и теологии писателя позволяет выявить особый семиотический срез в отношениях между автором, рассказчиком и героем «Крейцеровой сонаты», а шире говоря – в авторском поведении «позднего» Толстого, когда он сделался борцом со всяческим идолопоклонством и ниспровергателем искусства (в том числе своего собственного). Если считать автора аналогом Бога, целого, то в субъектной сфере фрактальность как таковая

может воплощаться лишь в фикциональных текстах, которые предполагают наличие в своем составе других – эмансипированных от автора – субъектов, частей целого. И наоборот: фрактальность, сходящая на нет (как у Толстого), в таких субъектах не нуждается, а следовательно, не нуждается и в фикциональном дискурсе. Поэтому общеизвестная перестройка «позднего» творчества Толстого (с креном в сторону нефикционального или полуфикционального) может рассматриваться как эффект, прямо обусловленный тем двойственным, колеблющимся статусом фрактальности, которым она обладала в онтологии и теологии писателя. С этой точки зрения то, что по следам «Крейцеровой сонаты» Толстой напишет и выпустит послесловие к ней, выйдет не просто как плод желания объясниться с недоумевающими и возмущенными читателями, но как преодоление фрактальности, как выход на литературную сцену в роли эксплицитного субъекта речи – того, кто сошел с Богом. Эта позиция проявляется даже в стилистике послесловия, откровенно имитирующей (и пародирующей) ветхозаветный слог. По пунктам излагая те пять истин о ложных устоях общества, о которых он хотел сказать в повести, Толстой всякий раз (с небольшими разночтениями) будет предварять очередной вывод из произнесенного констатацией: «И я полагаю, что это нехорошо».

Те размышления Толстого, которые мы комментировали под знаком фрактальности, содержат в себе и еще один крайне важный момент, который возвращает нас к тому, с чего мы начали статью. Во всех приведенных (и подобных им) контекстах бросается в глаза то, что Толстой говорит почти исключительно о связи между частью и целым, умалчивая о связи между частями, которые предстают экстенсивно сосуществующими друг с другом. В тех редких случаях, когда он рассуждает и об одном, и о другом, доминирующей является опять-таки вертикальная ось, а не горизонтальная, причем даже совместить их оказывается для Толстого трудноразрешимой задачей. Сошлемся на два красноречивых фрагмента из дневника 1907 года. В первом из них любовь между частями выводится из их причастности целому, и при этом характерно ставится под вопрос само понятие любви: «Любовь есть только последствие бо-

лее или менее ясного сознания своей причастности Всему. Пальцы руки не любят друг друга, а живут общей жизнью. Они не поняли бы, что такое любовь» (56, 42). Во втором фрагменте Толстой пытается избрать противоположный логический ход и под конец свое умозаключение решительно перечеркивает: «Как же капле крови не любить всего тела. Если она любит другую каплю, то прежде люби[т] все тело. (Чепуха.)» (56, 354).

В перспективе учения Толстого смысловые пропуски и рассогласования в подобных контекстах особенно неожиданны. Если транспонировать соответствующую логику в систему толстовских этических заповедей, то мы должны были бы получить «на выходе» много раз повторяющийся у писателя постулат о любви к Богу и любви к ближнему как о двух сторонах одного и того же. Но в действительности, как будет показано в другой работе, сама эта декларация отнюдь не лишена у Толстого внутренних противоречий: именно поэтому он ее столь часто и настойчиво провозглашает. На деле фигура ближнего всегда сохраняла для писателя свою проблематичность, будучи неопределенной (кто принадлежит к числу ближних?), вторичной (исходный пункт – это «Я», любовь к себе: «Люби ближнего значит то, что ты должен перестать любить себя больше всего» (44, 110)), несимметричной Богу («Любовь к ближнему есть частный случай. Ближний может быть и не быть. Бог же всегда есть...» (44, 142)) и т.д. Как и в случае с частями и целым, магистральной линией здесь выступает вертикаль: она ведет от «Я» к Богу, а ближнего (и любовь к нему) приходится как-то к этой линии подстраивать¹⁸. Вопреки доктринальным утверждениям Толстого, ближний у него скорее препятствие на пути ко Всему, чем необходимый объект любви. С эмблематической рельефностью подобное двоение этой фигуры запечатлено в знаменитом финале

¹⁸ В исследованиях психоаналитического толка такое положение дел не раз истолковывалось как нарциссическое и т.п. Ср. фундаментальное, опирающееся на исчерпывающее знание источников исследование: Ранкур-Лаферьер Д. Лев Толстой на кушетке психоаналитика. Женоненавистничество, мазохизм и ранняя утрата матери (1998) // Ранкур-Лаферьер Д. Русская литература и психоанализ. М., 2004. С. 541–858. Там же см. подробную библиографию вопроса.

«Смерти Ивана Ильича» (1886), где умирающему заглавному герою чудится, что он движется через «черную дыру» к свету впереди, и где он, обращаясь к жене, совершает оговорку: «пропусти» вместо «прости».

В проекции на «фрактальные» размышления Толстого можно сказать, что само наличие множества клеток, капель, трубочек и т.п., создающее для них почти невыполнимую задачу обретения единства друг с другом, еще и затрудняет приобщение каждой их них к целому. Толстой поэтому мог даже призывать совсем отказаться от поисков дороги к другим как от самостоятельной цели, в надежде, что цель эта будет достигнута постфактум, сама собою. В «Пути жизни» (1910) читаем: «Людей так много, и все они такие разные. Как же быть? <...> Одно только средство: забыть о людях, не думать о том, чтобы соединиться с ними, а думать о том, чтобы соединиться с тем единым духовным существом, которое живет во мне и во всех людях» (45, 47–48). Но если фигура ближнего и вообще была для Толстого онтологически неудобной, то вдвойне неудобной для него была фигура женщины (толстовский взгляд маскулиноцентричен). С одной стороны, женщина вносит глубинную неоднородность, раскол на два пола в человеческий мир, который должен был бы состоять из подобных друг другу текучих созданий, проникнутых стремлением сделаться поистине ближними, братьями. С другой стороны, женщина вызывает, «разжигает» у принадлежащих к иному полу потребность в образовании с ней своего рода агрегаций, в телесном «слипании» (не одна клетка, а сдвоенная клетка, почти раковая клетка), перекрывающем возможность установления связи между частью и Всем – неважно, в форме причастности или антипричастности. Существование женщины подрывает сами основы фрактального мироустройства.

А. В. Жиркевич в своих воспоминаниях (1892) приводит обреченное суждение Толстого: «Великое, страшное дело брак. Справедливо сказано, что здесь “два существа сливаются в плоть едину”. Если муж или жена впоследствии окажутся несоответствующими их брачному союзу, то все-таки обрывать однажды устроенную связь нельзя. Это все равно, как если бы у человека была парализована одна по-

ловина тела. Он тяготится ею, она ему не нужна, причиняет страдания. А оторвать ее от себя он не может и принужден так терпеть до самой смерти»¹⁹. Грамматика сравнения тут подыгрывает неявной гендерной аксиологии Толстому, отклоняя в нужном направлении как будто бы равновероятное «если муж или жена»: *человек, он* – мужского рода; *половина, она* – женского. После того как возникла агрегация тел, человек (= мужчина) уже ничего не может поделаться с присутствием той женщины, которая «прилепилась» к нему, даже если она обращается в нечто почти овеществленное и не приносящее ему ничего, кроме мучений.

В этом смысле крайне показательна «Фемининная» топика «Крейцеровой сонаты», уже замеченная и по-своему истолкованная психоаналитиками, которая имеет ту же внутреннюю логику (оставляем сейчас за скобками различающуюся модальность). Женщина здесь – «средство наслаждения» (37), «орудие воздействия на чувственность», «опасный предмет», влияющий так же, как вино или табак: стоит только мужчине приблизиться к ней, как он тотчас же «...подпал под ее дурман и ошалел» (26). При этом эффект опредмечивания усиливается тем, что соматический образ женщины в повести лишен цельности, синекдохически представлен руками, задом, грудями и т.д.²⁰ Расщепляя реальность, женщина расщепляется и сама. Если мужчина – отдельная часть целого, то женщина – «сладкий кусок» (37), механический конгломерат прельщающих частей, множественность которых как будто служит тому, чтобы увеличить поверхность «одурманивающего» контакта с миром. К тому же подобное овеществление имеет и обратную сторону. Как и всякий злокозненный предмет, женщина скрывает в себе активность, не подчиняющуюся владельцу, тому, для кого она сделалась чем-то вроде гедонистического протеза. В первой редакции повести Позднышев сравнит такую внезапную манифестацию чужой жизни с тем, как «...если бы вы завели себе удобство – кресло у камина, чтоб отдыхать, и вдруг кресло поворачивается кверху ножками

¹⁹ Литературное наследство. М., 1939. Т. 37–38, кн. 2. С. 432–433.

²⁰ В специальном прояснении нуждается вопрос о том, как это соотносится с общей толстовской манерой метонимически описывать своих персонажей.

и заявляет свои желания – какие?...» (362). Не говорим уже о том (а из этого, собственно, и складывается предыстория убийства), что на такой предмет может посягнуть кто угодно. Но, так или иначе, соединившись с мужчиной «в плоть едину», женщина оказывается тем, что весьма затруднительно добровольно уступить, отделить, оторвать от себя. В той же первой редакции Позднышев саркастически обратится к своим попутчикам: «Как разойтись так по свободе, что вот им <...> понадобилась ваша вот эта рука, так что ж, – очень просто. Чем стесняться, пускай он возьмет мою руку да и пойдет. У него будет три руки, а у меня одна. И я спокойно так и отдам» (362–363).

Иначе говоря, тайная феминократия в толстовском мире вырастает из того, что женщина набрасывает на него сеть вождения, уловляя в нее ближних и отягощая их собою. Поэтому целомудрие, которое проповедовал Толстой, – совсем не «отрицательное целомудрие», как полагал Н. Ф. Федоров. Оно подразумевает возвращение в тот начальный пункт, в котором личность пребывает в состоянии отдельности, поскольку лишь из этого пункта возможно фрактальное движение к целому, к Богу. Во второй рукописной редакции послесловия к «Крейцеровой сонате» Толстой напишет о Христе: «Если же он говорил что про жену, то только то, чтобы человек оставил бы ее, если она мешает ему в достижении Царствия Божия. – Идеал Христа есть ни многобрачие, ни единобрачие, но целомудрие» (423). С оглядкой на только что приведенную реплику Позднышева можно даже заподозрить, что известные евангельские слова об отсечении соблазняющей руки, которые не раз цитировал Толстой (в том числе в качестве эпитафии к «Дьяволу» (1889, 1909 [?])), получают у писателя добавочное значение – освобождения от феминности.

А что же такое женщина у самого Федорова? Не пускаясь здесь в подробное расследование, сразу скажем, что феминная инстанция выступает у Федорова таким же врагом, как природа, которая завладевает человеком извне и изнутри (как похоть) и даже выступает в качестве образца и действующей причины устройства (и одновременно – расстройств) общества. По словам Н. П. Петерсона, ближайшего сподвижника философа, «...общество, созидаясь

по закону природы, стремится быть также организмом, поглотить личности, обратить их в органы; противясь такому... неестественному для них ограничению, личности в свою очередь стремятся к отдельному, независимому от общества существованию, т.е. к разрушению общества...»²¹. «Организмическая» метафора получает здесь совсем иной знак, чем в толстовской мысли. Природа у Федорова живет не по законам фрактальности, а по законам борьбы за господство между целым и частями. В одном из текстов философ даже интерпретирует природу как отпавшие от человека органы, которые нужно заново соединить и присвоить, освободив от диктата разобщающего вождения: «...органический мир – это органы, превратившиеся в особые существа... <...> Сознание у этих существ бессильно и даже не пытается руководить, управлять инстинктом размножения, и потому-то размножение <...> можно сказать, превращается в особое существование в бактериях, трихинах и т.п., проникает все поры вещества, живет на других существах, вселяется внутрь их»²².

Так вот, женщина у Федорова – такое же орудие энтропии, бесконтрольного и бессмысленного рассеивания энергии, размножения, которое поддерживает извечное господство времени и смерти. Поэтому успех «общего дела», перераспределение полномочий между отцовским и детским невозможны без сублимации феминности, без возвышения (или низведения) женщины только до дочери человеческой: «...регуляция внутренняя, психофизиологическая, даст перевес любви к родителям над половым чувством и похотью, и даже совсем заменит их, обращая силу рождающую в воссозидающую, умерщвляющую в оживляющую, т.е. заменяя деторождение отцетворением...»²³. Один из адептов Федорова, Н. А. Сетницкий, впоследствии прямо спроецирует эту стратегическую задачу на социальную плоскость и напишет о том (правда, не без некоторых оговорок, которые мы сейчас комментировать не будем), что в идеальном обществе будут царить только двусторонние отношения отцовства и сыновства: «В совершенном

²¹ Федоров Н. Ф. Указ. соч. М., 1995. Т. 2. С. 511.

²² Там же. Т. 1. С. 302.

²³ Там же. С. 407.

социальном единстве исключено всякое материнское (половое) начало и с этой стороны образы отцовства и сыновства очищены от привходящих в их состав представлений о половом происхождении родовых отношений, которые предполагают мать как первоисточник рода...»²⁴.

Одним словом, борьба с пагубным владычеством женщины, являющимся проклятием современной эпохи, вытекает у Федорова из необходимости отвоевать общество у природы, превратить природу в его безопасный филиал, а у Толстого – из необходимости отвоевать ближнего (= мужчину) у него самого и направить его на путь к обретению Царства Божия. Общее как будто бы дело оказывается у Федорова и Толстого разным делом. В «Крейцеровой сонате» этот расклад воплощен в самой нарративной организации. Безымянная жена Позднышева (вместе со всем ее окружением, включая женоподобного Трухачевского) – объект рассказанного рассказа, отчужденный, отодвинутый в сторону от героя, рассказчика и автора, которые объединены в один мужской союз и причастны к истине. Толстому ничего не оставалось делать, как Позднышева оправдать.

²⁴ *Сетницкий Н. А.* Избр. соч. М., 2010. С. 154.

К. А. Нагина

**ПОД ЗНАКОМ МЕДВЕДИЦЫ:
ОБ ОДНОМ СЮЖЕТЕ В ТВОРЧЕСТВЕ
Л. Н. ТОЛСТОГО**

«Медвежий» сюжет, ясно прослеживающийся в творчестве Л. Н. Толстого, развивается в нескольких направлениях. Первое, представленное в «Анне Карениной», связано с matrimониальной семантикой; к нему примыкает второе, опирающееся на мифологические представления славян о медведе как воплощении земли, мира предков; и, наконец, третье, разворачивающееся в пространстве поздних произведений писателя, соединяется с идеей непротивления злу насилием.

Когда Константин Левин приезжает в Москву, чтобы сделать предложение Кити Щербацкой, он встречает ее на катке в Зоологическом саду в сопровождении гувернантки. Называя свою воспитанницу «Tiny bear» – медвежонок, старая дама напоминает Левину «его шутку о трех барышнях, которых он называл тремя медведями из английской сказки». Причем сам Левин «решительно не помнил этого, но она уже лет десять смеялась этой шутке и любила ее»¹. Почему же эта «шутка» стерлась из памяти Константина Дмитрича и каковы истинные причины ассоциативного сближения трех сестер Щербацких с тремя медведями?

Первые главы «Анны Карениной» были напечатаны в январе 1875 года, как раз в период завершения работы над «Новой азбукой», в которую вошел перевод английской сказки «Три медведя», благодаря Л. Н. Толстому получившей столь широкую известность. Следовательно, перед нами – одно из собственных творчеством писателя пересечений сюжетов, над которыми он работал примерно в одно и то же время. Позволим себе напомнить, что в знаменитой сказке девочка, заблудившаяся в лесу, заходит в домик, где живут три медведя: большой, поменьше и самый маленький. Девочка поочередно пробует еду из трех чашек, по очереди сидит на трех стульях и лежит на трех кроватях, причем отдает предпочтение всему тому, что принадлежит медвежонку. В его кровати она и засыпает.

В романе «Анна Каренина» Константин Левин оказывается в положении девочки из сказки: он «влюбился в дом Щербацких. Как это ни странно может показаться, но Константин Левин был влюблен именно в дом, в семью, в особенности в женскую половину семьи Щербацких» (8, 29). Подобно героине, ставящей себя на место медведей, он поочередно примеривается к каждой из трех сестер, в итоге отдавая предпочтение меньшей: «Во время студенчества он чуть было не влюбился в старшую, Долли, но ее вскоре выдали замуж за Облонского. Потом он начал влюбляться во вторую. Он как будто чувствовал, что ему надо влюбиться в одну из сестер, только не мог разобрать, в какую именно.

¹ *Толстой Л. Н.* Собр. соч. : в 22 т. М., 1978–1985. Т. 8. С. 39. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте, первая цифра обозначает том, вторая – страницу.

Но и Натали, только что показалась в свет, вышла замуж за дипломата Львова. Кити еще была ребенок» (8, 30). После этого Левин уехал в деревню, а вернувшись, обнаружил, что «*Tiny bear* уже стал большой». «Он понял, в кого из трех сестер ему действительно суждено было влюбиться» (8, 30). Так обнажаются причины вытеснения этого сказочного сюжета из памяти героя. «Любопытное текстуальное подтверждение тому, что сказка актуальна для Толстого и на уровне описания», Б. Леннkvист обнаруживает в пассаже о трех сестрах Щербацких, «где они представлены от старшей к младшей по длине их шубок»²: «...подъезжали в коляске к Тверскому бульвару в своих атласных шубках – Долли в длинной, Натали в полудлинной, а Кити в совершенно короткой, так что статные ножки ее в туго натянутых красных чулках были на всем виду» (8, 30).

Сказочная история заканчивается бегством девочки из дома медведей, причем не последнюю роль тут играет медвежонок, обнаруживший девочку в своей постельке и завизжавший так, «как будто его режут» (10, 8). Первая попытка сватовства к Кити заканчивается для Левина «позором отказа» (8, 168), однако «медвежий» сюжет не заканчивается, как не остывает в сердце Левина любовь к «*Tiny bear*» Кити.

Занятый обычными для деревенского жителя весенними хлопотами, Константин Дмитрич пребывает в «счастлимом... расположении» духа (8, 177), когда к нему приезжает Степан Аркадьевич Облонский. Левин хочет узнать у него, не вышла ли замуж Кити, и чувствует, что в этот «прекрасный весенний день» «воспоминания о ней совсем не больно ему» (8, 177). Друзья отправляются на охоту, а Стива проявляет свойственную ему деликатность, не упоминая интересующий Левина предмет. Разговор идет о вопросах хозяйства, которое в этот период больше всего занимает Левина. «– Нет, ты счастливый человек», – замечает Облонский. – Все, что любишь, у тебя есть. Лошадей любишь – есть, собаки – есть, охота – есть, хозяйство – есть» (8, 180). Так охота утверждается в числе любимых занятий Левина. На охоте как раз и состоится разговор о Кити. Охотничье действие

оказывается вполне подходящим контекстом для этого разговора, поскольку добывание и поимка в славянской обрядовой культуре символизируют брак. Охота оказывается удачной: ягдташ Левина полон вальдшнепов, сраженных «красными молниями» из ружей стрелков – традиционными символами брачного союза земли и неба. К вечеру охота на птиц сменяется охотой на звезды: «Над головой у себя Левин ловил и терял звезды Медведицы» (8, 183).

На ночном небе герой видит и другие звезды: «Ясная серебряная Венера низко на западе уже сияла из-за березок своим нежным блеском, и высоко на востоке уже переливался своими красными огнями мрачный Арктурус. Над головой у себя Левин ловил и терял звезды Медведицы. Вальдшнепы уже перестали летать: но Левин решил подождать еще, пока видная ему ниже сучка березы Венера перейдет выше его и когда ясны будут везде звезды Медведицы. Венера перешла уже выше сучка, колесница Медведицы с своим дышлом была уже вся видна на темно-синем небе, но он все еще ждал» (8, 183). Глядя в небо, Левин спрашивает Стиву о Кити. Для Стивы вопрос о замужестве свояченицы звучит «неожиданно», но Константин Дмитриевич давно хочет задать этот вопрос. Созерцание созвездия Большой Медведицы придает ему силы: «Левин чувствовал себя столь твердым и спокойным, что никакой ответ, он думал, не мог взволновать его» (8, 184). «Толстой позволяет нам вникнуть в подсознание Левина, – комментирует эту сцену Б. Леннkvист, – оживает связь слов “*tiny bear* уже стал большой” с Большой Медведицей»³. Кити имеет своего двойника в звездном небе, тем более что звездная символика в этой сцене вполне прозрачна. Левин ждет, когда Венера, женская планета, символ небесной и земной любви, перейдет выше и ему полностью откроется созвездие Большой Медведицы, в которое, согласно древнегреческим легендам, была превращена Зевсом прекрасная нимфа Каллисто, спутница и подруга Артемиды. «Стражем медведицы» является ее сын, превращенный в звезду Аркutr, ярчайшую в созвездии Волопаса. Волопас – пахарь, правящий Большой и малой Медведицами, которые тянут за со-

² Леннkvист Б. Путешествие вглубь романа. Лев Толстой: Анна Каренина. М., 2010. С. 98.

³ Там же. С. 99.

бой плуг, возделывая небесные поля, «чтобы вращение небес никогда не прекращалось». Так звезды актуализируют два нераздельно связанных семантических поля, в которые вписан Левин: его любовь к Кити и приверженность труду, наделенному в романе сакральным значением.

Забегая вперед, скажем, что идея «вращения небес» путем «вспахивания небесного поля» парадигматически обнаруживает себя в финальной сцене романа, когда, в очередной раз глядя на звездное небо, Левин видит «знакомый ему треугольник звезд» и проходящий в середине его Млечный Путь. Он размышляет об «общем проявлении бога для всего этого мира со всеми этими туманными пятнами» (9, 415). «Разве я не знаю, что звезды не ходят? – спросил он себя, глядя на изменившую свое положение к высшей ветке березы яркую планету. – Но я, глядя на движение звезд, не могу представить себе вращения земли, и я прав, говоря, что звезды ходят. <...> И точно так же, как праздны и жалки были бы заключения астронавтов, не основанные на наблюдениях видимого неба по отношению к одному меридиану и одному горизонту, так праздны и жалки были бы и мои заключения, не основанные на том понимании добра, которое для всех всегда было и будет одинаково и которое открыто мне христианством и всегда в душе моей может быть поверено» (9, 415–416). К этому следует добавить, что, когда Левин трудится на земле, он не задумывается о смысле жизни, и, подобно Волопасу, вспахивающему небесные поля с помощью колесницы Медведицы, вспахивает поле земное, воспроизводя саму жизнь. Не случайно земледельческий труд Левина связывается с «вопросом об общем благе» (8, 378) народа и является для героя «единственной нитью в... темноте» (8, 387). Так звезды на ночном небе, увиденные Левиным, устойчиво сопрягаются с ситуацией труда и любовью к Кити.

В очередной раз звездное небо открывается герою Толстого после решения вопроса о покосе с мужиками «сестриной деревни». Вечером Константин Дмитрич любителю сценами «весеннего общего труда», испытывая «чувство зависти к людям, живущим» «трудою, чистой и общей прелестной жизнью» (8, 301). Глядя на звезды, он отрекается «от своих бесполезных знаний, от своего ни к чему не нужного образования» (8, 304) и даже задумывается о же-

нитьбе на крестьянке. «Перламутровая раковина из белых барашков-облачков», появившаяся в утреннем небе (8, 305), связывается им с переменной взглядов на жизнь. Но в следующую, уже «пасмурную минуту, предшествующую обыкновенно рассвету, полной победе света над тьмой», Левин видит едущую ему навстречу карету, в которой у окна сидит Кити, и в сердце Константина Дмитрича вновь вспыхивает любовь к ней. Перемены в настроении героя подтверждает небо, «в недостижимой вышине» которого «совершилась уже таинственная перемена. Не было и следа раковины, и был ровный, расстилавшийся по целой половине неба ковер все уменьшающихся и уменьшающихся барашков» (8, 306).

Следующая встреча Левина и Кити вновь проходит под знаком Медведицы. Сказочных и звездных медведей сменяет медведица из охотничьего сюжета. Когда Степан Аркадьевич приходит звать Левина на ужин, на котором хочет свести его со своей свояченицей, то в гостиничном номере вместе с хозяином застаёт тверского мужика, аршином измеряющего шкуру медведицы. Разговор идет об охоте и других «самых задушевных предметах»: «об отношении рабочего народа к земле» и мыслях о смерти, одолевающих Левина (8, 412–413). «Ведь весь этот мир наш – это маленькая плесень, которая выросла на крошечной планете», – говорит Левин Стиве, как бы вспоминая ночное звездное небо, увиденное им в середине лета. «Когда поймешь, что нынче-завтра умрешь и ничего не останется, то как все ничтожно! И я считаю очень важною свою мысль, а она оканчивается так же ничтожно, если бы даже исполнить ее, как обойти эту медведицу. Так и проводишь жизнь, развлекаешься охотой, работой, – чтобы только не думать о смерти» (8, 413). Не совсем понятно, что подразумевает герой под словами «обойти эту медведицу»: то ли обойти шкуру убитой медведицы, то ли «обойти» кругом место предполагаемой берлоги, как это обычно делается на охоте. Но одно несомненно: Толстой актуализирует символику медведя как «русского зверя, воплощения земли и мира предков»⁴.

⁴ Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие системы. Древний период. М., 1965. С. 160–161; Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1983. С. 185–212.

Ассоциативная связь между Левиным и медведем, возникающая на основе педалирования Толстым мотива медвежьей охоты, отчасти выстраивается на тех же основаниях, что и сновидческая встреча Татьяны Лариной с медведем в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: «Медведь – патрон зимней, то есть русской природы, – поясняет А. И. Иваницкий. – <...> “русский зверь”, прочитываемый исследователями романа как природный и национальный первопредок самой Татьяны»⁵. Встреча Татьяны с медведем «обеспечивает сохранение традиций, единство и непрерывность национального бытия»⁶. Левин, как и Толстой, «славянофил <...>, уверенный в существовании особой соотносительной гармонии между землевладельческой аристократией и крестьянством»⁷. Толстой эпохи «Анны Карениной» отказывается от мысли о том, что совесть и нравственность черпаются человеком в природе, люди уже не кажутся ему нравственными в их естественном состоянии. Нравственность передается через традицию – утверждает Толстой. Отсюда его интерес к народу – носителю мудрости и моральных истин. Земледельческий труд – часть крестьянской культуры, традиции, способ сохранения и «передавания жизни», что во многом интуитивно чувствует Константин Левин. Так что «медвежья» тема, связанная с ним, демонстрирует его приверженность к «почве» – тому крестьянскому миру, который сохраняет и передает земледельческую, культурную и религиозную традиции.

Участие Левина в медвежьей охоте приводит к тому, что его принимают за крестьянина. На вечере у Облонских в присутствии Кити Константин Дмитрич «весело и забавно» рассказывает о том, как, возвращаясь из Тверской губернии, где как раз и охотился на медведицу, он «в полушубке ворвался в отделение Алексея Александровича» Каренина, и «кондуктор, как и сам Каренин», хотел «по полушубку» «изгнать» его «вон» (8, 423).

⁵ *Иваницкий А.* «Зимний путь» у Пушкина («Национальная» природа – кухня истории как культуры) // *Slavica tergestina*. 1998. № 6. С. 14.

⁶ *Маркович В. М.* Сон Татьяны в поэтической структуре «Евгения Онегина» // *Болдинские чтения. Горький*, 1980. № 5. С. 75.

⁷ *Эйхенбаум Б. М.* Лев Толстой. Семидесятые годы. Л., 1974. С. 184.

В этой сцене актуализируется матримониальная символика, в славянской культуре присущая медведю, символу плодородия и плодовитости. В восточнославянском свадебном обряде жениха и невесту называли медведем и медведицей; увиденный во сне медведь предвещал женитьбу или замужество (как во сне Татьяны Лариной); не последнюю роль медведь играл и в любовной магии. Предметом обсуждения в гостиной становится сам Левин, его крепкие мышцы и смелость, проявленная в охоте на медведя. В разговоре участвует и Кити:

– ...для обрусения инородцев есть одно средство – выводить как можно больше детей <...>.

Все засмеялись, и в особенности весело Степан Аркадьич.

– Да, вот это самое лучшее средство! – сказал он, прожевывая сыр <...>.

– Этот сыр недурен. <...> Неужели ты опять был на гимнастике? – обратился он к Левину, левою рукой ощупывая его мышцу. Левин улыбнулся, напряжил руку, и под пальцами Степана Аркадьича, как круглый сыр, поднялся стальной бугор из-под тонкого сукна сюртука.

– Вот бицепс-то! Самсон!

– Я думаю, надо иметь большую силу для охоты на медведей, – сказал Алексей Александрович, имевший самые туманные понятия об охоте, намазывая сыр и прорывая тоненький, как паутина, мякиш хлеба.

Левин улыбнулся.

– Никакой. Напротив, ребенок может убить медведя, – сказал он, сторняясь с легким поклоном пред дамами, которые с хозяйкой подходили к столу закусок.

– А вы убили медведя, мне говорили? – сказала Кити, тщетно стараясь поймать вилкой непокорный, отскальзывающий гриб и встряхивая кружевками, сквозь которые белела ее рука. – Разве у вас есть медведи? – прибавила она, вполоборота повернув к нему свою прелестную головку и улыбаясь (8, 421–422).

Центральной фигурой матримониальной символики разговора здесь становится медведь, тем более что в действительности охотничьим трофеем Левина является медведица. Эту символику поддерживает сыр, упомянутый трижды, и грибы. В обычаях славян сыр был связан с культом продолжения рода и играл символическое значе-

ние в створе, предшествующем свадьбе, – «резании сыра про девку»⁸, а грибы в зависимости от внешнего вида могут быть «мужскими» и «женскими», наделяясь эротической и брачной символикой⁹. Во время беседы Левин чувствует себя «победителем», что справедливо подмечает его брат Сергей Иванович Кознышев. Это ощущение внутренней силы заставляет его умять свои охотничьи заслуги: он, безусловно, лукавит, когда говорит, что даже «ребенок может убить медведя». Подтверждением тому является рассказ «Охота пуще неволи», написанный в Л. Толстым в 1875 году во время работы над «Анной Карениной». В этом рассказе Л. Толстой описывает свой опыт медвежьей охоты. Охотясь в 1858 году под Вышним Волочком, писатель чуть было не расстался с жизнью: огромный медведь едва не откусил ему голову. На память об этой охоте остался шрам на лбу, который Лев Николаевич иногда показывал знакомым. Кстати, и Толстой, подобно Левину, своим внешним видом вводил в заблуждение незнакомых людей: его традиционный охотничий наряд состоял из простой блузы непонятного цвета, которая, как и полшубок Левина, скрывала его действительное положение в обществе¹⁰.

Главным охотничьим трофеем Левина становится Кити, о чем говорит готовность Константина Дмитрича вообще отказаться от медвежьей охоты, если «жена его не пустит». Об этом он сообщает своему товарищу по охоте, которого он весьма символично избирает свадебным шафером.

Б. Леннkvист предположила, что «физическая сила Левина, его нелюдимость и социальная “взъерошенность” могут вызвать ассоциации с медведем». Однако эта мысль представилась исследователю недостаточно убедительной, и она отвела герою роль «стража медведицы»¹¹. Но не стоит сбрасывать эти ассоциации со счетов: уже отмеченная

связь медведя с почвой и национальной традицией делает Левина активным участником «медвежьего» сюжета не только в роли «стража медведицы», но и самого медведя. Об этом свидетельствует и новое увлечение героя, сменяющее страсть к медвежьей охоте, – «охота медовая». Это сближение делается особенно прозрачным, если учесть этимологию слова «медведь» – «поедающий мед». В итоге «пчелиная охота» становится необходимым звеном в цепи событий, приведших Левина к обретению веры и смысла бытия¹².

Ассоциация «Левин – медведь» поддержана в творчестве Л. Толстого сближением на той же основе еще одного автореферентного героя с медведем – Пьера Безухова, и отталкиванием от медведя Алексея Вронского.

В сцене первого появления графа Безухова на страницах романа в салоне Шерер князь Василий называет его медведем: «Образуйте мне этого медведя» (4, 22), – обращается он к Анне Павловне. У хозяйки салона Пьер вызывает «страх, подобный тому, который выражается при виде чего-нибудь слишком огромного и несвойственного месту» (4, 15). В этом ключе любопытно сближение Пьера с фигурой ловчего Ростовых Данилы, основой для которого становится все тот же медведь. Появление Данилы в кабинете Николая напоминает появление Пьера в гостиной Шерер: «...видеть его в комнате производило впечатление подобное тому, как когда видишь лошадь или медведя на полу между мебелью и условиями людской жизни» (5, 255).

Сближение Пьера с медведем работает и в сцене дуэли с Долоховым. Вряд ли отчаянный бретер боится Пьера, однако тот вызывает у него вполне определенные ассоциации.

«Ежели ты идешь на дуэль и пишешь завещание да нежные письма родителям <...>, ты – дурак и наверное пропал; а ты иди с твердым намерением его убить <...>, – говорит он накануне дуэли Николаю Ростову. – Как мне говаривал наш костромской медвежатник: медведя-то, говорит, как не бояться? Да как увидишь его, и страх пропал, как бы только не ушел! Ну так-то и я» (5, 28).

«Медвежий» сюжет в линии Пьера поддерживается сценной пирушкой у Курагина и историей с квартальным. Одним из центральных персонажей «попойки» оказывается

¹² См.: Там же. С. 105–109.

⁸ *Бабурина К. Б.* Сыр в языке и обычаях русского народа. Русская речь. 1998. 2. С. 81–87.

⁹ *Белова О. В.* Эротическая символика грибов в народных преданиях славян // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996. С. 317–322.

¹⁰ *Никитина Н. А.* Повседневная жизнь Льва Толстого в Ясной Поляне. URL: <http://www.xliby.ru>

¹¹ *Леннkvист Б.* Указ. соч. С. 103.

медведь: «Трое возились с молодым медведем, которого один таскал на цепи, пугая им другого» (4, 42). Недюжинная физическая сила, чуть ли не равная медвежьей, позволяет Безухову «ухватить медведя, и, обняв и подняв его», «кружиться с ним по комнате» (4, 47). Эта сцена получает свое продолжение. Выходкой молодых людей веселят гостей в доме Ростовых на именинах Наташи, заставляя графа покатываться со смеху: «...Они втроем достали где-то медведя, посадили с собой в карету и повезли к актрисам. Прибежала полиция их унимать. Они поймали квартального и привязали его спина со спиной к медведю и пустили медведя в Мойку; медведь плавает, а квартальный на нем» (4, 50). К слову сказать, сцена, так позабавившая старого графа, вдохновила и карикатуристов сатирического журнала «Искра», популярного в России 1860-х годов. Картинка, изображающая квартального, плывущего на медведе, получила подпись в духе историософии автора «Войны и мира»: «Если б судьба не решила – квартальному плыть на медведе по речке... – многое б было на свете иначе»¹³.

Эта история с медведем всплывает и еще раз, когда Марья Дмитриевна будет отчитывать Пьера за дурное поведение: «– Хорош, нечего сказать! Хорош мальчик!.. Отец на одре лежит, а он забавляется, квартального на медведя верхом сажает. Стыдно, батюшка, стыдно! Лучше бы на войну шел. – Она отвернулась и подала руку графу, который едва удерживался от смеха» (4, 79).

Толстой наделяет Пьера некоторыми медвежьими чертами: он «толстый», крупный, неуклюжий, сильный и, если его разозлить, агрессивный и даже свирепый, что проявляется в сцене скандала с Элен. Теми же карикатуристами из «Искры» эти качества были обыграны в изображении Пьера, с доской в руках преследующего жену, причем герой в подписи именовался «проклятым медведем»¹⁴. Однако, как замечает Дж. Брукс, «привив Пьеру медвежьи черты, он (Толстой. – К. Н.) создал персонаж поразительной инаковости – обаятельного человека, заключенного в медвежьем обличьи. Пьер проходит через весь роман медведем – не-

прикаянный, не знающий, как себя повести, он часто до смешного нелеп, иногда жесток и временами по-звериному дик. Получился характер комический и в то же время слишком глубокий для комического, давший современникам и последующим поколениям пищу для множества трактовок»¹⁵.

В «объединении» Пьера с медведем и в эпизоде с квартальным Дж. Брукс обнаруживает «точечный» толстовский юмор, «украшающий самые неожиданные контексты». Природу этого юмора исследователь видит в смеховой культуре Руси, отказываясь от попытки «трактовать его в свете современной Толстому и знакомой ему европейской элитарной культуры, где печатная юмористическая продукция занимала... более видное место, чем в России». В этом смысле ключевой становится фигура медведя и его роль в русской культуре: «В европейской культуре того времени медведи держались в тени, выходя из нее прежде всего в качестве милостивых хозяев, приютивших Златовласку. Лишенные той всеохватной власти, которую они имели над русской фантазией, медведи в европейском сознании не обладали и внутренним напряжением, могущим породить юмор. Толстой же принадлежал к культурной традиции, в которой медведи были стихийной силой». Эту мысль исследователь подтверждает пространной иллюстрацией роли медведя в русской культуре. И в русском, и в европейском сознании медведь символизирует Россию и русских, что подтверждают, в частности, карикатуры западных художников времен Крымской войны, изображающие дикого медведя, который угрожает Турции. Древний культ медведя, его присутствие в народных сказках, выступления дрессированных медведей на рынках и ярмарках, приписываемая народным сознанием способность медведя к оборотничеству, наделение фольклорных и литературных героев медвежьими чертами – все это позволяет Дж. Бруксу проследить «ясную родословную» «толстовского медведя», восходящую к средневековой Руси: «Средневековый русский юмор до толстовских времен существовал в праздниках, играх, танцах и комических “амплуа” наподобие скоморохов, балагуров,

¹³ Брукс Дж. Лев и медведь : юмор в «Войне и мире». URL: <http://www.nlobooks.ru/node/1901>

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

раешников и юродивых. В романе эта сфера представлена “гусарами, барынями, ведьмами, паясами, медведями” и ряжеными на Рождестве». Смеховая народная культура, с точки зрения исследователя, сделала возможным и появление карикатур на «Войну и мир» в «Искре»: «Широкий и разнообразный спектр комического перекочевал из массовой и народной культуры в “Войну и мир” и в массовую культуру оттуда вернулся, аннулировав толстовскую серьезность». Своими рисунками карикатуристы «привязали Толстого к медведю и выкупали в Мойке»¹⁶.

Отчасти толстовский юмор направлен и на включение в «медвежий» сюжет одного из главных героев второго романа писателя – Алексея Вронского. Вернувшись домой, Алексей Александрович Каренин обнаруживает в собственной передней «красавца лакея в галунах и медвежьей пелеринке». Эта медвежья пелеринка не имеет ничего общего с медвежьей шубой Пьера, как бы являющейся его продолжением, и подчеркивает всю неуместность пребывания лакея Вронского, любовника жены Карениной, у того в передней. Некоторую трагическую комичность ситуации подчеркивает уменьшительный суффикс, превращающий массивную и теплую одежду в предмет гардероба городских модников.

Вронский не питает страсти к медвежьей охоте, но поневоле должен принимать в ней участие. Эта охота является пародией на ту, в которой участвует Левин, настоящий охотник на медведей. Медвежья охота с участием Вронского включается в ряд «специально русских удовольствий», которые он должен предоставить иностранному принцу, приехавшему в Петербург: «Вронскому, бывшему при нем как бы главным церемониймейстером, большого труда стоило распределить все предлагаемые принцу различными лицами русские удовольствия. Были и рысаки, и блины, и медвежьей охоты, и тройки, и цыгане, и кутежи с русским битьем посуды» (8, 389). Медвежья охота, включаясь в этот сниженный ряд, превращается в представление «русского молодечества» (8, 390). Вронским она воспринимается как тяжелая и постыдная обязанность, поскольку в принце он

с отвращением видит зеркальное отражение самого себя: «...он невольно видел в нем себя самого. И то, что он видел в этом зеркале, не льстило его самолюбию. <...> “Глупая говядина! – Неужели я такой?” – думал он». Впечатления от медвежьей охоты сливаются в сознании героя с «воспоминаниями безобразных сцен, виденных им в последние дни», и мужик-обкладчик, играющий «важную роль» в ней, превращается в кошмарный образ его сновидения: «“Что такое странное я видел во сне? Да, да. Мужик-обкладчик, кажется, маленький, грязный, со взъерошенной бородкой, что-то делал нагнувшись и вдруг заговорил по-французски какие-то странные слова <...> Но отчего же это было так ужасно?” Он живо вспомнил опять мужика и те непонятные французские слова, которые произносил этот мужик, и ужас пробежал холодом по его спине» (8, 391). Похожего «маленького» и «странного» «мужика со взъерошенной бородой» видит во сне Анна, и Вронский, слушая ее рассказ об этом сновидении, испытывает «ужас, наполнивший его душу».

Так медвежья охота становится в ряд общих для Вронского и Левина занятий: семейной жизнью, сельским хозяйством, именем, – которые поддерживаются сходными мотивами¹⁷. Система зеркальных мотивов и образов работает на сопоставление героев, причем она поддерживает идею бытийной состоятельности Левина в противовес несостоятельности Вронского. Медвежья охота Левина завершается браком с Кити, а охота Вронского превращается в кошмарное предзнаменование гибели Анны.

Свою символическую роль медведи выполняют и в позднем творчестве писателя, где обыгрывается один и тот же фольклорный сюжет, к которому Толстой по своему обыкновению обращается как минимум дважды: в художественном и религиозно-философском сочинениях. Первый раз этот сюжет возникает в трактате «В чем моя вера?» и служит иллюстрацией одной из заповедей Христа: «Еще говорит: за зло не плати злом, а то зло вернется на тебя еще злее, чем прежде, как подвешенная колода над медом,

¹⁷ См.: *Нагина К. А.* Пространственные универсалии и характерологические коллизии в творчестве Л. Н. Толстого. Воронеж, 2012. С. 392–400.

¹⁶ *Брукс Дж.* Указ. соч.

которая убивает медведя»¹⁸. Вполне понимая, что подобный способ охоты на медведя является для русского человека экзотическим, Толстой дает ему развернутый комментарий, но уже в трактате «Путь жизни»: «Медведя убивают тем, что над корытом меда вешают на веревке тяжелую колоду. Медведь отталкивает колоду, чтобы есть мед. Колода возвращается и ударяет его. Медведь сердится и сильнее толкает колоду – она сильнее бьет его. И это продолжается до тех пор, пока колода не убивает медведя. Люди делают то же, когда злом платят за зло людям. Неужели люди не могут быть разумнее медведя?»¹⁹

Сюжет о медведе и бревне «не встречается в репертуаре известных русских сказителей». Это плод «смекалки башкирских бортников, использующих подвешенное перед мешком борта с пчелиной семьей бревно в качестве своеобразного замка, защищающего мед от медведей»²⁰. Отраженный в башкирском фольклоре, этот сюжет, известный как «Медведь и чурбан», и привлек внимание Толстого²¹, использующего его в очередной раз в рассказе «Крестник», где он все так же служит наглядной иллюстрацией тезиса о неизбежном возвращении причиненного людям зла.

И по какому-то удивительному внутреннему «сцеплению» образов и идей, свойственных творчеству Толстого, земные медведи, превращаясь в звездных, все в том же трактате «Путь жизни» утверждают идею добра. Писатель рассказывает о девочке, которая во время большой засухи чудесным образом получила ковшик воды. Сама она не отпила ни глотка, но, пока несла ковшик больной матери, напоила собачку, и ковшик из деревянного стал серебряным. Мать отдала воду дочери, и ковшик стал золотым. Когда девочка поднесла ковшик страннику, на нем «высочило семь огромных брильянтов, и из него полилась большая струя чистой, свежей воды. А семь брильянтов стали поднимать-

ся выше и выше и поднялись на небо и стали теми семью звездами, которые называются Большой Медведицей. То, что ты отдал, то твое, а то, что ты удержал, то чужое. Если ты отдал что-нибудь другому, оторвав от себя, ты сделал добро себе, и это добро навсегда твое, и никто не может отнять его от тебя. Если же ты удержал то, что хотел иметь другой, то ты удержал это только на время или до того времени, когда тебе придется отдать это. А отдать придется наверное, когда придет смерть»²².

Вот так парадигматически завершается в творчестве Л. Н. Толстого «медвежий» сюжет. Писатель «сводит круг», поразительным образом включая в него Кити – Большую Медведицу, Левина, который «ловит и теряет» звезды Большой Медведицы на небосклоне, и Пьера, в медвежьей шубе нараспашку наблюдающего полет кометы Галлея в звездном небе 1812 года.

²² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 391.

М. Вайскопф

АНАГРАММЫ И КОДЫ В ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Само название этой статьи выглядит данью филологической конспирологии, к которой тут дело, однако, вовсе не сводится. Речь пойдет о более широком явлении: о лексико-стилистических и сюжетных элементах текста, имеющих порой ключевое значение, – вне зависимости от того, насколько отрефлектирован был их выбор с точки зрения автора, – но при этом нередко ускользающих от читателей. Подчас рационально-преднамеренная кодировка здесь и впрямь не подлежит сомнению, порой же она лишь предположительна; но сплошь и рядом раскрытие таких моментов ярче высвечивает смысловые недра произведения либо радикально меняет представления о его ближайшем контексте.

Цель предлагаемого обзора крайне проста – на заведомо разнородном материале лишний раз напомнить о преимуществах «пристального чтения». Добродетельная баналь-

¹⁸ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. М. ; Л., 1957. Т. 23. С. 423.

¹⁹ Там же. Т. 45. С. 230.

²⁰ Зайдешниур Э. Е. Использование Толстым фольклора народов России в своем творчестве. Выступление на толстовских чтениях 1982 года. URL: <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/nta/nta-433-.htm>

²¹ Опульская Л. Д. Комментарии // Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. М., 1982. Т. 10. С. 533.

ность этих слов искупается тем, что в наши дни, при стремительном увеличении самого объема получаемой нами информации, они, напротив, становятся все актуальнее, особенно когда мы возвращаемся к классике. Надо признать, правда, что и раньше с этим все обстояло не слишком благополучно. Ведь даже очень квалифицированный читатель обычно не замечает, что, к примеру, пушкинское переводное стихотворение «Ворон к ворону летит...» рассказывает об измене и предательстве, или что в самом зачине «Гробовщика» проскальзывает мотив безумия, который отзовется потом в сновидении героя, переселившегося на новое место (в фольклорно-семиотическом отношении шаг весьма драматический, сопряженный с переходом через временную смерть): «Приближаясь к желтому домику, так давно соблазнявшему его воображение, старый гробовщик чувствовал с удивлением, что сердце его не радовалось». Дело в том, что в тогдашнем словоупотреблении «желтый дом» был синонимом лечебницы для душевнобольных, в просторечии – сумасшедшего дома. Предлагаемая публикация посвящена, тем не менее, литературе, отделенной от Пушкина почти целым столетием.

Когда гимназисту Александру Блоку было семнадцать лет, он страстно влюбился в замужнюю даму, Ксению Михайловну Садовскую. Их бурный и сбивчивый роман прекратился через два с небольшим года по инициативе самого поэта, отдавшего предпочтение Л. Д. Менделеевой, – и, тем не менее, оказал непреходящее влияние на всю его жизнь. Л. В. Жаравина в своем комментарии к опубликованным ею письмам Блока к Садовской приводит фразу его тетки, Марии Бекетовой, которая утверждала, что «К. М. С. была первым источником его поэзии» и прообразом Прекрасной Дамы. По предположению Жаравиной, у раннего Блока сложился «своеобразный “цикл К. М. С.”», оставивший след и в его более позднем творчестве. «Видимо, в марте 1910 г., – говорит исследовательница, – до Блока дошли ложные сведения о смерти Садовской» – и тогда он отозвался на них горестным стихотворением «Все, что память сберечь нам старается...»¹.

¹ Письма А. А. Блока к К. М. Садовской. Публикация Л. В. Жаравиной // Блоковский сборник. Т. 2. Труды Второй научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока. Тарту, 1972. С. 309–324.

Эта история давно стала общим местом блоковедения, как и ее посмертный эпилог. Связан он был со второй строфой того же текста:

Жизнь давно сожжена и рассказана,
Только первая снится любовь,
Как бесценный ларец, перевязана
Накрест лентою, алой, как кровь.

Напомним, что спустя много лет, в 1925 году, после кончины Садовской – нищей и уже душевнобольной женщины – ее врач, давний почитатель Блока, обнаружил в жалком скарбе покойной связку его писем, *накрест перевязанную алой лентой*.

К этому действительно поразительному финалу нам остается только присоединить третью, последнюю строфу процитированного стихотворения:

И когда в тишине моей горницы
Под лампадой томлюсь от обид,
Синий призрак умершей любовницы
Над кадиллом мечтаний сквозит.

В заключительной строке, в трех ее начальных буквах, Блок закодировал инициалы своей возлюбленной: **К. М. С.** – т.е. Ксения Михайловна Садовская.

Можно, конечно, спорить об осознанности либо спонтанной произвольности таких шифров – но, как мне кажется, на сей раз такие дебаты в сущности беспредметны. Та скрытая сила, которая управляет движением текста в подобных случаях, всегда разумна и умышленна, даже если она не дает самому автору отчета в своих действиях и даже если ее предметом становится столь иррациональное чувство, как любовная ностальгия.

Иное дело – те привычные для России ситуации, когда писателю целенаправленно приходится зашифровывать свои подлинные намерения, оберегая себя самого или собственное сочинение. Как известно, в ранние советские годы еще удавалось обходиться без тщательного камуфляжа, и оттого, например, у Добычина в рассказе 1926 года «Сиделка» мы читаем: «– Товарищ Гусев подошел вплотную к решению стоявших перед партией задач! <...> Вертелись. *Сзади было кладбище, справа – исправдом,*

впереди — казармы»². Потом эзопов язык заметно усложнится.

В 1920-х годах в самых разных слоях общества (например, среди бывших анархистов) активно пробудились мистические и магические настроения³. Отчасти они стимулировались каббалой (в популяризаторской версии Папоса), для которой, как, впрочем, и для всей вообще иудаистской экзегетики, постоянной чертой были бесчисленные анаграммы, метатезы, аббревиатуры и прочие словесные игры. К ним тяготел и Хармс, совмещавший мистическую или, если угодно, квазимистическую ориентацию с ненавистью к советской власти. И его антибольшевистские воззрения, и оккультистские мотивы в целом подробно изучены (например, в замечательной книге Шубинского), но к ним не мешало бы добавить неучтенный пока момент, сопряженный с идеологической и политической позицией писателя. Дело в том, что сам псевдоним *Хармс* представляет собой макароническую анаграмму имени Маркс: *Марх*. Впрочем, не только макароническую. Николаю Чуковскому он рассказывал, будто подлинное его имя – *Кармс*⁴. В этой инверсии таится как бы антоним и антипод большевистского божества. Мы знаем, насколько Хармс любил подобные перевертыши: ср. хотя бы его игры с цифрами 6 и 9, которые он использовал даже в своих попытках уклониться от службы в Красной Армии.

Творчество Булгакова являет собой, как известно, богатейшую мозаику всевозможных кодов, игровых и прочих аллюзий, начиная с весьма прозрачных вроде его раннего псевдонима *Г. П. Ухов*. Непревзойденным исследованием

² *Добычин Л.* Полн. собр. соч. и писем. СПб., 1999. С. 82.

³ Подробно об этом см.: *Никитин А. Л.* Цветы из пепла (вступительная статья) : *Rosa mystica* // Поэзия и проза российских тамплиеров. М., 2002; *Его же.* Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. Исследования и материалы. М., 1998, а также: *Немировский А. И., Уколова В. И.* Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994.

⁴ *Шубинский В.* Даниил Хармс : жизнь человека на ветру. М., 2015. С. 81. См. также: *Вайсзонф М.* Между огненных стен : книга об Исааке Бабеле. М., 2017. С. 189. О магических мотивах у Хармса см., кроме того: *Россомахин А.* «Real» Хармса : по следам оккультных штудий поэта-чинаря. Пб., 2005.

того аллюзионно-ассоциативного фонда, который содержится в главном булгаковском романе, по-прежнему остается блестящая статья Бориса М. Гаспарова «Из наблюдений над мотивной структурой “Мастера и Маргариты”», напечатанная почти сорок лет назад в израильском журнале «*Slavica Hierosolymitana*»⁵. Список кое-каких булгаковских реминисценций, таящихся в этом тексте, сегодня, однако, уместно было бы расширить.

Сделавшаяся общепринятой мысль о частичном тождестве Воланда со Сталиным нуждается, мне кажется, в более конкретных подтверждениях. Нетрудно было бы найти их, к примеру, в иронических репликах булгаковского сатаны по поводу способности человека самому планировать свое будущее. Роман создавался в пропагандистской ауре сталинских пятилетних планов (см. хотя бы сталинскую речь «Об итогах первой пятилетки»), что позволяет опознать пародийно-полемический отклик на эту злободневнейшую тогда тему в словах Воланда, обращенных к Берлиозу: «Для того, чтобы управлять, нужно, как-никак, иметь точный план на некоторый, хоть сколько-нибудь приличный срок». Ср. у Сталина: «Чтобы руководить, надо предвидеть»⁶. Затем, однако, Воланд переходит к скептической оценке таких прожектов, существенно растягивая этот «приличный срок»: «Позвольте же вас спросить, как же может управлять человек, если он лишен возможности составить какой-нибудь план хотя бы на смехотворно короткий срок, лет, скажем в тысячу, но не может ручаться даже за свой собственный завтрашний день?» Понятно, что ручаться за него при сталинской власти никто не мог.

Затем Воланд смакует перспективу предстоящей гибели своего собеседника: «*Неужели вы скажете, что это он сам с собою управился так? Не правильнее ли думать, что управился с ним кто-то совсем другой?*» Так обыгрывается и знаменитая любовь Сталина к раздумчивым риторическим вопросам, внушенная ему катехизисом и духовной семина-

⁵ *Slavica Hierosolymitana* : Slavic Studies of the Hebrew University. 1978. V. III. P. 198–251.

⁶ *Сталин И. В.* Соч. М., 1949. Т. 11. С. 35.

рией: «Правильно ли это определение? Я думаю, что правильно»; «Не вернее ли будет сказать...»⁷ – и т.д.

К пестрой галерее остальных предшественников Воланда позволительно прибавить еще один экспонат, а, вернее, значимую подробность, которая проливает дополнительный свет на магическую основу «Мастера и Маргариты». Речь идет о романе Жорж Санд «Графиня Рудольштадт» – второй части ее дилогии о Консуэло. Русский его перевод вышел в 1897 году.

Действие книги приурочено к XVIII веку и изобилует различными мистическими или квазимистическими лицами того времени – от франкмасонов до «богемских братьев» и иллюминатов. Один из этих таинственных героев, Готлиб, возглашает: «Конец света близок, это очевидно. Появились явные приметы. Родился антихрист. Некоторые утверждают, что он в Пруссии и зовут его Вольтер. Но я не знаю этого Вольтера, и, возможно, это не он. Тем более, что имя Вольтер начинается на V, а не на W. А ведь имя, которое антихрист будет носить среди людей, должно начинаться на W и быть немецким»⁸. Напомним, что на визитной карточке Воланда поэту Бездомному бросилась в глаза «Двойная буква фамилии – двойное В». После некоторых колебаний Воланд признает, что он действительно немец.

Такие переключки – симптом внутренней связи, вызывающий к более широким сопоставлениям. Много лет назад я уже имел случай указать на такой важный источник «Мастера и Маргариты», как роман Загоскина «Искуситель», повествующий о вторжении Сатаны в Москву и совпадающий с будущим булгаковским текстом в ряде ключевых деталей⁹. Действие «Искусителя» развертывается в обстановке, сходной с той, что несколько позднее дана будет в «Графине Рудольштадт», да и мелькают в нем те же лица – Сен-Жермен, Калиостро; есть у Жорж Санд, среди прочего колдовского антуража, и магический «большущий кот». Что же касается ее антихриста с именем на букву

⁷ Сталин И. В. Указ. соч. Т. 8. С. 16; Т. 11. С. 122.

⁸ Санд Ж. Графиня Рудольштадт // Санд Ж. Собр. соч. : в 9 т. Л., 1973. Т. 6. С. 222–223.

⁹ Вайскопф М. Черный плащ с красным подбоем : Булгаков и Загоскин // Вайскопф М. Птица-тройка и колесница души. М., 2003. С. 520–524.

W, то писательница снабдила соответствующее место место авторским примечанием: «Возможно, это Вейсгаупт (Weisshaupt)». Речь шла о знаменитом вожде иллюминатов – просветителе, обвинявшемся в сатанизме. Об одном из бесспорных прототипов булгаковского дьявола – нестареющей графе Сен-Жермене – другой персонаж, Пельниц, рассказывает в той же манере, что и Воланд – о своем завтраке с Кантом или об истории Иегошуа Га-Ноцри: «Помнится, как-то вечером во Франции, когда речь зашла о страстях Господа нашего Иисуса Христа, он воскликнул с самой забавной горячностью: “Ведь говорил же я ему, что его ждет плохой конец у этих злых иудеев”»¹⁰. В согласии с французско-просветительской традицией, от которой немало зависит и автор «Мастера и Маргариты», Иисуса называют здесь «величайшим философом» – ср. аналогичное обозначение в устах булгаковского Пилата.

Жорж Санд исповедует здесь веру в социализм – но еще не марксовского типа, а другой, гуманный, во вкусе Пьера Леру, – социализм даже не с человеческим, а с богочеловеческим лицом. В тематическом центре ее романа стоит некое могущественное «Невидимое братство», которое тайно и неустанно радуется о благе человечества. Дialeктика Меффистофеля, вынесенная у Булгакова в эпиграф к «Мастеру и Маргарите»: «Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно творит благо», – у Жорж Санд объявлена, так сказать, техническим принципом для тех, кого подчиняют своей воле Невидимые братья: они «неизбежно творят добро, хоть и думают, что творят зло»¹¹.

В собственно идеологическом аспекте Булгакову куда ближе, конечно, был загоскинский «Искуситель», пропитанный агрессивно охранительным пафосом, да и вообще тексты, созданные людьми преимущественно консервативной ориентации. Одним из них, судя по всему, оказался поздний Гейне, который с годами отрекся от своих атеистических и радикально левых взглядов и обратился к религии (что, к слову сказать, вызвало естественное раздражение у его прежнего друга Маркса). В своих скандальных

¹⁰ Санд Ж. Указ. соч. С. 24.

¹¹ Там же. С. 224.

«Признаниях», написанных поэтом в 1854 году в качестве предисловия к немецкому переизданию его французской книги «О Германии» (“De L’Allemagne”), автор сводил счеты одновременно с атеизмом и с «грубым коммунизмом» пролетариата, причем делал это с шокирующей резкостью:

«Мы видим в победе коммунизма угрозу всей нашей современной цивилизации, достоянию, добытому тяжким трудом многих столетий, плоду благороднейших усилий наших предшественников <...> Мы не можем скрыть от себя, чего нам следует ожидать, как только широкая грубая масса, которую одни называют народом, а другие чернью <...> придет к действительному господству»; «Я вымыл бы руку, если бы самодержавный народ почтил меня рукопожатием»¹².

Народу Гейне инкриминирует здесь злобу, грязь и невежество. Как и предшествовавшие его сочинения вроде памфлета «Людвига Берне», в левых кругах «Признания» принесли автору одиозную репутацию ренегата и противника пролетариата. Без всякого сомнения, в большевистской России на этот счет у него нашлось бы множество единомышленников – да и само имя Гейне было там на слуху. Уже с 1918–го во «Всемирной литературе» начинает выходить новое собрание его сочинений под редакцией Блока, причем прерванная работа над ним возобновляется в начале и первой половине 1920-х годов.

Инвективам Гейне у Булгакова созвучно брезгливое негодование профессора Преображенского, «ненавистника пролетариата» в «Собачьем сердце»: «Я вам не товарищ! Это чудовищно!» – и ярость поручика Мышлаевского в «Белой гвардии», который кроет матом простой народ – «богоносцев Достоевских». Действительно, революция и ее последствия заставили немалую часть русской интеллигенции, в том числе умеренных националистов наподобие Булгакова, навсегда проститься с традиционным «народомольчеством», как назвал когда-то подобные сантименты Юрий Гальперин.

И все же пока налицо параллели слишком общего свойства, чтобы исходить из них в вопросе о прямом влиянии Гейне на Булгакова. Есть у нас, однако, и более отчетливые данные, решительно говорящие в пользу такого воздей-

ствия. Чуть ниже в своих «Признаниях» Гейне, живший тогда во Франции, тревожно сетует на то, что число коммунистов «невероятно увеличилось в Германии за последние годы, и эта партия, бесспорно, является одной из сильнейших по ту сторону Рейна». Главным, хотя и косвенным, виновником их усиления назван «берлинский профессор Гегель», не предвидевший тех катастрофических последствий, к которым приведет его достаточно невятное учение. В предисловии к французскому изданию первой части своей книги «О Германии» («К истории религии и философии в Германии») Гейне уточняет, что в перечне самых радикальных гегельянцев, «этих обожествивших себя безбожников», ведущее место занимает «еще гораздо более непримиримый мой друг Маркс»¹³. Ср. в «Признаниях»:

Нет большой заслуги в том, что я в книге “De L’Allemagne” задолго предсказал чудовищные явления, наступившие лишь позднее. Мне нетрудно было пророчествовать о том, какие песни будут со временем насвистывать и чирикать в Германии, ибо на моих глазах *вылуплялись птицы*, впоследствии затянувшие эти новые напевы. Я видел, как Гегель со своим почти до смешного серьезным лицом сидел насадкой на этих *роковых яйцах*, и я слышал его кудахтанье (перевод П. Бернштейн и А. Горнфельда)¹⁴.

Процитированный текст, безусловно, следует включить в число главных источников булгаковских «Роковых яиц» (октябрь 1924) – вместе с общеизвестными реминисценциями из Герберта Уэлса.

У Булгакова в его аллегорической повести роль гейневского «профессора Гегеля» совместно выполняют недалевидный и аполитичный профессор Персиков, открывший чудодейственный «красный луч», и утилизовавший это изобретение энтузиаст, коммунистический администратор Рокк, который заверяет своих помощников: «– Эх, выведу я цыпляток республике!»; «*Выведу таких, что вы ахнете*».

Яйца, как для научных опытов, так и для птицеводства, прибыли в Россию именно из Германии, и их немецкое

¹³ Там же. Л., 1958. Т. 6. С. 17.

¹⁴ Там же. Т. 9. С. 112–113. В более ранней версии перевода, правда, вместо «роковых» было «фатальных», что дела, разумеется, не меняет.

¹² Гейне Г. Собр. соч. : в 10 т. Л., 1959. Т. 9. С. 109.

происхождение маркирует предостерегающая надпись: «Vorsicht: Eier!! / Осторожно: яйца!!». Но осторожности не хватило. Напомним, что немецкий груз по своей безалаберности власти перепутали, заменив птичьи яйца змеиными, которые и попали в советское хозяйство, расположенное у деревни с апокалиптическим названием Концовка. Наседку для роковых «ярко-красных яиц» как бы заменяет теперь сам заведующий совхозом Рокк, любовно оберегающий кладку, а гейневские «новые напевы» – флейта, на которой он с воодушевлением играет, пока вместо ожидаемых птенцов не вылупятся свирепые чудовища.

Автору «Приглашения на казнь» (1935) столь любовные ходы были, конечно, не свойственны. Тем любопытнее наблюдать, как советская явь в самом конкретном, брутальном ее выражении влеталась у Набокова в ткань этой фантазмагии, причем именно там, где ее автор развертывал свои, казалось бы, наиболее прихотливые и субъективные игры с реальностью. Сюда относится показ м-сье Пьера, нетривиально совмещающего в себе профессию палача с чертами клоуна или балаганного шута Петрушки, которого он многозначительно называет своим тезкой. Пьер среди прочего подвизается и в соответствующем цирковом амплуа («сенсация, мировой номер!») – а на устраиваемую им казнь принимаются «талоны циркового абонемента».

Между тем это гротескно-фарсовое слияние контрастных ролей не является литературной выдумкой, ибо восходит к реальным прецедентам. Приведу наиболее актуальный из них, еще не отмеченный исследователями. В 1923 году С. П. Мельгунов опубликовал в Берлине, где тогда жил Набоков, свое нашумевшее и почти сразу переизданное исследование «Красный террор в России». Рассказывая здесь, в частности, о репрессиях в Туркестане, историк сообщает: «Главным деятелем по применению пыток был бывший *цирковой клоун, член Чрезвычайной комиссии и сам палач Дрожжин*»¹⁵. Совмещение обеих этих функций – палача и актера – в «Приглашении на казнь» побуждает внимательнее приглядеться и к тому месту в «Даре», где гово-

рится о противоестественности палаческой службы, о ее вневечеловеческом, теневом характере и, соответственно, о том, что в Китае *казнь вершили актеры*.

Чтобы несколько разрядить весь этот унылый политический настрой, я решаю завершить статью совершенно безыдейным наблюдением. Все, конечно, помнят фразу из «Золотого тельца»: «Ему показалось, что за его спиной стоит гражданин с *цинковой мордой соглядатая*». Стоит лишь уточнить, что родилась она из тогдашнего воровского жаргона, или «блатной музыки», несомненно, известной обоим авторам (один из которых, кстати сказать, раньше служил инспектором уголовного розыска): «цинковать» означало приглядывать, высматривать, стоять на шухере¹⁶. Перед нами выразительный пример того, как вытесненная и трансформированная память о криминальном сленге обогатила русскую литературу чудесной метафорой.

¹⁶ «Цинковать – 1. Подавать сигнал тревоги. 2. Вести наблюдение. 3. Охранять; стоять на страже во время преступления» (Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы). М., 1992. С. 275. См. также в прим. Е. И. Погорельской к «Моему первому гонимому» в изданных ею «Рассказах» И. Бабе-ля (СПб., 2014. С. 590).

С. Н. Филошкина, К. Г. Шишкин

ГРЭМ ГРИН И ИВЛИН ВО В ЭПИСТОЛЯРНОМ ДИАЛОГЕ: СОГЛАСИЕ И ПОЛЕМИКА

Переписка писателей – уникальные и самобытные эго-документы, способствующие уточнению человеческого облика автора, воссозданию мозаичной картины эпохи, – давно стала объектом научного интереса ученых разных стран. По словам В. В. Ивашевой, «беседа в письмах – подчас посвященная самым будничным темам и зачастую не затрагивающая больших проблем – помогает понять глубже и лучше того, кто их писал»¹. Тем более если в письмах писателя поднимаются и «большие проблемы».

¹ *Ивашева В. В.* Эпистолярные диалоги. М., 1983. С. 4.

¹⁵ *Мельгунов С. П.* Красный террор в России 1918–1923. Чекистский Олимп. М., 2006. С. 198.

Ярким примером является эпистолярный Грэма Грина (1904–1991), выдающегося английского романиста, охватившего своим творчеством, своим присутствием в мировом литературном процессе почти шесть десятилетий двадцатого столетия. Наряду с замечательными образцами прозы и публицистики писателя, его многочисленные послания, адресованные современникам – коллегам по цеху (среди них И. Во, М. Спарк, К. Воннегут, Э. Берджесс, Дж. Оруэлл, Р. Даль, С. Маршак, Э. Боуэн, Дж. Х. Чейз), составляют бесценное наследие, оставленное потомкам. Переписка Г. Грина проливает свет на начало творческого пути автора, раскрывает эволюцию его мировоззрения, свидетельствует о заслуженном успехе, фиксирует самокритику, объединяет вокруг Грина многообразия адресатов. Любопытными являются письменные высказывания писателя о его литературных предпочтениях, а также критические суждения. М. Эмис, Р. Брэдбери, Б. Брехт, А. Кристи, Ч. Диккенс, А. Конан Дойл, Дж. Конрад, Дж. Голсуорси, У. Голдинг, Р. Хаггард, Т. Харди, Э. Хэмингуэй, О. Хаксли, Дж. Джойс, А. Мёрдок и др. – таков неполный список имен, которые упоминает Грин в своих письмах.

В настоящее время основная часть архива писателя, насчитывающего не менее 60 000 писем, находится в Библиотеке Бёрнса в Бостоне (США)², однако отдельные документы и рукописи Г. Грина размещены также в фондах специального хранения документов данного автора в Центре гуманитарных исследований им. Гарри Рэнсома при Техасском университете в г. Остине (США), Библиотеке Джорджтаунского университета (США), Британской библиотеке (Лондон), Бодлианской библиотеке (Оксфорд), а также в частных коллекциях. Существует две причины, по которым большая часть эпистолярного наследия Грина находится на территории США. Первая – сугубо материальная: британские учреждения не смогли выплатить сумму в один миллион фунтов стерлингов за архив Грина. Вторая связана с осо-

² Архив в Библиотеке Бёрнса имеет следующую систематизацию: общий архив (General), семейный архив (Family) и письма почитателей (Fan Mail). Для хранения писем используются алфавитный и хронологический принципы. Письма от почитателей в ряде случаев анонимные: они сгруппированы только хронологически.

бенностями Библиотеки Бёрнса. Она является крупнейшим держателем разнообразных документов, писем, черновигов английских авторов – **католиков**, таких, например, как Г. К. Честертон, И. Во, Х. Беллок и др., поэтому нынешнее местонахождение архива писателя, как известно, принявшего в 1926 г. католичество, вполне объяснимо.

К эпистолярному наследию автора первыми попытались обратиться его биографы, но только одному из них, Норману Шерри, удалось получить официальное разрешение Грина на допуск ко всему его архиву. В трехтомнике «Жизнь Грэма Грина» (“The Life of Graham Greene”, 1989, 1994, 2004) он процитировал более тысячи писем писателя.

Наиболее интересные послания представлены в эпистолярной биографии «Грэм Грин. Жизнь в письмах» (“Graham Greene. The Life in Letters”, 2008), изданной канадским литератором Ричардом Грином. Помимо преподавательской деятельности, последний выступает как критик, биограф и поэт. В 2009 г. он был награжден литературной премией Генерал-губернатора (Канада) за поэтический сборник “Boxing the Compass”. В настоящее время работает над биографией Грэма Грина, широко используя его эпистолярный архив.

Среди корреспондентов – писателей, с которыми, как уже было сказано, активно обменивался посланиями Г. Грин, наше внимание привлекла его обширная переписка с Ивлином Во, тем более что на определенном этапе она включает в себя идейную полемику авторов писем, не переставших оставаться друзьями.

Это подтверждает и собрание посланий И. Во «Письма» («The Letters of Evelyn Waugh»), впервые опубликованное Марком Армори, литератором и другом семьи, в 1980 г. Именно к осмыслению названной корреспонденции, составляющей основную тему нашей статьи, мы, наконец, приступаем.

Поначалу юморист, мастер курьезных ситуаций, И. Во (1903–1966) поднимается до высот сатирического обличения нравов британской элиты, тупого солдафонства, меркантилизма. Подобно Грину, но на четыре года позднее, в 1930, Во становится католиком, что приводит его как художника к исследованию сложных нравственно-религиозных ситуаций, психологических коллизий, а в последних произведе-

ниях – к активным поискам положительного героя. Среди лучших романов И. Во – «Мерзкая плоть» (1930), «Пригоршня праха» (1934), «Возвращение в Брайдсхед» (1945), трилогия «Почетный меч» (выходившая по частям и полностью опубликованная в 1965 г.).

Жизненные пути Грина и Во пересеклись еще в Оксфорде, где они учились одновременно, но в разных колледжах. В книге воспоминаний «Недоучка» (“A Little Learning”, 1964), в русском переводе включенной в книгу «Насмешник», Во рассказывает о своей бурной студенческой юности, уделяя несколько строк и Грину: «...он жил очень уединенно. Я в те годы едва знал его. Не был у него, как и он у меня. Позже он стал моим другом <...> но у меня такое впечатление, что он смотрел на нас свысока (а, возможно, и на всех студентов), как на хвастливых мальчишек. И, разумеется, не принимал участия в наших попойках. Ни Грин, ни я не помним, как мы познакомились...»³

Переписка писателей начинается в 1940-е гг. и длится около двух десятилетий. Ее питает богатство духовной жизни корреспондентов, которую не заслоняет склонность к шутке, игре, особенно у Во. Оба автора интересны друг другу и в их отношении к художественному слову. Грэм Грин высоко ценил роман И. Во «Возвращение в Брайдсхед», а в посланиях Ивлина, выборочно опубликованных А. Я. Ливергантом на страницах журнала «Иностранная литература» (2008, № 5), отражены очень добрые, нередко восторженные отклики собрата по перу на произведения Грэма – и только что вышедшие, и переиздаваемые.

«С гордостью взираю на целую полку Ваших книг с дарственной надписью», – пишет Во Грину 27 марта 1950 г.⁴ Эта полка, как можно понять из писем И. Во, постоянно пополнялась, принимая в свои «объятия» и психологические детективы Грина 1930-х – 40-х – 50-х гг. («Доверенное лицо», «Министерство страха», «Третий человек»), которые сам автор определил как «развлекательное чтение» (“Entertainment”), и так называемые «novels» – «серьезные

романы» («Сила и слава» (1940), «Конец одной любовной связи» (1951), «Комедианты» (1966) и др.).

Нельзя, однако, не заметить, что, с искренним восторгом воспринимая произведения друга-корреспондента, Во обходил вниманием их злободневность, общественно-политическую остроту, подчеркивая только художественные достижения Грина, его творческую «мощь».

И лишь один роман собрата по перу оказался для И. Во свидетельством «потускневшего мастерства» Грина, доказательством того, что последний «не удержался в седле». Это «Ценой потери» (1960) – произведение, ставшее объектом полемики писателей сразу после его выхода в свет. (Эпистолярный диалог писателей по поводу романа приводит К. Г. Шишкин в кандидатской диссертации на тему «Переписка как свидетельство литературных интенций Грэма Грина». М., 2016).

Примечательно, что о самих художественных просчетах Грина, если уж речь идет о «потускневшем мастерстве», автор стилистически блестящего «Возвращения в Брайдсхед» говорит, щадя самолюбие друга, не в письмах, а в своем дневнике (запись от 31 декабря – 1 января 1961 года). Ему не нравятся в романе образ журналиста Паркинсона («грубая подделка»), фигура «пренелепого католика-мирянина, который внушает своей юной жене мистические идеи». Отмечая отдельные художественные удачи (например, проповедь отца-настоятеля), Во негодует, что в произведении Грина «правоверные миссионеры больше не пытаются сеять разумное, доброе, вечное и ничем, кроме строительства и финансов не интересуются»⁵. Но ведь усилия, направленные на материальное содержание лепрозория, в конечном итоге служат и задачам послушания монахов, членов прибывшего в Африку Ордена, а именно – спасения прокаженных! Однако Во не хочет этого замечать.

И вот здесь мы выходим на главную причину неприятия Ивлином Во гриновского романа, что отразилось и в переписке друзей. По мнению католика Во, в своем произведении «Грин предстает напрочь лишенным веры!»⁶ Эту

³ Во И. Насмешник. М., 2005. С. 223.

⁴ Письма И. Во Джорджу Оруэллу и Грэму Грину. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2008/5/vol7.html>

⁵ Там же.

⁶ Там же.

«утрату веры», «публичное» от нее «отречение» усмотрели и другие религиозные критики романа, и Во с ними солидаризируется. Для него неприемлемо наличие в романе персонажа-атеиста и сама попытка Грина в письме объяснить, что в образе доктора Колэна, борющегося с проказой, он пытался показать, как перевел А. Я. Ливергант, «взвешенный атеизм» (“settled and easy atheism”). С точки зрения Во, это словосочетание бессмысленно, ибо «атеист отрицает высшую цель человека – любить Бога и служить Богу»⁷.

Тем не менее Во отказывается выполнять заказ газеты «Дейли Мейл», которая ждала от него разгромной рецензии на роман. Откровенно заявляя Грину, что он не желает успеха его книге, друг-корреспондент сообщает, что он не хочет участвовать в «сенсационной атаке» на автора.

Подобная позиция с очевидностью благородна. Грин, в свою очередь проявляя благородство, стремится доказать, что он не выступал против друга, что отвратительный образ ханжи Рикера в романе отнюдь не имеет своим прототипом католика Во. Правда, последний возможностью таких подозрений не обижен, но предполагает, что образ Рикера был реакцией Грэма на попытки некоторых верующих увидеть в Грине «католического писателя» (как известно, против определения его как «католического архитектора» активно протестует в романе главный его герой Керри, и Во справедливо видит в этом отражение личных чувств автора произведения). В переписке с другом Во признается, что в свое время и он приложил определенные усилия к тому, чтобы Грина посчитали «католическим писателем».

В свою очередь Грин стремится растолковать своему дорогому корреспонденту, что в его трактовке духовных исканий героя – бежавшего в джунгли Африки прославленного бельгийского архитектора Керри – все не так просто. Последний твердит о своей утрате веры, о неспособности творить и любить женщину, но Грин в письме от 6 января 1961 г. обращает к католику Во такие слова: «Я думаю, что если Вы перечитаете книгу, то в ее конце, в диалоге между доктором и Керри обнаружите намек на то, что неверие

Керри было чем-то внешним – в большей степени, чем атеизм доктора» (перевод наш. – *С. Ф., К. III*)⁸.

Итак, автор романа «Ценой потери», касаясь религиозной проблематики произведения, обращает внимание на сложность позиции и героя, и своей собственной. Но Во продолжает беспокоиться о «правочности» друга. Спустя несколько месяцев, в октябрьском письме 1961 г., он напоминает: «Насколько Вы знаете, роман “Ценой потери” шокировал меня». И тут же Во стремится «реабилитировать» друга, рассуждая о том, что никаких «шокирующих деталей» у Грина не было на уме, когда он приступил «к поискам характера» и поплыл по Конго⁹.

Известно, что свои впечатления о путешествии по великой африканской реке, на берегах которой Грин познакомился с буднями лепрозориев, писатель отразил в книге, названной им «В поисках характера» (1961). И именно эти «поиски», о которых также говорит Во, привели писателя-путешественника к обретению той модели, которая и легла в основу романа «Ценой потери».

Узнав об особенностях лечения проказы, о феномене «A Burnt – out Case» – излечении человека «ценой потери» им каких-то частей тела, Грин попытался насытить этот чисто медицинский казус нравственно-психологическим и религиозным содержанием. В раскрытии этого содержания большую роль играет сюжетная линия «Керри – доктор Колэн». Поклонник науки, стремящийся быть там, где жизнь меняется к лучшему, доктор-атеист старается излечить Керри от влияния изуродовавшей его порочной цивилизации. И излечение видит в преодолении со стороны Керри эгоизма и эгоцентризма.

Даже создавая только кресла для больных слоновой болезнью, только удобные туалеты (сознательный отказ героя от служения искусству – мотив «потери» – здесь очевиден), Керри, как отмечает автор устами доктора, находит главное: нравственно-психологически выздоравливает. Ведь он обретает потребность служить людям, счастье человеческого общения, радость открытия того, что ты можешь

⁷ Письма И. Во Джорджу Оруэллу и Грэму Грину.

⁸ *Greene G. Life in Letters / ed. by R. Greene. London, 2008. P. 253.*

⁹ *The Letters of Evelyn Waugh / ed. by M. Armory. London, 2009. P. 651.*

быть кому-то нужным (история со спасением слуги Део Грациаса). Кстати, возвращение к герою «человеческого облика» отмечает в своем дневнике и Во, отмечает с неудовольствием, поскольку, с его точки зрения, в романе отсутствует обретение главного – Веры; ее проблема, считает автор дневника, в сюжетно-композиционном плане разработана неумело.

Но в произведении разворачиваются и другие коллизии: герой-творец и непонимающая его толпа, высокое искусство и потребности простых верующих, разоблачение порочной цивилизации, отказ от которой заставляет Керри тянуться к почти первобытным верованиям африканцев. Встает и проблема **призвания**, которое может оказаться человеку не по плечу, особенно если призвание требует полнейшего погружения в себя и самовыражения. Для героя это проявляется в сфере зодчества. Что касается Веры, то он поначалу следовал ей автоматически, хотя и смутно осознавал, что ее подлинность должна проявляться в ощущении присутствия Божества и в творчестве, и в любви. Но в толковании Веры окружающими он наткнулся на всеобщее лицемерие, а в художественных исканиях износил себя.

Грин попытался вместить все это в модель медицинского казуса об исцелении «ценой потери» и, возможно, такая модель оказалась для всех заданных автором вопросов тесной.

Однако, при знакомстве с перепиской Грина и Во, особенно любопытным оказалось другое: суждения самого писателя о романе расходятся с тем, что объективно «получилось» в тексте. Иными словами здесь налицо столкновение «автора биографического», раскрывающего себя в письмах, и «автора художественного» как носителя идейно-эстетической концепции жизни, выражением которой и предстает произведение. И эта концепция оказалась шире, ярче, мощнее, чем те оценки персонажей, которые дает в своих посланиях писатель Грин.

В письме Ивлину Во от 4 января 1961 г. Грин сам формулирует свою авторскую цель в романе и определяет своеобразие персонажей, которых намеревался изобразить: «...I wanted to give expression to various states of moods of belief and unbelief. The doctor, whom I like best as a realized

character, represents a settled and easy atheism¹⁰; the Father Superior a settled and easy belief (I use 'easy' as a term of praise and not as a term of reproach); Father Thomas an unsettled form of belief and Query an unsettled form of disbelief. One could probably dig a little of the author also out of doctor and Father Thomas»¹¹.

Как известно, английский оригинал всегда краток, емко и многозначителен, передача его оттенков по-русски требует немало уточняющих слов. Но позволим себе принять как «рабочий вариант» следующий перевод высказывания Грина: «Я хотел передать различные состояния ума и чувства в ситуации веры и неверия. Доктор, образ которого я люблю больше всех, поскольку это реальный характер, представляет утвердившийся атеизм, непосредственный и простой; отец-настоятель – утвердившуюся веру, спокойную и простую, как молитва, исключаящую какой-либо укор; отец Тома выражает неустойчивую веру, а Керри колеблется в своей неверии. Вероятно, можно кое-что раскопать о самом авторе в докторе и отце Тома».

Такова «задумка» писателя, но задуманное неизбежно вписывается в уже сложившееся мировосприятие Грина, отличительной чертой которого является резко критическое отношение к любым последовательным завершенным концепциям (социально-политическим, нравственно-этическим, религиозным); с точки зрения писателя, они обязательно догматичны, а главное, абстрактны по сравнению с конкретным, зачастую печальным, опытом людей – его нельзя заключить в некие готовые формулы! Носителями таких формул в романе изображены католики Рикер и Тома, а также журналист Паркинсон. Рисуя этих персонажей, писатель обращается к системе отталкивающих, «разоблачающих» тропов, поднимаясь, например, при изображении Паркинсона как представителя «большого мира» и ханжи Рикера до высот сатиры, открытого обличения их позиций.

¹⁰ А. Я. Ливергант в своей публикации переводит «a settled and easy atheism» как «взвешенный атеизм»; здесь налицо стремление переводчика к обобщению мысли Грина. Мы в своем переводе попытались ее детализировать. См. далее.

¹¹ *Greene G. Op. cit. P. 251.*

«Пустопорожними» откровенно называет Грин слетающие с уст правоверного католика слова «тайнство», «долг», «любовь», «благодать» и сравнивает их с кваканьем лягушек. А за образом Паркинсона встает как примета современной цивилизации мир массового сознания – примитивного, легковверного, не нуждающегося в истине, питающегося только виртуальными образами, лишь бы они имели яркое словесное «оперение».

Нервный, еще по-семинарски скованный отец Тома поначалу мог бы вызвать сочувствие, поскольку его искренне волнуют проблемы Веры. Однако Грин с помощью выразительных деталей, ярких сравнений сразу же заставляет почувствовать и Керри, и читателя опасность, исходящую от этого монаха. У него «длинный, узкий нос», который странно изгибается, словно приносящаяся к неумовимому запаху; он не улыбается, а выдавливает улыбку, темную и приторную, как лакричный леденец. Уходя из кельи Тома, куда монах настойчиво звал Керри, последний ощущает на лице спустившуюся сверху лишнюю паутину.

В отношении к Керри у Рикера, Тома, Паркинсона проявляется, как показывает Грин, характерный для современной цивилизации принцип морального давления на личность, подведение ее под уже готовый растиражированный стереотип, в данном случае «католического архитектора», «святого», сознательно похоронившего себя в африканской глуши. В трактовке Грина эти морально-религиозные формулы предстают угрозой индивидуально личностному началу, охотой на человека, которая, в конце концов, предстает реальной со стороны Рикера, что приводит героя к гибели. Опять-таки характерен отбор тропов, утверждающих мотив охоты, преследования. Паркинсон вешает на стул фотоаппарат, подобно тому, как стрелки вешают пистолет. Отец Тома сравнивается с коброй, готовой броситься на мангусту. Рикер захлопывает рот, как ловушку. Изображение первого визита Керри в дом Рикера сопровождается описанием охоты ящерицы на бабочку на стене гостиной.

Как видим, подобная трактовка образов персонажей, окружающих героя, отнюдь не соответствует замыслу писателя, которыми он делится в письме к И. Во. И хотя мотив

«Веры и неверия» неизменно присутствует в разговорах действующих лиц, на первый план, возможно, помимо воли автора выступает судьба личности в условиях современной «прокаженной» цивилизации, что всегда волновало Грина.

Обращение к переписке двух мастеров английской прозы не только углубляет наши представления о соотношении «автора биографического» и «автора художественного», но позволяет увидеть любопытные оттенки в личности каждого из корреспондентов. Грин, представивший в образе католика Рикера отвратительный тип ханжи, всеми силами пытается убедить Во, что на него эта критика не распространяется. С Ивлином происходит нечто еще более забавное. Так, в мае 1948 г. И. Во выражает откровенную радость, что роман друга «Суть дела» получил большую денежную премию в США и теперь Грэм может целых пятнадцать лет не заботиться о средствах к существованию. При этом друг дает советы, как можно с наибольшей выгодой оформить получение премии. А через пару месяцев в одном из журналов тот же И. Во называет «Суть дела», полемизирующую с ортодоксальным католицизмом, «сумасшедшим богохульством»!¹² Очевидно, что в поведении Во обыденное, житейское, человеческое расходится со стремлением писателя предстать и в своих собственных глазах и в глазах окружающих воплощением подлинной Веры. Любопытно, что в одном из писем Во подчеркивает: в Страстную неделю он никогда не позволял себе «светского чтения».

Нельзя не признать справедливости замечания В. В. Ивашевой, с которого мы начали этот разговор, – о ценности «беседы в письмах».

---

¹² *Waugh E. Felix Culpa // Commonweal. 1948. XL VIII. July, 16.*

Научное издание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Вестник литературоведения и языкознания

Выпуск 33
Часть 1

Электронная верстка *Л. О. Мещеряковой*
Корректор *Е. В. Жеребцова*

Подп. в печ. 21.10.2019. Форм. бум. 84×108/32
Уч.-изд. л. 11,5. Усл. п. л. 11,0. Заказ 352. Тираж 120

Издательский дом ВГУ
394000, г. Воронеж, пл. Ленина, 10

Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394000, г. Воронеж, ул. Пушкинская, 3